

Журнал издается с июня 1998 г.

Периодичность — 6 раз в год

**Учредитель и издатель
Ю. Мандрика**

№5 (15)

Адрес редакции
(для переписки):
625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84

**Читатель! Журнал,
который ты держишь в руках,
издан при поддержке
комитета по СМИ
и полиграфии
администрации ХМАО.
Часть материалов
данного номера
посвящена истории
югорского края.
Совместный выпуск
краеведческого издания —
акция, посвященная
70-летию автономного округа.**

Оглавление

ЛИТЕРАТУРНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ПОЭЗИЯ

К. Михайлов. На краю логарифма 3

ПРОЗА

Д. Пивненко. Косы черные, расплетенные. *Повесть* 6

КНИЖНЫЙ ПРОСПЕКТ

С. Пархимович. Новости из «космоса» 33

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ

В. Строгальщиков. Коняев: Неизвестная Россия 156

КРАЕВЕДЕНИЕ

РЕСТИТУЦИЯ НЕВОЗВРАЩЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Михаил Плотников: Из дела о расстреле 42

ТЮМЕНЬ ЗАБЫТАЯ

С. Кубочкин. «Улицу... наименовать Голицынской» 86

ТЕКСТ-РАРИТЕТ

Н. Гондатти. Предварительный отчет о поездке
в Северо-Западную Сибирь. *Окончание* 100

СООБЩЕНИЯ

С. Белов. Мокин 147

С. Туров. Про НЛО, огненного змея
и летающую головешку 150

TRIVIA (мелочи)

В. Южаков. Ассоциативный словарь 159

В следующем номере к юбилею округа

- Материалы дела о расстреле
Михаила Плотникова
- *Л. Шульц.* Салымские остяки
(из материалов к этнографии южных
остяков)

Михайлов Константин Аголович. Родился в 1964 г. Окончил Тюменский мединститут. Врач-психиатр. Стихотворения печатались в периодической печати («Тюменские известия», «Наше время»), включены в сборник «Времена, в которые верю» (1989).

«Похититель икон» (1994) — первая книга поэта. За книгу «Стихи» (Тюмень: СофтДизайн, 1997) удостоен премии им. Н.М. Чукмалдина.

На краю логарифма

Русофобия

Меня всегда Россия тяготит.
В ней что-то есть
                                болезненное очень.
Она порою жить совсем не хочет
И так о смерти
                                собственной хлопочет,
Что белый свет вокруг неё мутит.

Я зелье пью, усугубляя сон,
И всё равно не в сон,
                                а в бред впадаю,
И за кошмаром древним
                                наблюдаю,
Располагая жизнь под углом.
И вижу я — вот бегают они,
А вот воюют. Вот —
                                слагают песню...

А это что? Мужик и баба вместе...
У них случилось время
                                для любви.

А где-то выше мчится самолёт.
А чуть пониже поезд проползает.
Настал декабрь. Речка замерзает.
Снег новогодний падает на лёд.
Пусти, Россия! Я хочу домой.
Дай мне уюта! Дай ночей
                                спокойных!

Мне надоели вьюги, волки, войны,
Мне надоел тупой обычай твой.

И я пошел. Поплыл я по снегам.
И в темноте не ощутил границу...

* * *

Белый мой день пал.
Высохла кровь. Мель.
Рубль мне Бог дал,
Чтобы я пил хмель.

Я кораблём — в путь.
Качка была — ух!
Ветер устал дуть.
Дул лишь Святой Дух.

Я не хотел жить,
Я не желал цвесть.
Только ещё — пить.
Только за всё — мечь.

Мечь им за всё — всем.
Бог мой со мной ведь!
Им на глаза крем,
Мне на глаза — медь.

Ну а потом сон.
Сон, как туннель, — пуст.

В самом конце — Ом.
Мёртвый горит куст.

10.04.2000

Интермедия

Я не просто пью, я не просто плачу
Моё сердце, брат,
потеряло скорость.

Если бы я жил, я бы жил иначе.
Если бы я пел —

Бог бы дал мне голос.

18.06.00.

* * *

Он сказал: «Переждите грозу.
Эта ночь пронцаема для лучей.
Я транслирую вам бирюзу.
Из подвалов Моих очей.

Не впадайте в шаманский пляс
Продолжайте молиться Мне.
И не верьте, что свет погас —
Он лишь чуть отступил вовне».

Ну а я был в тот вечер пьян
Бормотал я суфийский стих —
Мол, в молитвах адепт упрям,
Да чего-то Господь притих.

Дом врага на холме стоит,
Громогласно вещает враг,
А святой — в темноте сопит,
И жилище его — овраг.

Для врага не очерчен круг
Он приходит в дома легко,
А святой — никому не друг,
И хлеба его — далеко.

А ещё... Тут Господь опять
Обратился ко мне сквозь ночь.
Он сказал: «Я люблю тебя,
Не пытаюсь тебе помочь».

Гейм

Математик давно не зовёт
меня в гости,

Говорит, что страна
на краю логарифма,
Что он трижды за вечер
подбрасывал кости,
И всегда выпадала
последняя цифра.

И поэтому он прекратил
отношенья,

И поэтому он ликвидировал
встречи.

И намерен совсем
устранить ощущение,
Уменьшая объём
человеческой речи.

Ибо всяк, кто воспитан
на точных сигналах,
Применяет язык
виртуального тела —
Эти красные цифры
на всяческих шкалах
И зелёные цифры
в глубинах прицела.

Простодушный солдат
поднимает винтовку —

И конечная цель возникает
мгновенно,

А мудрец даже женщину
любит неловко
И уж где ему вычислить путь
во Вселенной...

Математик устал, но он твёрд,
как икона,

Он хранит свою дверь,
не сдаваясь на милость.

Я и сам не хожу теперь
     дальше балкона.
 Я и сам понимаю —
     страна изменилась.

Мы теряем латынь.
     Наше слово размокло,
 Мы не в силах вершить
     ни войну, ни молебен.
 И одна лишь надежда —
     кремлёвские окна
 Слабо светят сквозь дыры
     в заплеванном небе.

Там не спит Математик.
     Он смотрит Оттуда.
 А Оттуда смотреть —
     это что-то да значит...
 Жизнь и смерть для него —
     это вовсе не чудо,
 А какая-то часть неизвестной
     задачи.

26.08.00.

Путь воды

Я видел эти чертежи.
 Прекрасно сделано пространство.
 Пронумерован каждый час,
 И Путь Воды — святое пьянство —
 Доступен каждому из нас.
 То южный путь. В нём мало боли,
 В нём больше страха и стыда,
 Но тем, кто жаждет полной воли,

Поможет Пьяная Вода.
 Капкан материи слабеет,
 Когда теряет силу ум,
 И в эту щель меж слов и дум
 Нездешний ветер плавно веет.

Helios

1

Она смотрит на солнечный диск.
 Ей понравился красный свет...
 Она прежде любила рассвет,
 Но её изменила смерть,
 И она забыла себя.

2

И она забыла меня.
 Я не в силах напомнить ей,
 Как летала Луна в тенях
 Облаков — над грядой камней.
 Как ночная гроза брела
 К горизонту сквозь страшный лес,
 Как сверкала в реке вода,
 Отражая стрелу небес.
 Как взглянул я в её глаза,
 Как губами коснулся век
 И в ответ прозвучало: «Да».
 Хотя Бог приказал нам: «Нет».

3

Исполняю я смерть на бис,
 С полной памятью, как святой,
 Я сжигаю за жизнью жизнь,
 Чтобы ей рассказать о той —
 Той, которая столько лет
 Возвращает меня сюда,
 Той, что Богу сказала: «Нет».
 Когда мне говорила: «Да».

Дмитрий Валентинович Пивненко (Токкеа)
родился в 1947 г. в Харькове.
Окончил Харьковский политехнический институт. С 1978 года живет на Севере. Работает начальником электротехнической группы в тресте «Югорскремстройгаз».

Печатался в журнале «Мир Севера». Автор книги «Новейший завет».

Косы черные, расплетенные

Повесть

**Пусть узнают себя здесь
те, кто, работая
в нелегких условиях
Тюменского Севера,
не потерял человеческий
облик и способности
любить по-настоящему.**

* * *

Вертолет даже не заглушил двигатели. Просто, сбавив обороты, на минуту припал к посадочной площадке и, едва из чрева его выпрыгнули две фигуры в неуклюжих тулупах, вновь дал полный газ. Турбины взревели, несущий винт завертелся с прежней скоростью, и тугая струя ледящего воздуха пополам с поднявшимся снегом погнала эти фигуры прочь от площадки. Вертолет, именуемый в здешних местах странным словом «борт», поднялся, замер на мгновение в воздухе и ринулся в небеса, порвав последнюю нить, связывавшую прибывших с «Большой землей».

Искусственно вызванный снежный буран стих так же

мгновенно, как и возник. Снова наступило удивительное

морозное безветрие — когда не только не шевелится ни одна хвоинка на многолетних елях и кедрах, но и сам воздух недвижим, будто скован стужей. Но и стужа не так студена, как представлялось раньше — более мягка, что ли. Ведь она обжигает лишь открытые части лица, почти не забираясь вовнутрь, под одежду. Словом, истинная сибирская зима, да еще и в том ее виде, что бывает тут — в Тюменском Приполярье.

Рядом с площадкой стыл серебристый диспетчерский вагончик, да вдали слышался немолчный гул газокompрессорной станции — вот и все, что напоминало о том, что здесь тоже живут и работают люди.

Закутанными в тулупы фигурами оказались два молодых

человека, прибывших сюда издалека — с Украины. А прибыли они для того, чтобы здесь работать, ну а если уж быть откровенным до конца, то для того, чтобы заработать. Ведь и один, и второй были уже семейными людьми, но при этом обычными инженерами, уставшими без конца сражаться со своими так называемыми «окладами». В их родном городе — одном из крупнейших в стране университетском центре — разнообразнейшими дипломированными специалистами запросто можно было наполнить объемистый каньон, поэтому перспективы на более-менее приличное место со столь же приличной зарплатой были пугающе призрачными.

Один из них, правда, попытался после трехлетней обязаловки поработать в горячем цеху на одном индустриальном гиганте, но продержался там всего год с небольшим. И в один далеко не прекрасный момент просветления он ясно понял, что не жить ему дальше на этом свете — даже с существенно большими деньгами и вредным стажем в придачу, — если он тотчас же не сбежит из своего горячего цеха куда глаза глядят. Что он и сделал, боясь даже думать о своем будущем. Но тут до его сознания, наконец, дошла информация о том, о чем он и до этого чуть ли не каждый-дневно слышал из всех источников массовой информации — о западносибирских

нефти и газе. И о западносибирском же районном коэффициенте вкупе с «полярками». Поэтому он и нашел способ связаться с организацией, занимающейся транспортировкой газа в тех краях. И вот он уже здесь — в трассовом поселке газиков с неблагозвучным местным названием.

Собственно, самого поселка пока не было видно — вокруг вертолётки стояла непролазная и беспросветно-темная тайга, через которую шла пробитая между деревьев дорога. И тогда уже обласканный нашим вниманием молодой человек, равно как и его спутник — судьба которого и история появления тут лишь в деталях отличались от поведенных выше, — вошли в серебристый вагончик.

Там сидела полнотелая женщина средних лет — очевидно, диспетчер. От нее ребята и узнали, что дорога эта действительно ведет в поселок, так как больше ей вести было просто некуда. Но длиною она оказалась километра в три, а идти по ней в мороз, с рюкзаками, в ранней зимней тьме вовсе не хотелось, к тому же, совсем этой самой дороги не зная. Однако женщина-диспетчер предложила подождать вахтовый автобус, который с минуты на минуту должен был подойти к вертолётке. Вскоре неподалеку послышался натужный гул автомобильного мотора и возле вагончика остановился могучий трехосный

«Урал» с оранжевой многоместной будкой. Новоприбывшие, вместе с диспетчершей, которой сегодня уже некого было встречать, забрались в теплую машину и укатили в поселок.

Через десяток минут вахтовка остановилась у двухэтажного, срубленного из соснового бруса, посеревшего от времени, неказистого здания, крытого шифером.

— Это и есть наше общежитие, — пояснил усатый водитель, заглянувший в будку. — Тут у нас все приезжие поначалу останавливаются. Так что выгружайтесь, ребята.

Ну что же, общежитие так общежитие. Ни один из наших инженеров не рассчитывал, конечно же, на отдельный особняк со всеми удобствами, и потому каждый безропотно затащил свой увесистый рюкзак в вестибюль, обшитый гладко ошпунтованной доской.

В вестибюле находилась небольшая каморка, отгороженная стеной-временкой, судя по всему, помещение для дежурных. Там горел свет, однако в амбразурке окошка никого не было видно. Мельком взглянув туда, друзья прошли мимо, попали в длинный коридор и в конце концов уперлись в дверь с надписью «КОМЕНДАНТ ОБЩЕЖИТИЯ». Но и там никого не было, что и неудивительно, так как было уже довольно поздно и рабочее время, очевидно, закончилось.

— Вы не скажете, где дежурная или комендант? — спросил один из наших персонажей женщину, вышедшую из комнаты в отдаленной части коридора.

— Комендантша, скорее всего, уже дома, а вот дежурную я только что на рабочем месте видела, — ответила та.

— Да нету там никого...

Женщина, не слушая их, подошла вплотную к дежурке. От нечего делать за нею потащились и наши герои.

— Аля, это к тебе, — бросила в окошко-амбразуру женщина, и, к удивлению обоих парней, в окошке показалось круглое девичье личико с темными раскосыми глазками.

Щелкнула задвижка, открылась дверь дежурки, и ребята увидели большое кресло и в нем — отложенную книгу. А из дежурки быстрым шагом выходила девочка — на вид лет двенадцати-тринадцати, с длинными густо-черными косами по обеим сторонам круглой, гордо поднятой головки. Одетая она была в вязаные брючки и стеганую синюю курточку и чем-то напоминала тех вьетнамских девушек-студенток, которых наши друзья в немало количестве повидали за время учебы в стенах родного института.

У обеих мелькнула одна и та же мысль: «Это, вероятно, дочка настоящей дежурной, подменяющая маму, временно отлучившуюся по неотложным жен-

ским делам». Уж больно маленькой была девочка, чтобы работать самой — пусть даже и на таком спокойном месте.

Девочка открыла кладовку, выдала друзьям по комплекту постельного белья, затем вернулась в дежурку, сняла с доски ключ «№31» и пригласила ребят на второй этаж. Там она отворила дверь под тем же тридцать первым номером, впустила обоих друзей в комнату, включила свет и указала им на две железные кровати, покрытые казенными серо-полосатыми матрасами. Все это она проделала удивительно проворно, не улыбнувшись при этом, однако, ни разу, будто считала выполняемые ею обязанности чрезвычайно важными. И когда ребята разобрались, кому на какой кровати спать, она так же быстро вышла, безразличным тоном пожелав им спокойной ночи.

До следующего утра никаких событий больше не произошло, кроме, разве что, необходимого с дороги теплого душа в общей душевой и последовавшего за ним крепкого молодого сна — столь естественного после трех суток «бичевания» на вокзалах и в аэропортах.

* * *

А пока они спят, попробуем узнать о них кое-что подробнее. Об одном из них, кстати, мы уже знаем именно «кое-что». Добавим к этому, что зовут его Игорем, что ему 28 лет, что у

него диплом инженера-механика по специальности «Машины и аппараты химических производств», а также есть жена и пятилетний сын. Скажем также, что рост его — сто восемьдесят сантиметров, что он сухощав и спортивен и что у него светло-каштановые волосы и зеленовато-серые глаза. Вот, пожалуй, пока и все о нем.

Второй — Анатолий. Или проще — Толик, хотя отзывается он и на официальное «Анатолий Михайлович», и на совсем уж панибратское «Анатолю». Инженер-электрик, заядлый спортсмен, при усах, ростом и сложением несколько крупнее Игоря, хотя возрастом помоложе. Женат и очень любит дочурку по имени Юлька.

Друзьями в полном смысле этого слова они не были — скорее, приятелями. Познакомились сравнительно недавно. В свое время они закончили один и тот же технический вуз, но с разницей в год, и разные факультеты. А там, где счет идет уже на десятки тысяч студентов, не мудрено не знать даже своих сокурсников, не говоря уже о прочих.

Оба прилетели сюда пока без семей, так как каждому из них было указано, что жен и детей они смогут забрать не ранее, чем через год добросовестнейшей работы. Но это их особо не огорчало — они были еще достаточно молодыми, современными и образованными мужчинами и

при желании без труда смогли бы создать вокруг себя атмосферу женского почитания, пусть даже и временного. Да и истинную цену спокойной семейной жизни они вряд ли представляли себе, невзирая на формальную взрослость — ведь, кроме жен, на свете еще столько привлекательных женщин. Неурядицы быта и жизнь в «общаге» их не пугали, ибо за свой недолгий век они успели повидать всякого...

Анатолий уже бывал на Севере. Еще студентом он ездил в составе стройотряда на Правую Хетту и довольно четко представлял себе, что его тут ждет. Он же и Игоря потянул за собою, хотя тот вовсе не любил ни летнюю мошкарку, ни зимние морозы. Однако Игорь слышал, тем не менее, что сибирские морозы — не чета европейским и переносятся, невзирая на большие абсолютные величины, несравненно легче; в чем, кстати, уже сегодня убедился сполна. И он тоже бесстрашно ринулся в Тюменскую область.

Что еще можно добавить к этой краткой характеристике наших персонажей? Пожалуй, только то, что Анатолий был более подвижен, шумен, обожал всегда быть на виду, являясь типичным экстравертом. Игорь же был несколько молчаливее, замкнутее, да и шумному развлечению зачастую предпочитал хорошую книгу. Однако это вовсе не означало,

что он был каким-то нелюдимом. Вообще, и в судьбе, и в привычках ребят было куда больше сходства, чем различий. И различия эти оказались обусловленными в основном именно тем, что Анатолий вырос в самом центре города, Игорь же — типичное дитя индустриальной окраины, этакий периферийный носитель культуры...

* * *

Наступило утро. Впрочем, утром это можно было назвать лишь условно, так как темнота стояла совершенно ночная и никаких признаков рассвета пока не предвиделось. Тем не менее, часы показывали девять по местному времени, которое, как известно, ровно на два часа отличается от московского.

Герои нашего повествования проснулись, собрали постели, умылись, позавтракали, чем бог послал, закрыли дверь и спустились по лестнице на первый этаж. Там они зашли на уже знакомый пост, чтобы отдать ключ, и заметили, что вместо вчерашней смуглой девчущки у стола сидела вполне зрелая девушка, отличавшаяся от первой буквально по всем параметрам. Сегодняшняя дежурная была высока, длиннонога, будто цапля, светловолоса и белокожа, выделяясь к тому же огромными голубыми глазами, лебединой шеей и остреньким аккуратным носиком. Единственное, что сближало ее с предшественницей, так это тонкая девичья стройность — без излиш-

них округлостей и с почти полным отсутствием бюста. В дальнейшем выяснилось, что у этой белокурой Лорелеи типично немецкая фамилия, как, впрочем, и отчество, и что родом она из небольшого североуральского городка, где людей с подобными фамилиями едва ли не треть населения...

Почти целый день прошел в заботах об оформлении на работу, знакомствах с ближним и дальним начальством, бегом по гудящей на разные голоса ГКС. Как и отмечалось в вызове, Игорь был назначен сменным инженером в турбокомпрессорный цех, а Толик — старшим мастером участка энергоснабжения.

Часа через полтора после перерыва они возвратились в поселок. Обоим было интересно осмотреть то место, где им предстояло прожить по меньшей мере года три, но выяснилось, что осматривать здесь почти нечего.

Кроме общежития, над поселком возвышалось еще несколько двухэтажных домов — брусовых и щитовых. А остальное — вагончики, «балки» и вытянувшийся длинной полосой ВЖК — временный жилой комплекс, которому предстояло пережить здесь многие якобы не временные сооружения, — давно неофициально нареченный «бичарней». Несколько далее, прямо на берегу большой закоченевшей реки, ютилось десятка три нека-

зистых рубленых избышек — незамысловатое жилье аборигенов, мансийская деревенька, давшая название и трассовому поселку газовиков, и самой газокомпрессорной станции. По дороге в деревеньку — маленькое здание недавно построенной начальной школы. Слева — гаражи и котельная с высокой трубой. Вот и все. И обойти это вокруг неспешным шагом можно было максимум за час, что и сделали наши друзья, несмотря на мороз, который, впрочем, ничуть не мешал прогулке, а скорее бодрил. Стояло такое безветрие, что дым из трубы котельной и деревенских печей поднимался в небо совершенно вертикально, будто свеча, лишь на значительной высоте остывая и растекаясь грибовидным облаком. Внизу тоже висела густая дымовая или, скорее, угарная завеса, но ее, в основном, создавали немногочисленные, но очень уж смрадно чадающие громоздко-неуклюжие автомобили.

Позже, когда уже безнадежно стемнело, друзья (будем все же называть их именно так, поскольку они уже успели сдружиться — Север небывало ускоряет этот процесс) зашли в столовую, похожую на жестяной теремок, поужинали, а затем прочли на стене объявление:

«Клуб «ОКТЯБРЬ». Художественный кинофильм «ГОЙЯ». Начало в 20 часов».

И хоть оба уже видели его, нужно было как-то занять вечер, не дать скуке одолеть себя.

Да и фильм стоил того, чтобы увидеть его еще раз.

Клуб «Октябрь» оказался длинным деревянным сараем, имеющим и иное, жаргонное наименование: «Дворец нищеты», что целиком оправдывало как внешний облик клуба, так и его внутреннее содержание — был он грязным и холодным. Правда, в углу зала гудел электрокалорифер, но толку от него было мало — только шум да пыль, и друзья даже вздохнули с облегчением, когда к началу сеанса он умолк.

На неровном сером экране двигались искаженные фигуры, звук из динамиков несся по полам с хрипением и свистом, однако непривередливым посетителям кинозала и такое качество показа было, как говорится, за счастье. Ведь фильмы да, пожалуй, еще некая пародия на танцы — вот и все развлечения, которые могли скрасить им здешнее унылое бытие.

И наши «новобранцы газового фронта» тоже довольно быстро наловчились разбирать слова экранного текста. И все бы ничего, если б не звонкий девичий смех, неуместно раздававшийся рядом в совсем неподходящих для этого и даже трагических эпизодах. Веселье обуяло трех девушек, сидящих в переднем ряду, однако рассмотреть их подробнее пока не представлялось возможным.

И лишь когда окончилась первая серия и в зале загорел-

ся свет, друзья увидели скуластенькие мордашки смешливых подружек. Две из них были чрезвычайно похожи, несмотря на то, что одна была весьма симпатичной, а вторая немножко даже страшенькой. Но все равно было ясно, что это родные сестры с общими фамильными чертами.

Третьей же оказалась не кто иная, как вчерашняя дежурная с детским именем Аля. Правда, сейчас она уже не выглядела столь юной, однако и сегодня ей трудно было дать больше пятнадцати лет. Было совершенно очевидно, что все три девушки — представительницы малочисленной местной национальности. В них — уроженках Севера — всегда есть нечто, отличающее их от прочих азиаток, а именно какая-то особая легкость и проворность в движениях, полная раскованность в поведении, сочетающаяся с провинциальной застенчивостью, и необычное сложение — несколько парадоксальная крепенькая хрупкость.

— Что же вы, девочки, смее-тесь? Неужели так весело глядеть, как людей на кострах сжигают? — спросил Игорь. Причем спросил очень доброжелательно, без малейшего назидания или упрека в голосе.

— Так неинтересно ведь! — с легким акцентом отозвалась старшая из сестер — та, что попригожее и побойчее.

— Тогда садитесь к нам, может, тут интереснее будет, —

предложил никогда не теряющийся в сходных обстоятельствах Толик.

И девушки, будто только и ожидавшие этого приглашения, тут же пересели к ребятам. Так уж получилось, что сестрица похуже очутилась точно по центру, та, что получше, села рядом с Анатолием, а миниатюрная Аля — возле Игоря. Таким образом, наши инженеры оказались крайними фигурами в этой композиции.

Причина столь несвоевременного веселья девиц тотчас же и прояснилась — легким облачком вокруг них беззаботно витал запах недавно выпитой водочки. И в этом не было ничего странного или чересчур предосудительного, ибо Север есть Север, и многое из того, что в большом городе или даже в маленьком поселке на «Большой земле» могло бы кое-кого неприятно поразить, здесь давно стало привычным. К сожалению, алкоголь во всех своих разновидностях — чуть ли не единственное средство, до сих пор скрашивающее малорадостную жизнь в тех суровых краях. И пороку этому подвержены не только местные охотники, оленеводы, рыбаки и их потомки, но и большинство из приезжих. По своему собственному краткому опыту был знаком с этим Анатолий. Игорь тоже слышал об этом от бывалых людей, так что особого внимания на развеселое настроение девчат они не обратили, тем более что состояние их

было вовсе не таким, чтобы вызывать безоговорочное осуждение — просто немного выпившие. Подумаешь...

Однако в столь разросшейся компании просмотр очень уж серьезного фильма стал положительно невозможным. Тем более что девочек вовсе не занимало жизнеописание великого испанского художника, так как пришли они сюда лишь от нечего делать. И потому, когда Толик предложил всем вместе отправиться в общежитие и «выпить по чашечке кофе», девочки, слегка поломавшись, согласились.

По пути из клуба выяснилось, что старшую из сестер звали Надей, младшенькую, невзрачную, — Ниной. Аля тоже приходилась им сестрой, только двоюродной; скорее всего, в этой деревеньке все ее обитатели являлись в какой-то мере родственниками. Во всяком случае, обходились они всего четырьмя-пятью фамилиями.

Аля и на самом деле работала дежурной по этому «отелю». Полное имя ее звучало отнюдь не Алла, как вначале подумал Игорь, а Алевтина — каким бы непривычным и забытым для городского слуха ни было это ветхозаветное имя.

И, что интересно, вовсе не единственным таким было оно здесь — среди молодых женщин северных национальностей совсем нередки имена, воспринимаемые нами как устарелые и

глухо провинциальные: Прасковья, Пелагея, Феодосия, Капитолина и им подобные, звучащие, однако, на местном наречии весьма необычно — Парыска, Лашька, Пэташь... Однако и приезжие вскоре переставали замечать архаичность этих имен — привыкали. К тому же, в последнее время тут отчего-то ударились в иную крайность, и повсеместно стали распространяться среди нового поколения имена совсем другого культурно-лексического ряда — Яна, Анжелика, Альбина, Регина, Ядвига и так далее. В общежитии девушки долго сидели в верхней одежде, не поддаваясь на уговоры друзей освободиться от нее. И лишь когда Анатоль шутиливо, но безапелляционно буквально вытряхнул Надю из ее пальтишка, остальные тоже нехотя разделись, хотя и остались в головных уборах — одинаковых шапках из меха ондатры.

Их кофточки и платица были самыми простыми, ничем не выдающимися, однако свежесть ранней молодости делала девушек очень миленькими, особенно Алю и Надю.

— А сколько тебе лет, Алечка? — не удержался от рискованного вопроса Игорь — почему-то не принято спрашивать у представительниц прекрасной половины человечества о возрасте.

Но Игорю казалось, что в столь юные лета эти вопросы никого не могут обидеть. Он

был очень удивлен услышанным ответом.

— Осенью двадцать лет исполнилось, — почему-то покраснела Аля.

— Тебе уже двадцать лет? Да быть того не может! — не выдержал и Толик — даже чашку на стол поставил от изумления.

— Она правду говорит, — вступилась за подругу Надя. — Мы с ней в одном году родились, но мне скоро двадцать один будет — я ведь январская. А так, мы с ней даже в одном классе учились. В интернате...

Игорь с сомнением взглянул на смутившуюся Алю. У него и впрямь не укладывалось в голове, что эта куколка-подросток давно уже перешагнула порог своего совершеннолетия.

— Если не веришь, то можешь мой паспорт посмотреть! — с вызовом бросила Аля. — Вот только, — она опять смутилась, — нет его со мной, он дома лежит.

— Ну что же, придется к тебе домой идти, — шутиливо склонил голову Игорь, будто покоряясь девичьей воле. Или самой судьбе.

И в самом деле, давно уже наступила пора расходиться по домам. Было уже очень поздно, да и кофе больше в горло не лез... А кроме того, вставать завтра предстояло рано — ведь собственно работа для ребят и начиналась именно с завтрашнего утра. Поэтому как-то само собой, без лишних слов возник-

ло единственно правильное в данной ситуации решение.

Сестер провожал Анатолий — они жили в самом начале улицы, идущей вдоль берега реки, — улицы, из которой и состояла, собственно, вся деревушка. Игорю же выпало провожать Алю, жившую в последней избенке, так что лишь первое время они шли все впятером. Зато дальше Игорю с Алей предстояло идти самим — никому не мешая, но и без помех с чьей бы то ни было стороны.

Игорь шел рядом с девушкой, чья экзотичная и даже несколько пряная внешность выделялась ему несказанно чарующей. Ночь обволакивала морозом и безветрием, яркие звезды сияли совсем низко над головой, казалось, их можно было достать руками. И вообще, Игоря одолело почти хмельное ощущение того, что нет в мире ничего прекраснее такой зимней северной ночи — темно-синей от отраженных в волшебном снегу луны и бесчисленных звезд.

Они подошли к домику из почерневших бревен. Немного постояли.

— Ну что, будешь мне свой паспорт показывать или уже раздумала? — по-прежнему полшутливым тоном спросил Игорь, хотя ему очень хотелось тотчас же вслед за девушкой войти в ее дом.

— Не нужно сегодня, — как-то несмело произнесла Алл. — Давай лучше завтра, хорошо?

— Так ведь завтра уже наступило...

— Ну, тогда сегодня, но не сейчас, а после того, как день пройдет, ну, за ним, значит...

— Аля мучительно пыталась отыскать в своей нерусской голловке правильные слова.

— Хорошо, дорогая, я подожду, — тихо сказал Игорь и притянул к себе малышку.

Даже во мраке ночи было заметно, как блестят Алины глаза. Блестят так, как, наверное, никогда и ни у кого не блестели — будто раскаленные желанием угольки. Игорь приподнял легкую, как пушинку, Алю и приблизил ее губы к своим. И она ответила на тот поцелуй, будто жадно и хищно укусила его маленький горячий зверек...

Затем они распрощались, и Аля скрылась за деревянной дверью. Игорю ничего не оставалось делать, кроме как возвращаться в общежитие. Там его уже ждал Анатолий.

— Еле-еле от сестрички избавились, — поведал он о своих успехах, — все сторожит свою старшую, будто кто-то ее украсть собирается. Так что всего минут десять мы с Надеждой и побыли наедине. Но до чего же они все-таки низенькие. Мне вот даже доверлось свою подружку на бугорок ставить, чтобы чмокнуть. А второй раз пришлось самому в канаву влезть. Ну а ты как со своей?.. Она ведь еще меньше...

— А я ее на руках держал, как ребенка, — нехотя отозвался Игорь. Ему почему-то не хотелось ни с кем обсуждать случившееся.

— Ох, видели бы наши жены, как мы тут со всякими тунгусками лижемся, — продолжал Анатолий, весьма, видимо, довольный тем, что и в этой глуши не остался он без теряющих от него голову женщин.

— Неизвестно еще, чем они там сами занимаются, жены наши, — ответил Игорь. — Давай лучше спать, чтобы об этом не думать.

* * *

Спал в ту ночь Игорь прескверно. Снились ему всяческие несуразности: огромный ледокол, непонятно как заплывший в эту северную реку, никогда и никем не виданный в этих краях мост через реку, а на мосту стоит Аля, и, кажется, ничто не может спасти ее от надвигающегося стального форштвеня. Игорь хочет броситься на мост, выхватить Алю из груди ломающегося льда, защитить ее от грозящей отовсюду опасности, но руки и ноги не слушаются его... Он пытается хотя бы крикнуть, предупредить ее, но и голос его куда-то пропадает...

Игорь проснулся. За окном крошечная темень, но какой-то внутренний отсчет времени подсказывает, что пора вставать. И тут он ловит себя на том, что первой его мыслью в это утро была мысль о мансий-

ской девушке Але — тревожная и щемящая. Он чувствует, что необходимо отвлечься, иначе это не даст ему покоя весь предстоящий день.

— Вставай, на работу пора собираться! — потормошил он за плечо безмятежно спавшего Анатолия.

Тот что-то проворчал спросонок, но глаза открыл и тут же вскочил со спартанского ложа.

— Чего это ты бледный такой нынче? — спросил он Игоря, делая утреннюю разминку.

Игорь взглянул на себя в зеркало и увидел на диво блеклую физиономию с запавшими, больными глазами.

— Да так, не выспался, — кратко бросил он, тоже пару раз взмахнул руками, словно крыльями, поочередно присел то на одной, то на другой ноге и отправился умываться.

Вскоре они уже ехали вместе со всеми остальными на компрессорную станцию.

Первый день работы оказался не очень беспокойным, однако необходимость осваивать новое для него оборудование, сосредоточиться на показаниях многочисленных приборов на какое-то время выгнала из головы Игоря образ юной Алевтины. И лишь к концу смены, когда уже можно было возвращаться домой, Игорь вспомнил, что обещал ей сегодня вечером зайти в гости. И нетерпение овладело им, словно хотел он ускорить время, чтобы поскорее увидеть раскосые, свер-

кающие полированным агатом глаза хорошенькой северяночки.

И вот, наконец приведя себя в порядок после рабочего дня, Игорь направился в деревню. Дойдя до крайнего дома, он на несколько мгновений задержался перед входом, а затем решительно постучал в некрашеную дверь.

Тут же послышались почти невесомые шаги, и дверь отворилась. За ней стояла Аля в простеньком домашнем халатике — слишком, пожалуй, легком для здешней зимы.

— Заходи, — быстро сказала она и сразу же за Игорем захопнула дверь, впустив с улицы лишь легкое морозное облачко.

Игорь рассматривал внутреннее убранство довольно-таки убогой избушки — фактически одна комната, разделенная на своеобразные отсеки висящими от самого потолка полотнищами из грубой ткани. В ближнем от выхода углу стояла печка, сваренная из стальных листов, с толстой чугунной трубой, уходящей прямо в потолок. В печи, потрескивая, ярко горели березовые дрова, и от нее шел теплый домашний дух, однако, судя по всему, едва они прогорали, как в дом тут же начинал забираться холод. Не было в этой печке внушительности, свойственной могучим русским печам, способным хранить тепло в течение чуть ли не суток. И тут же, рядом с печкой, на бревенчатой стене висел жестя-

ной умывальник с облупившимся тазиком под ним.

Мебели в доме почти не было — только несколько стульев и табуреток, самодельный шкаф, два таких же стола да старый диван. Вот и все, если не считать трех казенных кроватей, похожих на нары. На одной из кроватей спал черноволосый парень в рабочей куртке и брезентовых брюках.

— Это мой брат, — пояснила Аля. — С работы пьяный пришел, так сразу же и спать завалился.

С дивана на Игоря таращил глазенки конопатенький и курносый ребенок лет трех или четырех — непонятно, девочка или мальчик. Аля почему-то пока ничего не говорила об этом ребенке, Игорь же и не стал выпытывать. Мало ли чьи здесь могут оказаться дети?..

— А ты и правда пришел, чтобы на мой паспорт поглядеть? — лукаво спросила Аля. — До сих пор мне не веришь?

— Покажешь — посмотрю, а не покажешь — так и бог с ним. Какая разница, кому сколько лет исполнилось и кому сколько жить осталось?..

Но Аля уже подошла к шкафу и достала оттуда слегка затрепанный паспорт.

— Смотри, сам убедишься.

— Вынгелева Алевтина Петровна, — прочитал Игорь.

С фотографии на него смотрела шестнадцатилетняя Алевтина Петровна.

Практически никакой разницы между лицом на фотокарточке и нынешним Алиным обликом не замечалось — разве что сегодняшняя Аля выглядела более эффектно и «цивилизованно», если можно так выразиться. И возраст Алины действительно перевалил за двадцать, во что, однако, верилось все же с трудом. Мелка была она уж больно; одним словом: «Маленький песик — всегда щенок».

Тут взгляд Игоря упал на стену, где прямо над столом висели две похвальные грамоты. Одной из них была в свое время награждена Аля «за успехи в учебе и общественной работе», из чего Игорь узнал, что училась она в Тюменском профтехучилище строителей на маляра-штукатур. На другой же грамоте красовалось: «Вручена ефрейтору Вынгелеву Николаю Петровичу за II место в дивизионных соревнованиях по стрельбе».

— Твоего брата Николаем зовут? — кивнув на кровать, где спал пьяный братец, спросил Игорь.

— Нет, Коля в Надыме живет, плотником там работает. А это Васька, он вообще в армии не служил — в детстве туберкулезом переболел. У меня еще и сестры есть — Люба в тюрьме сидит, вот мне и приходится с ее дочкой возиться, — Аля показала на конопатенькую девочку. — А вторая сестра — Галя — в Березово работает, санитар-

кой в больнице. Она к себе Наташку на лето и заберет.

— А чего же девочку собственный отец не забрал?

— А ты думаешь, сама Любка знает, кто Наташкин отец? И она, скорее всего, не знает, а уж сам папаша — и подавно, хотя в метрике девочку и записали «Викторовой». Но могли бы и «Степановой», и «Расимовой», и еще бог весть как...

— А твои родители где?

— Мама в больнице лежит — операцию ей там делают. А отец уже пять лет как умер. У нас ведь долго не живут, особенно мужики.

Игорь внимательно разглядывал молоденькую фаталистку. Сейчас, с распущенными черными волосами необычайной густоты, жесткими и прямыми, как лошадиная грива, она еще больше походила на вьетнамку, внешний вид которых тоже зачастую не соответствует их паспортному возрасту.

Но было в Але нечто особое, свойственное только коренным северянкам. Ее, пожалуй, вряд ли можно было назвать писаной красавицей, и если бы пришлось оценивать ее наружность по общепринятой пятибалльной системе, то Аля потянула бы разве что на «четверку». Однако привлекательности в ней сверх всякой меры — она буквально ласкала взор. Коричневато-смуглая кожа, удлинненные, широко расставленные глаза — небывало выразительные и черные на-

столько, что вообще не видно было зрачков, вздернутый пуговкой крохотный носик, сдобненькие щечки, полноватые губки над маленьким, четко выписанным подбородком и круглое широкоскулое личико явно выдавали ее расовую принадлежность. Этому же соответствовало и сложение — крайне малый рост, пропорционально более короткие, чем у европейских девушек, руки, ноги и шея, что даже имеет научное наименование — «брахиморфность», детского размера ступня, махонькая, плавных очертаний ладошка с миниатюрными пальчиками. И все это выглядело столь миловидно, что так и хотелось взять Алю на руки, как хорошенького котеночка, и спрятать на груди...

Кроме того, было явно заметно, что недолгая городская жизнь даже в таком полупровинциальном областном центре, как Тюмень, тоже оставила свой след на ее облике — реснички слегка подкрашены, губки аккуратно подведены помадой, брови выщипаны в тонкую линию, ногти подчищены и покрыты бордовым лаком, пусть и слегка облупившимся. И даже сквозь царивший в избе неистребимый запах сушеной рыбы — ёхылл, звериных шкур, коими был устлан пол, и дровяного дыма явственно пробивался тонкий аромат довольно приличных духов. А еще наметанный глаз Игоря отметил одну не очень скромную подробность — из-под рукавов

крылышек ситцевого халатика были видны гладко выбритые подмышки, что в его представлении ассоциировалось вообще исключительно с городскими девушками. Вот так-то. И вообще, по всему было видно, что Аля обладает природным умением «преподнести себя», что, как правило, делает женщин куда более привлекательными, чем самая идеальная красота. Но более всего выделялся уникальный, ни с чем не сравнимый блеск Алиных глаз, который можно было уподобить некоей внутренней подсветке. И это было воистину только первое, грубое сопоставление — никакими словами нельзя было передать того, что околдованный Игорь обнаружил в горящих волшебным пламенем Алиных очах. Такое можно увидеть лишь во сне, в чудесном, дивном сне...

— Аля, — сумел стряхнуть наваждение Игорь, — прости за нескромный вопрос, но почему ты вернулась сюда, в эту глухомань? Ведь ты в Тюмени училась, а здесь даже после такого, с позволения сказать, города скучно покажется.

— Это правда, мне здесь только первые несколько дней интересными казались — родилась я тут все-таки. А затем — хоть вой с тоски. Но что же мне делать оставалось? Матушка болеет, этот брат пьет по-черному, остальные далеко — со своими семьями живут. Вот и получается, что племянницу оставить

не на кого, а ведь она еще такая маленькая — три года всего. Не в детдом же ее отдавать.

Игорю еще не раз придется паразитить такой родственной самоотверженности исконных северян, отсутствию в них явно-го жлобства, откровенного эгоизма. А еще — их непоказной добротой и беззаветной готовностью всегда прийти на помощь ближнему... Хотя почему-то все эти прекрасные качества нередко пребывали у них в противостественном сочетании с какой-то вздорной амбициозностью. И эти свойства характера действительно непривычны тому, кто вырос в себялюбивом городском окружении. Но на Севере это — вкупе, возможно, с тем самым немотивированным упрямством — могучее средство выживания для столь малочисленных местных народов. И Аля тоже была достойной дочерью своего племени, не поступаясь выработанными самой нелегкой жизнью традициями. Хотя, говоря откровенно, объяснение ее отъезда из города только семейными привязанностями являлось истинной далеко не полной. Большинство ее соплеменников — именно в силу своего альтруизма — просто не приспособлены к жизни в обществе, где каждый стремится вознестись как можно выше — пусть даже и по лестнице из чужих костей. Наслушавшись баек об увлекательной городской жизни, много провинциальной молодежи едет искать

счастья прочь из родных мест, но почти столько же и возвращается, обломав неокрепшие крылья о неприглядные реалии цивилизации и научно-технического прогресса.

Какая-то нежная волна обдала душу Игоря. Неведомая сила опустила его на колени — прямо на крытый шкурами пол, и Игорь ласково привлек к себе лишь сейчас оказавшуюся вровень с ним Алю. Она не сопротивлялась, положила ему на плечи горячие легкие руки, прижалась к нему, коснулась губами его лица...

Маленьким злым чертенком за ними ревниво наблюдала конопатая племянница. Было похоже, что она собирается встать с дивана.

— Хойен, маня! — прикрикнула на нее Аля, и девочка послушно улеглась, зажмурилась узенькие глазки.

— Ты ведь сказала, что ее Наташей зовут, а сейчас вдруг Маней называешь, — удивился Игорь.

— Да нет, это я ей сказала: «Спи, маленькая», только по-нашему, — улыбнулась Аля и с какой-то кокетливой настойчивостью заманила Игоря в отгороженный полотняной занавесью угол. Затем она повернула выключатель, и комната погрузилась в темноту.

Излишне и говорить, что в ту ночь Игоря напрасно ждала холодная постель в трассовом общежитии.

А утром он прямо из Алиного дома ушел на работу. При чем вышел он вместе с ее братом — протрезвевшим за ночь Васькой, который мало удивился тому, что под одной крышей с ним ночевал совершенно незнакомый человек. Он лишь спросил Игоря, как того зовут, и сказал о себе, что работает грузчиком на «вертолётке», но это при взгляде на его тощую комплекцию воспринималось почти шуткой. Так и завершилось их знакомство, упрощенность коего Игорь также приписал тем чрезвычайно простым нравам, царящим среди этих детей природы — слишком неискушенных, чтобы именоваться испорченными.

* * *

Вот уже вторую неделю практически каждый вечер Игорь приходил в Алину обитель, будто к себе домой. Да и чувствовал он себя там почти как в собственной семье, даже брат Васька — то ли в насмешку, то ли всерьез — именовал его «зятем». Племянница Наташка тоже понемногу привыкала к нему.

Нужно признаться, что за Игорем и в прошлом водились грехи — не был он, положив руку на сердце, абсолютно верен жене своей, как, впрочем, и она ему, по всей вероятности. Но никогда еще не попадался он так крепко. Ведь раньше он всегда любил свою жену, несмотря ни на что, да и сына тоже, и никогда, скорее всего,

не променял бы их ни на кого другого, как бы ни складывалась обстановка. А сейчас он будто внезапно забыл обо всем, кроме Али. Было похоже, что судьба просто посмеялась над ним — желая поймать девчонку на время, просто чтобы не скучать здесь, на деле попался он сам, и, видимо, крючок зашел в нем глубоко. И чем дальше, тем сильнее влюблялся он. Совсем скоро дошло даже до того, что он почувствовал: страсть его достигла таких пределов, что обращается в некое подобие болезни: он буквально обожал Алю, точнее, боготворил ее, как фанатик — священный предмет своего религиозного поклонения.

К слову, у Анатолия роман с Надей тоже раскручивался... Он, конечно, был «толстокожее» Игоря во всяческих переживаниях, а в подобных знакомствах искал лишь легкого, ни к чему не обязывающего удовольствия, но тут, похоже, зацепило и его. Надя — коренастенькая, плотно сбитая смешливая девчонка с коротко остриженными темными волосами, крутобёдрая, достаточно рослая для местной уроженки.

— Да, в этих хантыйках есть что-то такое, чего другим нашим подружкам явно не хватает, — сознался он как-то Игорю.

Вообще говоря, «хантами» здесь называли всех коренных жителей, а вовсе не обязательно представителей собственно

малой народности ханты. Равно как и русскими — всех приезжих, что также далеко не всегда соответствовало истине. Но, поскольку так уж повелось в тех местах, никому это не резало слух, хотя и Аля, и Надя принадлежали к мансийской национальности. Да и Игорь с Анатолием оказались самыми что ни на есть малороссами, сиречь «хохлами» — к тому же весьма смешанных кровей, как почти все на Украине.

Однако при всем сходстве обстоятельств у Толика с Надей все шло как-то глаже, спокойнее. Ведь Надежда была довольно уравновешенной и благоразумной девушкой — по крайней мере, для манси. Аля же временами отличалась натуральным сумасбродством.

Это стало заметно уже в первое совместно встреченное утро, когда Игорь, уходя на работу, поцеловал в щечку еще лежавшую в постели Алевтинку и произнес:

— До свиданья, лапушка моя, — чмокнул еще раз и добавил: — Какая ты у меня красивая, просто не верится, что такие на свете бывают — честное слово!

На что она ответила неожиданно раздраженным тоном:

— Иди уже! Заколебал ты меня своими комплиментами! — и отвернулась к стене.

Сказано это было довольно грубо, но Игорь не обиделся, приписав это вполне понятно-

му смущению девушки, осознавшей, что решительный шаг уже сделан. Он и вправду наговорил ей за ночь много добрых слов, но даже не представлял себе, что есть на свете женщина, которой это может и в самом деле не понравиться.

«Любимая моя, просто ты не выспалась, вот и вредничаешь», — подумал Игорь и заспешил прочь, от греха подальше.

Когда же вечером он снова пришел к ней, она по-прежнему была с ним ласковой кошечкой, и он было уже забыл утреннюю резкость, когда она вдруг ни с того ни с сего сказала ему:

— А ты знаешь, что таких, как ты, у меня навалом было. И всех я сама прогоняла, а вот меня еще никто не бросал. Наоборот — все обратно просились, но я все равно их посылала к такой-то матери. И тебя, наверно, скоро пошлю. Как только надоедает мне станешь, так и налажу!

И похожие фразы с тех пор Игорь слышал от нее почти ежедневно, хотя он, по его мнению, вовсе не давал Але никакого повода так разговаривать с собой. Если бы что-нибудь в этом роде ему сказала одна из его прежних знакомых, то он немедленно расстался бы с нею — ведь он, пусть и по-своему, весьма рьяно оберегал свое достоинство. Но на Алю он не мог и обидеться как следует. И уж тем более не мог обидеть ее сам — ни грубым словом, ни бестактностью,

ни поступком, ни жестом. Очевидно, он подсознательно считал огромным грехом сделать нечто неприятное этой беззащитной крошке — и не просто грехом, а виной, которую просто нельзя заглаживать. Зато сам он терпел от нее всякое и выслушивать ему приходилось разные сомнительные вещи.

* * *

Например, такая вот история, поведенная Алевтиной:

— На практике я работала в Тобольске — мы там новый вокзал строили. И там же парень один водителем работал — высокий такой, выше тебя. И знаешь, как он меня любил — когда я отказалась выходить за него замуж, то он даже жить не захотел. Разогнался на своем ЗИЛе и на всей скорости в дерево врезался — хотел вместе с машиной разбиться, но разбил одну ее, а сам только руку сломал. И платил потом за ремонт две или три тысячи. А может, и четыре.

«Вот дает! — мысленно восхищался Игорь. — И надо же такое выдумать? Ну и фантазия — сказочник позавидует».

* * *

Через месяц эта же история выглядела совершенно иначе: — Когда-то я летела сюда на вертолете, а пилот вдруг взял и влюбился в меня. Да так, что тут же предложил мне замуж за него выходить. И сказал, что если я не соглашусь, он тут же выключит мотор, а мы с ним

вместе упадем и разобьемся. Но я все равно не захотела, чтобы он женился на мне. Ну, просто не понравился он — коротенький такой и толстый, как Бабай настоящий. И так он тогда разозлился, но вертолет из-за меня разбивать побоялся. Только сказал, что когда-нибудь меня украдет и увезет отсюда. Размечтался, дурак ушастый...

Было ли это вариантом прежнего рассказа или чем-то придуманным, но с элементами правды?.. А может, ложью от начала до конца? Вообще зачастую было нелегко определить, когда Аля говорит правду, а когда, мягко выражаясь, далеко отступает от истины. В каждом случае появлялись такие противоречивые детали, что Игорь только диву давался. Изредка это даже наводило его на пугающую мысль о... бреде шизофреника. Хотя во всем остальном Аля казалась вполне нормальной... Или почти во всем.

«Хоть бы сегодня помнила, о чем вчера врал. А вдруг это у нее просто пунктик такой — замужество? Не приведи Господь, еще окончательно помешается на этом...».

Но потом он даже с каким-то пониманием стал относиться к Алиным фантазиям. Ведь жизнь у северян издавна была такой беспросветной, что только в мечтах можно было хоть как-то расцветить ее. И веками это проникало в их плоть и кровь — да так, что они уже

часто сами верили в то, что придумали, не отличали в своей памяти реальных событий от событий вымышленных. И это, в какой-то мере, тоже помогало им выжить, спасая от полного отчаяния.

* * *

Однажды, когда Игорь и Толик со своими пассиями вчетвером сидели в комнате общежития, Толя рассказал такой анекдот:

— Послали, значит, на Север по распределению двух молодых специалистов. Ну, например, на нашу компрессорную, только специалисты те были помоложе нас. Так вот, летят они на вертолете и, наконец, подлетают к месту. И ждут, когда же вертушка приземлится. Но летчик выходит из кабины и говорит им, что садиться не будет, а просто зависнет над площадкой метрах в двадцати, ну а ребята пусть сами вниз прыгают. Без парашюта, естественно. Ну, спецы наши возмущаются:

— Да ты что, рехнулся?! Двадцать метров — с ума сойти! Это же высоко очень! Раз уж приземлиться не можешь, то спустись хотя бы метров на десять. А там уж сугробы понамело — как-нибудь спрыгнем, поди, не расшибемся. А пилот им отвечает:

— До десяти метров нам спускаться не разрешают. Вас-то я только двоих выброшу, зато снизу на борт целая дюжина вскочит!

Все засмеялись, но затем Аля произнесла задумчиво:

— Может, и правда кому-то здесь не нравится, так никто его и не держит — пусть бежит отсюда, куда хочет. А я никуда уезжать не собираюсь. И ни с кем. Тут мне лучше, чем в любом другом месте.

Трудно было что-либо к этому добавить. И трудно было понять, чего же Аля желает на самом деле.

* * *

Когда подруги оказывались вместе, то иногда их будто прорывало, и они о чем-то говорили на своем языке прямо при наших друзьях. Игорь не раз предупреждал Алю, чтобы при них она говорила со своими только по-русски, да и Анаголь, вероятно, ставил Наде то же условие. Но девчонки с лукавыми гримасками и переглядываниями часто щебетали что-то непонятное, отчего не только впечатлительному Игорю, но и невозмутимому Анатолию становилось немного не по себе. Казалось, молодые мансийки попросту перемывают ребятам косточки, обсуждают их действительные и выдуманые недостатки, высмеивают их... И ребятам было от этого не совсем уютно.

И вот однажды, когда снаружи стоял крепкий сибирский морозец градусов под сорок, девочки вновь забежали в гости в комнату номер тридцать один. Их румяные мордашки и сияющие глаза — более яркие,

чем вся покрывающая их косметика, — без слов говорили о том, что зима — это их пора, ведь именно тогда настоящие северянки наиболее привлекательны. И с одеждой своей они занесли морозный дух заснеженной улицы.

— Що, фарбовані мавпи, ся гріти до нас завітали? — встретил их вопросом, заданным почему-то по-украински, пан Анатоль.

Пан Игорь смущенно хрюкнул от сдерживаемого смеха. Глядя на него, в голос захохотали и девчонки. Откуда им, бедняжкам, было знать, что переводится этот вопрос так: «Что, обезьяны покрашенные, греться к нам пожаловали?».

Уже потом, когда девочек не было рядом, Игорь спросил Толика:

— Что же ты их так обозвал? Ведь если бы они поняли, что ты сказал, то наверняка бы надолго обиделись.

— Но мы ведь их тоже просим, чтобы они по-своему не болтали между собой. Так они что, слушаются нас? Да не волнуйся ты за них, им все равно ни холодно ни жарко. У них даже и глаза отмороженные!

— Получается, что мы с тобой обезьян по углам тискаем?..

— Ну, как сказать... Если они и обезьянки, то очень миленькие. Есть ведь и такие — не гориллы, не павианы, а маленькие и веселенькие, мармозетками называются. Или иг-

рунками. Вот и наши подружки — хоро-о-ошенькие такие мавпочки.

* * *

А еще Аля рассказала Игорю следующую историю:

— Был у меня один знакомый — до тебя еще. Ты, вообще-то, лучше, а он так себе. Пил, бородой оброс и, наконец, дошел до того — собак жрать начал, да и ходил во всяком рванье... Бичарой стал, в общем. Я ему и сказала, чтобы он отстал от меня, а он ни в какую — в дверь ломился, даже в окно ко мне пытался залезть. А кто бы за меня тогда заступился — Васька трусливый, что ли? Скорее, Наташка заступится!

И тогда я взяла ружье, что еще от отца осталось, и решила этого бича прикончить. Я ведь хорошо стреляю, особенно из винтовки — из большого ружья, правда, меня отдача с ног валит. А у отцовской «Белки» один ствол дробовой, а второй — под малопульку. Вот я и зарядила тот ствол патроном и стала бича этого подстерегать. И когда он снова ко мне приперся, стал у двери бушевать, я вышла с ружьем и приказала ему идти за мной. Это как раз прошлым летом было — он перепугался, заплакал, просил меня отпустить его, но я вела его до самого болота, а там загнала в трясины, где он и утонул к чертовой матери. Конечно, я все это ночью сделала, и хоть летом ночи у нас совсем свет-

лые, но дом-то наш ведь у самого края деревни стоит, поэтому нас никто и не видел. Правда, когда узнали, что он пропал, меня по милициям таскали — следователь из самого райцентра приезжал, но я отпиралась, а они так и не смогли ничего доказать. Учти, я тебе об этом первому признаюсь — даже Надька ни о чем не догадывается. Она ведь такая болтуня и сплетница, что я из-за нее точно в тюрьму сяду.

Посудите сами, разве можно было всему этому верить?

* * *

Игорь однажды сказал Анатолию:

— Ты знаешь, мне и до сих пор не всегда верится, что Алька уже вполне взрослая. Или они тут все такие — даже умом, как дети, а уж о внешности и говорить не приходится. Да и твоя, как девочка.

— Я и раньше на это внимание обращал, — ответил Толик. — Просто у большинства местных женщин особенность такая — среди них, похоже, вообще нет взрослых. Сначала они и в самом деле, как девчонки, и пребывают они в таком виде довольно долго. А потом сразу, максимум за год-два, они уже старушки. Непонятно, почему так происходит — может, потому, что у северян все жизненные процессы ускорены. Ты же сам замечал, какие они жгучие на ощупь — даже на любом морозе у них руки, будто раскален-

ные. Вот они и сгорают быстрее. И как бы нам наши мармозетки ни нравились, у них все будет точно так же, хотя мне об этом сейчас даже думать не хочется.

* * *

В конце концов Игорь сознался Але в том, что у него есть жена и сын. На что Аля весьма спокойно ответила:

— А я и так об этом знаю. Я ведь справлялась о тебе в отделе кадров управления, там мне и сказали, что ты уже давно женат.

— И ты до сих пор молчала, даже не упрекнула меня ничем?..

— А в чем мне тебя упрекать? Я же не собираюсь за тебя замуж выходить... Нужен ты мне больно!

* * *

Через неполный месяц после приезда Игорь, провожая Алю, впервые увидел полярное сияние. Оно, надо признаться, несколько разочаровало его: во всю северную половину неба сверкали огромные белесые столбы — будто поставленные вертикально люминесцентные лампы размером с гору. Но почему-то не было той переливчатой яркости лучистых разноцветий, которые всегда сопровождали колоритные журнальные иллюстрации о Крайнем Севере. Слово их специально раскрашивали хитрые фоторепортеры, дабы придать побольше экзотики тем местам, которые требовали все большего притока рабочей силы.

Но чего-чего, а экзотики там хватало. Даже с избытком. Как и той самой электрической эманации, благодаря которой, собственно, и были возможны подобные природные явления — при особых условиях, кстати, вполне способные расцветить атмосферу яркими радужными красками. И эта наэлектризованность ощущалась зимой постоянно: в сухом морозном и неподвижном воздухе все, включая людей, набирало такой запас статического электричества, что от соприкосновения с любимыми токопроводящими предметами — металлом, цветами в кадках, водой из крана, человеческой плотью — били разряды высочайшего напряжения. Да такие, что из Игоря иногда буквально искры сыпались.

* * *

— Что это ты постоянно дома не ночуешь? — спросила однажды Игоря Светлана Павловна — комендант и одновременно воспитатель общежития. — Гляди, выпишу тебя отсюда, раз тебе есть, где жить.

— А разве в нашей комнате можно ночевать? Я имею в виду спать, — попытался отшутиться Игорь. — Ночью я там только и делаю, что со зверинцем вашим воюю. Только приляжешь, так по тебе клопы и топчутся — да еще и не пешком, а на тараканах верхом разъезжают...

— А что, в Алиной избушке спать лучше? Там, наверное,

уже и живности никакой нет — или вымерзли, или с голоду подошли. Ты лучше скажи, как ты там по утрам умываешься — там же за ночь вода в ведрах до дна промерзает?

— Когда как. Иногда на печи растапливаю, а иногда просто раскалываю ковшиком, а потом прямо со льдом и умываюсь.

— Вот видишь!.. Ну а если серьезно, то зачем ты все это делаешь? Ведь ты все равно только поиграешь с Алей и бросишь, а ей-то как потом жить. Она ведь такая девочка хорошая — вот уже почти два года работает у меня, так добросовестней ее и нет никого. Ты только не подумай, что я ее специально перед тобой расхваливаю — она действительно такая: и работает отлично, и аккуратная, и миленькая, и умненькая... А ты и старше ее, и грамотнее, так неужели не понимаешь, что все это для нее бесследно не пройдет. Бедная Аля — до чего же ты ей голову заморочил... Таких, как ты, у нее никогда прежде не было, так что же ей дальше делать прикажешь — когда надоест она тебе наконец? Куда ей деваться после этого? А ведь так оно и будет!

— Тут уж неизвестно, кто кому голову морочит. Она мне действительно очень нравится, только вот к характеру ее никак я подладиться не могу. И не знаю, кто кому раньше надоест: она мне или я ей.

* * *

Что и говорить, увлечение Игоря давно переросло в любовь. И в любовь не простую, а какую-то мучительную. И если в первые дни близости у него еще оставалась, пожалуй, не то чтобы привязанность к законной жене, но какая-то беззаботная уверенность в том, что в любую минуту он сможет вернуться к ней, то сейчас верилось в это с трудом. Страсть к Але была подобна некоему наркотика, привыкнуть к которому гораздо легче, чем оторваться от него. И Игорь, похоже, влип надолго. Хотя, с другой стороны, он в глубине души прекрасно понимал, что они с Алей пара весьма трудносовместимая — даже чисто внешне. И чем могла закончиться эта романтическая история, Игорь себе никак не представлял. И поэтому пустил все на самотек — по течению событий. Что будет, то и будет!

* * *

А Толя хоть и не прекращал встреч с приворожившей его Надюшей, не скрывал ни от кого, что это лишь временный этап в его жизни, по крайней мере, до приезда подлинной жены. Да и сама Надя, втайне, наверное, не раз мечтавшая связать судьбу с приезжим инженером законным браком, виду, однако, не подавала и не выдавала себя ничем. И вряд ли бы она особо переживала, появившись здесь супруга ее возлюбленного — скорее всего, никакие угрызения совести Надю

бы не мучили, и ей не было бы стыдно ни перед кем. У нее, как и у многих других молодых мансиек, ненок, селькупок и прочих аборигенок, уже был опыт, как выкручиваться из подобных ситуаций, чем бы они ни заканчивались. Ведь недаром в последнее время среди них оказалось так много матерей-одиночек, причем детишки их были самыми разнокалиберными и разноцветными, зачастую мало похожими на представителей местной расы. Тут еще надо отметить, что большинство туземных парней, как это ни прискорбно, не имели в последнее время ни малейших шансов жениться; разве что на откровенных уродинах. Эти щуплые мужичонки — почти поголовная пьянь, в своей постоянной униформе — серых телогрейках и для работы, и для танцев, оказались явно неконкурентоспособными перед заезжими молодцами. Их отвергали даже те девицы, которые остались с ребенком на руках, без всяких признаков мужа. И это несмотря даже на то, что издавна девушек среди этих народностей заметно больше, чем ребят, что, в общем-то, и понятно — женщина на Севере куда более ценна для продолжения рода. Даже при недостатке мужчин почти все они дадут потомство. Так уж распорядилась мудрая природа, но она не учла того, что в этот веками отлаженный процесс вмешаются геологи, буровики, авиаторы, строители... И нарушат его, об-

рекая тем самым малые народности на исчезновение, растворение в массе тех, кому бесповоротно было отдано тут предпочтение.

* * *

Но если отношения Толика с Надей были довольно простыми, то у Игоря с Алей все оказалось далеко не так однозначно. Ему иногда казалось, что она буквально без памяти любит его, а иногда — что прямо-таки терпеть его не может. Ее сумасбродства доходили до того, что Игорь, бывало, собирался окончательно плюнуть на все и ни разу больше не попадаться Альке на глаза. Но следующим же вечером она, будто ничего не случилось, снова вызвала его на улицу, бросая обломки сосулек в окошко комнаты номер тридцать один. И Игорь выходил. И все прощал, как прощают только любимой до безумия женщине. Женщине, которая живет, словно птица поет — все только от души и ничего земного, рационального... И которая неизвестно чего хочет от него; то: «Замолчи, надоел!», то: «Чего молчишь, как пень березовый?!». И так каждый день.

* * *

Игорь пытался найти объяснение непредсказуемости поступков, неуравновешенности характера своей любимой. И все чаще он приходил к выводу, что девушке столь чувствительной, темпераментной, женственной и при этом осознающей, что владеет она главным женским ору-

жием — привлекательностью, просто до жути обидно ощущать себя всего лишь чем-то вроде временной жены, северного варианта Чю-Чю-сан. Зная о том, как притягивает она мужские взоры, растрачивать впустую божий дар — обаяние и не иметь ничего постоянного... Где они — надежные мужики, заслуживающие внимания? Не считать же таковыми «ночных женихов», зачастую, кроме бутылки, в кармане ничего не имеющих. А это, надо признать, многими считалось едва ли не универсальным ключом к сердцам северянок.

Игорь, конечно же, вовсе не был ангелом во плоти, да и абсолютным трезвенником он также не был, однако улучшать таким способом Алино настроение он пока не рисковал.

Конечно же, комендантша в чем-то была права — таких, как Игорь, у Али до сих пор не было. Но совсем не потому, что он оказался намного лучше других, а просто потому, что он бережнее относился к ней.

Да и такая, как она, встретила ему впервые. Словом, это столкнулись две практически полярные силы, ну а крайности, как известно, сходятся — в единстве и борьбе противоположностей. Но вряд ли можно было рассчитывать на то, что все это завершится благополучно, особенно для Али — она в конце концов останется одинокой, несмотря на самое наилучшее отношение к ней растерявшегося

Игоря. Так, может, и безрассудства ее отчасти были вызваны тем, что она хотела чего-то стабильного в этой жизни? Это естественно в ее возрасте и положении, но она же ясно видела, что Игорю невозможно пойти на окончательный разрыв с семьей. Даже ради нее! Конечно же, это своего рода трагедия, когда влюбленные уже самим стечением обстоятельств обречены на то, чтобы никогда не соединиться навеки, не стать, наконец, мужем и женой. Мешают условности, традиции, мораль, национальные предрассудки, соображения нравственности, которые так тяжело перешагнуть, не сломав свою жизнь, не надорвав душу... Но ведь трагедии эти существуют столько же, сколько существует и сам мир. И они будут всегда — во всяком случае, до тех пор, пока живут на земле люди, обреченные на эти возвышенные муки.

* * *

Иногда Аля вспыхивала совсем уж необоснованно — Игорю часто даже трудно было предположить, что вызовет очередной скандал. Так, например, она устроила ему однажды сцену только за то, что высказывался он, по ее мнению, слишком «умно». А ведь тут нужно просто не забывать, что городская жизнь, уровень образования, окружение, профессия, наконец, выработали в нем определенный лексикон, не все слова которого могли быть понятны деревенс-

кой девчонке, к тому же нерусской. Но для него слова эти были не менее естественны, чем все остальные. Аля же вдруг посчитала, что он намеренно говорит так — только чтобы доказать ей, насколько она неотесанная. И по этой, придуманной ею самой причине она накричала на Игоря, многократно оскорбила его и послала в конце концов в самые непечатные дали. Правда, в тот же день она сама пришла к Игорю — благо, что было ее дежурство. И хотя она и не подумала извиниться, но произнесла вполне миролюбиво:

— Игорек, ты на меня уже не обижаешься? — что в ее устах было равноценно и извинению, и призыву к примирению, и даже признанию в любви — пусть и очень своеобразному?

* * *

В одно прекрасное утро Толик поведал Игорю небольшую тайну:

— А ты здесь пользуешься успехом — «уездных барышень кумир». На тебя ведь и другая дежурная глаз положила — Валечка Эрлих — та, которая вся «блява та цибата». Спрашивает меня недавно: «И что такого твой друг нашел в этой нанайке? Мало того что ни рожи ни кожи, так еще и вес бараний, а рост собачий. Сам-то он парень классный, мог бы себе и получше найти кого-нибудь, а он по ней сохнет, будто что-то в ней путное есть!».

Если одна баба начинает ругать другую, то не иначе как

мужика у той отбивать собралась. Ну, я ей и ответил в том духе, что, мол, поскольку всякая женская натура — всегда зло, то ты и выбрал себе наименьшее из зол, какое только было в этом поселке.

— Правильно ты ей сказал. Валя — девочка симпатичная, спору нет, но после Алевтинки мне все наши девчата кажутся громоздкими, как сундуки. И носатыми — хоть у меня и самого шнобель приличный.

— А ты знаешь, почему у всех этих чукчей носики пипочками? Мне кажется, потому, что такую кнопку сложнее отморозить по здешней зиме, чем такой хохлячий рубильник.

— Точно! И все остальное у них по той же причине мелкое. Как говорится, настоящий естественный отбор.

— А ты посмотри, какое вокруг них биополе сексуальное разлито! Будто они всегда только этим озабочены — прямо секс-магниты ходячие, а не женщины. Тоже, вероятно, естественный отбор потрудился — будь они здесь такими недотрогами высокоморальными, весь их народ, не иначе, уже давно бы вымер в этих условиях. Их и так всего чуток осталось, пора и в Красную книгу вносить. Но мы с тобой им вымереть не дадим — правда, Игорек? Да еще и таким прелестным крошкам! Такие маленькие женщины созданы только для любви, удел же всяческих

культуристок мощного сложения — тяжелая работа!

* * *

И в самом деле — многие северянки чем-то просто-таки извораживали душу. И если искусство нравиться представителям мужского пола можно назвать истинно женским талантом, то Аля, по наличию его, была просто гением. Она, как уже говорилось, не являла собою образец идеальной красоты. Уже хотя бы потому, что вовсе не соответствовала никаким привычным для нас канонам. Хотя, как знать, может, именно эти каноны будут господствовать во вкусах уже недалекого будущего: это вовсе не исключено, если учесть, какое влияние оказывает Азия на весь мир уже сейчас. И если теперь многие японки и тайландки делают пластические операции, чтобы придать глазам, носу и прочим деталям европейский облик, то в не очень отдаленное время, наверное, некоторые европейские женщины станут подражать азиатской расе.

Однако, честно говоря, даже по азиатским канонам красивых женщин на Севере было немного, впрочем, любая женская красота — несчастный и бесценный подарок природы. И не только самой женщине, но и всему окружающему миру. И одним из этих немногих подарков была Алевтина Вынгелева. Тоненькая талия с очень соблазнительными

изгибами, хрупкие плечики изумительного рисунка, какая-то воздушность в быстрых, но вместе с тем чрезвычайно легких движениях в сочетании с миниатюрностью делали ее похожей на прелестную русалочку, а ее свежее смуглое личико становилось совсем кукольным, когда она свои пышные черные волосы заплетала в две тугие косички. И это было тоже дополнительным фактором лучащегося шарма: ее детскость, кукольность облика. И непревзойденная стройность, без малейших признаков сутулости — как видно, школьные науки не пошли во вред Алиной фигурке, так как, скорее всего, не слишком ее обременяли. И ножки — вовсе не тощенькие, несмотря на всю их миниатюрность, а напротив: ладные, крепкие, округлые — будто литые каучуковые кегли. И кожа — атласная, гладкая, без единого волоска, упругая и шелковистая на ощупь. И гибкая, превосходно обрисованная стать, буквально провоцирующая большинство парней на провожание похотливым взглядом...

Но, повторю еще раз, под общепринятые идеалы красоты Аля подходила мало — именно в силу своей национальной типичности и крохотности. Рост ее, например, составлял всего один метр и тридцать восемь санти-

метров, размер ножки — тридцать второй, размер в бедрах — сороковой, а в плечах — и того меньше. Для взрослой девушки — пусть даже и уроженки Севера — этого было слишком мало, чтобы отнестись к ней вполне серьезно, чтобы даже просто считать ее настоящей, а не игрушечной. Она была словно из мира маленьких сказочных эльфов — не хватало только серебристо-прозрачных крылышек. И именно так воспринимал ее Игорь, хотя прочие пришлые люди относились к ней, возможно, несколько иначе. Услыхал же однажды Игорь от своего сменщика по цеху: «Сколько там той Альки!».

И все равно она была неотразимой, но вовсе не для одного только Игоря — многие мужчины лишь потому пренебрежительно отзывались о ней, что она не оставляла им ни малейшей надежды на более близкое знакомство. Экзотичная, броская внешность, хоть и полудиккий, но крайне развитый артистический вкус в стремлении преподнести себя, необычайный блеск глаз делали ее чрезвычайно заметной, невзирая на всю ее микроскопичность. И самое главное — Аля прекрасно осознавала свою притягательность и поступала в полном соответствии с этим.

(Окончание в следующем номере)

Книжный проспект

Космос Севера/Сост. Лагунова О.К. — Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. — Вып. 2. — 22 с.: ил.

Феномен традиционных культур народов Обского Севера давно привлекает внимание гуманитариев, как российских, так и зарубежных. За последние триста лет из-под пера историков, этнографов, археологов, лингвистов и культурологов вышли тысячи статей и монографий, посвященных различным аспектам этого явления. В столкновениях точек зрения, гипотез и теорий шаг за шагом идет постепенное продвижение к истине.

В связи с этим, вполне понятно стремление исследователей-профессионалов и краеведов-любителей не упустить новые публикации коллег. Однако сегодня такая задача трудно-выполнима: сборники статей и материалов научных конференций, монографии, краеведческие журналы и научно-популярные книги множатся как грибы. Небольшие тиражи изданий и отсутствие централизованной информационной системы, к сожалению, часто ставят непре-

одолимый барьер для тех, кому они адресованы. Таким образом, эффективность работы исследователей традиционных культур и истории Обского Севера оказывается гораздо ниже ожидаемой. Подобная разобщенность не только тормозит процесс познания, но и приводит иногда к очередному «изобретению велосипеда».

Четыре года назад в издательстве «СофтДизайн» вышел небольшой красочный оформленный сборник «Космос Севера», куда вошло 18 статей специалистов различных гуманитарных наук. В коллективе авторов, чьи научные интересы так или иначе связаны с изучением духовного мира и этнической истории аборигенов Обского Севера, кроме ученых Тюмени, были представлены и северяне (Л.А. Лар, Е.Г. Сусой и Н.И. Ного).

А в 2000 году «душа и двигатель» проекта О.К. Лагунова сумела выпустить в свет второй номер этого издания, в оформлении которого вновь использованы самобытные живописные сюжеты Г. Райшева. Сохранилась и структура сборника: преобладают работы литерату-

роведческого характера, дополненные разделами «Фольклористика и искусствоведение», «Лингвистика и история», «Этнография и культурология», каждый из которых включает две-три статьи. Примечательно, что в первом выпуске гуманитарные тандемы разделов выглядят несколько иначе: «Культурология и лингвистика», «История и искусствоведение». Данное обстоятельство симптоматично: синкретический характер традиционных этнических культур Обского Севера диктует необходимость применения в исследовательской работе комплексного подхода.

В последние годы ученые все чаще пытаются решать различные научные проблемы, используя материалы и методику смежных гуманитарных дисциплин. Конечный успех подобных исследований во многом зависит от того, насколько свободно автор владеет специфичным языком, терминологией и «правилами игры» непрофильной науки и насколько корректно оперирует материалами коллег.

Во втором выпуске «Космоса Севера» есть несколько статей, авторы которых решились на работу «на стыке наук». «Безумству храбрых поем мы песню», поэтому обзор сборника начну с них.

Чрезвычайно интересна статья В.И. Семеновой о легендарном юганском богатыре То-

нье, являющаяся, по сути, римейком ее же доклада на научной конференции ТОКМ (1990 г.). Но на этот раз автор отталкивается не от материалов раскопок городища Частухинский Урий, а от предания об осаде городка Тоньи русским отрядом. Повторное обращение к данной теме вполне оправданно, ибо, с одной стороны, тезисы конференции не имели широкой аудитории, а с другой — исследователь получила в 1991 году дополнительные материалы из раскопок памятника, которые позволили ей найти новые точки сопряжения между фольклорной версией драматического эпизода биографии Тоньи и археологическими данными. В целом В.И. Семеновой удалось достаточно убедительно проиллюстрировать отдельные детали предания, доказав тем самым его историчность. Редчайший для Западной Сибири случай, когда конкретный археологический памятник получил «привязку» к реальному историческому лицу (и наоборот)!

То, что Тонья (он же Тонга и, вероятно, Тонема) — герой отнюдь не вымышленный, подтверждается и письменными источниками, которые В.И. Семенова, к сожалению, проигнорировала. Данное обстоятельство важно еще и потому, что тем самым была упущена возможность более точно датировать время гибели городка.

Между тем, из русских документов известно, что в 1617 (или 1619) году «бардаковы дети» (князя Бардака) Тонема (Тонья) и Суета «заворовали и погромили» государеву казну, убив при этом нескольких сургутских служилых людей. По следам разбойников был послан военный отряд, который, видимо, и осаждал резиденцию Тоньи на Частухинском Урии. Не исключено, кстати, что вернуть награбленное казакам не удалось, и родственники похоронили погибших защитников городка на его руинах вместе с их трофеями. Отсюда и обилие находок русского происхождения в погребениях: одних монет Ивана Грозного (денег и копеек) — более тысячи (это лишь незначительная часть награбленного — не более десяти рублей, в то время как общая сумма достигала четырехсот).

Исследование В.И. Семеновой — убедительное доказательство огромного источниковедческого потенциала хантыйских преданий (вслед за ней в этом направлении успешно начали работу и археологи Екатеринбург). В связи с этим, странным выглядит ее обращение к сказке М. Анисимовой о Тонье-богатыре. При всем уважении к творчеству известной писательницы, это произведение не может считаться фольклорным источником, и тот факт, что в ее сказке раненый кодыкий князь Алач зовет на по-

мощь Тонью, рожден не «все исправляющей памятью народа», а лишь полетом фантазии нашей современницы. Непонятно также, почему автор статьи отрицает принадлежность преданий о Тонье к эпосу восточных ханты, называя их несостоявшимся эпосом.

О необходимости комплексного подхода к изучению традиционных культур народов Севера говорит и Т.И. Борко в статье «К истории изучения шаманизма в Сибири». По ее мнению, для того, чтобы познать суть сибирского шаманизма, необходимо привлечь к изучению традиционного изобразительного искусства специалистов-искусствоведов. В целом, в статье представлена историография проблем шаманизма и изобразительного искусства народов Обь-Иртышья с критическими замечаниями самой Т.И. Борко. К слову сказать, в статье речь идет фактически лишь о шаманизме обских угров, а не вообще всех сибирских аборигенов, что, видимо, объясняется сферой научных интересов автора.

В связи с этим уместно отметить, что попытки автора уложить обско-угорское шаманство в прокрустово ложе некоей всеобщей, стандартной схемы этого феномена плохо увязываются с конкретными этнографическими фактами. Практически все исследователи, начиная с Н. Спафария (к. XVII в.),

Г. Новицкого, В. Зуева (XVIII в.) и заканчивая А. Зенько, обращали внимание на слабозрительность шаманизма обских угров: каждый человек мог самостоятельно обращаться к духам, включая и представителей высшего пантеона, а шаманы играли заметную роль лишь на больших празднествах, выполняя роль посредников в общении с Торумом, Кулем и Мир-Сусне-хумом.

В данном случае несомненно, что шаманизм включает в себя лишь часть ритуальной практики и религиозно-мифологических представлений (так называемые шаманские мифы и легенды) ханты и манси.

Аналогичная ситуация наблюдается и в изобразительном искусстве: в декоративном оформлении шаманских атрибутов используется незначительная доля богатейшего орнаментального фона обских угров. Поэтому экскурс Борко в историю изучения орнаментов этих народов слабо согласуется с заявленной темой. Родовые тамги, орнаменты на бытовых изделиях из меха, кожи и бересты, равно как и покррой костюмов, имеют весьма отдаленное отношение к изображениям на шаманских атрибутах. В то же время, нельзя не согласиться с тезисом о том, что изучение семантики обско-угорских орнаментов позволит приблизиться к пониманию сути сакральных изображений, в том числе и шаманских.

В связи с этим обращает на себя внимание недостаточная осведомленность автора статьи о современном состоянии проблемы: она оперирует данными из соответствующей литературы как минимум двадцатилетней давности. К сведению, за этот период вышло немало работ, посвященных орнаменту обских угров, в том числе и его семантике: несколько статей и замечательная монография Т.А. Молдановой «Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис» (Томск, 1999 г.), статья Н.В. Лукиной и О.М. Рындиной «О семантике орнамента восточных хантов» (сб. «Этнокультурные процессы в Западной Сибири» Томск, 1983) и фундаментальное исследование Рындиной («Очерки культурогенеза народов Западной Сибири». Т.3 «Орнамент», Томск, 1995). Кстати, в историографическом обзоре, посвященном сибирскому шаманизму, почему-то также отсутствуют имена авторов, чьи заслуги в разработке данной проблемы достойны внимания: Н. Спафарий (XVII в.), Г. Новицкий (XVIII в.), Н. Абрамов, В. Шавров, Н. Гондатти (XIX в.), В.Н. Чернецов, А. Каннисто, М. Хопал (XX в.) и другие. В то же время, нашлось место для исследователей, которые практически не занимались изучением шаманства (Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер, И. Тикканен, Ф. Мартин, В.М. Новицкий).

Известный лингвист Н.К. Фролов обращает внимание на актуальность идеи диахронического и синхронического исследования этнолингвистических процессов («Об истории лингвоэтнической парадигмы культур народов Тюменского Приобья»). Ее успешному воплощению мешает, на его взгляд, недостаток информации (какой?), предвзятость некоторых ученых и разобщенность усилий представителей гуманитарных наук. Выход из этого своеобразного тупика исследователь видит в «совокупном изучении» ряда конкретных проблем: менталитета, синхронического описания языков и диалектов, научного прогноза (?) и т.д. Но, прежде чем приступить к этой работе, автор предлагает сделать «объективную оценку имеющихся теоретико-практических достижений в сфере филологических, исторических и культурологических штудий».

Казалось бы, далее следовало ожидать краткий анализ состояния указанной проблематики. Однако ученый ограничился беглым абрисом истории межэтнических языковых контактов в регионе, проявившихся во взаимных лексических заимствованиях. Причем приводятся лишь примеры заимствований из русского языка и обратные, хотя известно, что многовековые контакты между аборигенными этносами привели к весьма интенсивному обмену в

лексике и фонетике, а количество таких заимствований вряд ли уступает русским. Сравнительный анализ процентного соотношения иноэтничной лексики в языковых фондах народов Западной Сибири, кстати, проводился специалистами неоднократно, как синхронический, так и диахронический (см. работы Е.А. Хелимского). Хронология контактов между этносами в общих чертах достаточно хорошо выяснена совместными усилиями компаративистов, историков, археологов и топонимистов. В частности, в топонимике края четко фиксируется как планиграфия ареалов различных этносов, так и стратиграфия (наряду с самодийскими, обско-угорскими, тюркскими, русскими и коми-зырянскими пластами отмечаются древние индоиранские, иранские и, возможно, палеоазиатские).

Весьма странным выглядит заявление автора о том, что древнейшими обитателями Западной Сибири из ныне живущих в ней народов являются селькупы, ближайшие родственники шумеров(?). Вероятно, источником для Н.К. Фролова в данном случае послужила теория этнографа Г.И. Пелих, согласно которой в культуре селькупов присутствует древний компонент, имеющий аналогии в языке и графике шумеров. Такие прямолинейные выводы, сделанные около трид-

цати лет назад, по сути, ошибочны и давно уже не принимаются всерьез учеными. Природа аналогий несколько иная, но сейчас не об этом: то, что простительно в данном случае этнографу, непозволительно для лингвиста: селькупы по языку и культуре — самодийский народ. Факт, установленный еще Кастреном в середине XIX века, до сих пор никто из ученых еще не подвергал сомнению. Кроме того, данными лингвопалеологии установлено, что в пятом тысячелетии до н.э. предки селькупов, как и остальные народы, входящие в уральскую языковую семью, жили не на территории Двуречья и Передней Азии, а в Западной Сибири (см. статьи П. Хайду, П. Вереша, Е. Хелимского и др.).

Подобные замечания можно было бы продолжить, но, боюсь, что по объему они могут превзойти саму статью Н.К. Фролова: почти каждая строка в ней содержит неточности, ошибочные суждения и т.п. Нельзя оставить без внимания то и дело встречающиеся удивительные выражения такого рода: «самодийско-угорское население», «угорско-самодийские наречия» (распад финно-угро-самодийского праязыка произошел еще в III тыс. до н.э.), «русские славяне».

И последнее: интересно, каким образом уважаемый профессор собирается «программировать этнолингвистические

процессы в регионе», который он, кстати, называет Тюменским Пообьем (термин, не известный в отечественной науке.)?

В статье Н.И. Ромбандеевой, написанной живым разговорным языком, речь идет о роли сказки в воспитании детей у манси. Анализ сюжетов в дидактическом аспекте предвзят воспоминаниями автора о детстве, образно и эмоционально характеризующими теплую и уютную атмосферу в доме, где дети собирались вокруг сказителя или сказительницы.

Н.Н. Федорова («Вселенная Райшева») продолжает искусствоведческий анализ творчества северного саморodka, на этот раз обратившись к его новому «русскому» циклу живописных произведений (90-е годы). Автор отмечает, что и на новом этапе деятельности художник не отходит от своей характерной «фольклорно-природной основы».

В том, что фольклорное, мифологическое и этнографическое начало — поистине неисчерпаемый животворный источник, из которого черпают идеи и вдохновение классики мансийской, хантыйской и ненецкой литературы, еще раз убеждаешься, знакомясь с разделом «Литературоведение. Культура коренных народов севера Западной Сибири». В статьях Н.Г. Качмазовой, О.К. Лагуновой, В.И. Захарченко, Г.И. Данилиной и С.А. Комарова

рассматриваются новые аспекты в творчестве Ю. Шесталова, А. Тарханова, Н. Ядне и Е. Айпина: жанровые симбиозы, метаморфозы мифов и т.д.

Сильное впечатление производят два очерка К.Я. Лагунова («Портреты без ретуши»), посвященные нелегким жизненным путям и творчеству талантливых северных писателей А. Неркаги и Е. Айпина. Очерки написаны, выражаясь словами самого Константина Яковлевича, «мощно и распевно». Просто поэма в прозе, где судьбы человека и творца воспринимаются столь же синкретично, как и традиционные культуры северных народов.

Несколько озадачивает статья Л.Г. Беспаловой, помещенная в разделе «Север Западной Сибири и русские литераторы». И дело не в том, что добросовестно изложенная биография писателя-путешественника Носилова представляет собой по большей части пересказ сюжетов из его произведений, выстроенный в хронологическом порядке и обильно снабженный живописными цитатами. Просто в 1989 году в серии «Наши земляки» вышла документальная повесть А. Омельчука «К. Носилов», которая до сих пор не является раритетом, а по обилию материалов и глубине их проработки отличается явно не в пользу статьи Л.Г. Беспаловой. Конечно, возможен новый взгляд на жизненный путь

и творчество «певца сибирского севера», дополнительные важные факты, но ничего этого в предлагаемом варианте биографии нет. Жаль, что в творческой копилке известного тюменского литературоведа не нашлось для «Космоса Севера» более оригинального материала.

Не осталась без внимания и нижневартовская писательница М.К. Анисимкова, которая уже давно и успешно осваивает фольклор и историческое наследие народов Обского Севера. Н.Н. Горбачева, анализируя ее творческий путь, отмечает органичный переход от работы в малых фольклорных жанрах (сказы, сказки) к историческим темам и «большому эпосу». Оценивая новые романы Анисимковой, автор статьи пришла к выводу о том, что они относятся скорее к любовно-авантюжному жанру, нежели историческому. В целом, по мнению Н.Н. Горбачевой, фольклорная стезя достаточно хорошо освоена писательницей, поэтому именно с ней следует связывать надежды на дальнейшие творческие успехи Анисимковой.

Есть, к сожалению, в статье две детали, режущие глаз. Автор говорит о *переводе* писательницей мансийского эпоса «Янгал-маа». На самом деле ни о каком переводе речи и быть не может, так как в природе не существует ни такого эпоса, ни, соответственно, мансийского

текста. Тема эта требует отдельного разговора, а пока следует уточнить, что речь идет лишь о прозаическом переложении одноименной поэмы М. Плотникова. Кроме того, Н.Н. Горбачева почему-то называет Ваули героем мансийского, а не ненецкого, как следовало бы, эпоса.

Тех, кто интересуется этно- и глоттогенезом угров, порадует статья Н.В. Лабунец «Гидронимические термины как свидетельство миграции древних угров». Удачные и убедительные этимологии группы субстратных гидронимов бассейна р. Вагай указывают на их хантыйскую принадлежность. Из этого факта, однако, не следует делать вывод о том, что данная территория находилась «в зоне широких угорских контактов», так как все привлеченные топонимы самой исследовательницей объясняются из диалекта иртышских ханты. Полностью отсутствуют мансийские и венгерские аналогии. Данное обстоятельство однозначно свидетельствует о том, что этот субстратный слой оставлен прежними обитателями данной территории — группой южных ханты, частично вытесненных на север, частично ассимилированных пришлыми тюркскими племенами.

Название статьи Н.В. Каркашовой — «Из истории культурного строительства на Обь-Иртышском Севере в 1920–1930-х годах» вызвало ощущение

«дежавю». И действительно, в первом выпуске «Космоса» я обнаружил ее статью «К вопросу о политических, экономических и культурных преобразованиях на Обь-Иртышском Севере в 1920–1930-х годах». Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что автор настолько переработала сюжет о культурном строительстве, что статьи воспринимаются как параллельные, почти не пересекающиеся. Вероятно, новая работа — дополнение к предыдущей, хотя между ними практически отсутствует какая-либо связь, что само по себе странно, но не умаляет достоинств новой статьи. Удивительная метаморфоза текста объясняется просто: автор значительно дополнила тему новыми интересными и важными фактами, разысканными северными краеведами Н. Патрикеевым, Д. Городенко и Н. Вокуевым, опубликованными в 1995 году в нескольких номерах журнала «Югра». В связи с этим, в статье Н.В. Каркашовой появились сведения о школах-передвижках, кочевых школах, культурбазах и красных чумах. Жаль, что автор не включила в новый текст сюжеты из прежнего (о подготовке национальных преподавательских кадров и о создании письменности, букварей и литературного языка народов Обского Севера).

Закономерный вопрос к исследователю возникает при сопоставлении сведений об уров-

не грамотности коренных народов края. Ссылаясь на данные переписи 1920 года, Н.В. Каркашова приводит разные цифры: в первой статье говорится о том, что среди ненцев грамотные люди составляли всего 0,6%, а во второй — 6,3%. Разница существенная. Какой показатель считать правильным?

Завершает сборник объемная статья С.В. Турова «Современное состояние и некоторые культурологические аспекты русской традиционной медицины Северо-Западной Сибири», основанная, главным образом, на богатейших полевых материалах автора, полученных им в 1994 году в Ханты-Мансийском районе. Оказывается, до сих пор в русской старожильческой среде края сохранились фольклорные тексты, столь насыщенные архаизмами, что они увели исследователя к развитию сюжетов, восходящих к эпохе индоевропейского единства: Индрик-зверь — единорог — мамонт — ведический Индра, алатырь-камень — камень-безуй — громовая стрела. Привлекая широкие параллели из мифологии и фольклора различных культур, значительно удаленных

во времени и пространстве, С.В. Туров оригинально и убедительно их интерпретирует. Поднятая им тема, несомненно, имеет блестящую перспективу, ибо круг источников и их потенциал далеко не исчерпаны. В одном случае все же раскованность и увлеченность автора обернулись ошибочной интерпретацией персонажа из фольклорной песни, записанной у ялutorовских старожилков («Енгра, ты Енгра! Выбегала Енгара из Байкалова моря...»). Туров увидел в Енгре огласовку мифологического Индрика-зверя, хотя в данном случае очевидно, что речь идет об Ангаре. Всем известно, что Волга впадает в Каспийское море, а Ангара вытекает из Байкала.

Как видно, материалы сборника весьма разнообразны и, безусловно, интересны как для ученых, так и для краеведов-любителей. Отдельные недочеты, встречающиеся в статьях, — неизбежные издержки творческого процесса авторов.

Космос вечен и бесконечен, поэтому, кроме бессмертного «верной дорогой идете, товарищи!», стоит пожелать сборнику еще и «многая лета!».

До публикации Ю. Переплеткина «Многолюдная тундра» (Лукич. 2000. №2. С. 11–20) ред-ко кто мог даже предположить, что автор «Янгал-маа» Михаил Павлович Плотников не исчез в конце тридцатых в застенках НКВД.

Тюменский краевед Александр Петрушин помог редакции журнала разыскать дело о расстреле, которое мы и печатаем практически без купюр и комментариев. Итак, неизвестные страницы жизни М. Плотникова.

Михаил Плотников: Из дела о расстреле

Собственноручное показание арестованного Плотникова Михаила Павловича

В период 1914 года я, как многие молодые сибиряки увлекался идеями Ядринцева-Потанина об областничестве. К числу таковых сибиряков принадлежал и я. Сибирское областническое течение носило надпартийный характер. Под знаменем областничества сошлись, как кадетская так и с-р, меньшевики, собственно говоря, чистых областников было мало. В 1917 году областническое течение неожиданно приобрело силу и явилось оплотом борьбы с наступающим большевизмом и Советской Властью. Чехи, купленные иностранными государствами, с другой стороны — сибирский торгово-промышленный капитал использовали областничество в борьбе с Советской Властью, причем, под маркой областников подвизалась значи-

тельная часть партии эсеров. Чешский переворот застал меня в Новосибирске, вернее я в это время был в деревне Мочище на охоте. Должен откровенно сказать, что к Сибирской власти я

относился положительно. Эта власть тогда формировалась в Томске около Областной думы. До этого времени, примерно с 1915 года я знал и переписывался с редактором журнала «Сибирские Записки» Вл.М. Крутовским, который в 1918 году в момент образования правительства сделался министром. В.М.Крутовский предложил мне из Омска (я был в Новосибирске) место в Министерстве Туземных Дел, в качестве ученого члена комитета по туземным делам. Такие же места были предложены этнографу Пигнатти и профессору Петри. Я от этого предложения отказался по той причине, что с редактором-издателем Новосибирской газеты Н.П. Литвиновым, мы замыслили возобновить газету «Алтайское Дело» с областническим направлением, но на это денег у Литвинова не хватало. К этому времени, т.е. август месяц 1918 года начались разговоры о Директории. Таким образом Сибирское Правительство сходило со сцены и я решил ехать в Камень на службу в Каменский Союз Кооперативов. Здесь я от всякой политической жизни устранился, а зимой в ноябре месяце воцарился Колчак, свергнувший Директорию. Как к Директории, так и к Колчаковщине я относился отрицательно. К Директории я относился отрицательно, как к пришедшей бездарной власти, а к Колчаковщине, как злой реакции. Во время колчаковщины я думал, о подмене этой власти сибирской,

но одновременно стал разочаровываться в областничестве, как течении рыхлом, соединявшем в себе всех и вся. В дальнейшем, т.е. в 1920 году ввиду поездки в низовья Енисея и жизни в Енисейске я от областничества окончательно самоустранился, а с переездом в Новосибирск пришел к выводу, что оно отжило свой век. Скажу, что в настоящее время я считаю, что областничество как таковое не существует, так как сейчас нет метрополии и колонии, каковой была Сибирь. Начиная с 1920 года я не считал себя областником и в этом направлении поставил точку. *Также я утратил связь с В.М. Крутовским.* С Потаниным я лично знаком не был, но изредка переписывался а с 1918 года имел от него предложение работать в Томске в Институте Производительных Сил Сибири. *Когда я поступил на работу в Крайзу в 1932 г.*, то здесь уже имелся аппарат специалистов, как например ветврач Эльвин. Работа Ветотдела по Северу более чем отставала, т.к. Эльвин очень халатно относился к северным районам. Например, в 1936 г. несмотря на три телеграммы из Стойбы-Селемджино-Буреинского района о присылке животноводческого врача, врача он не откомандировал. Медикаменты на Север отправлялись не полностью, как например 1936 г. медикаменты в Охотск. В общем Ветотделом составлялись довольно широкие планы на борьбу с эпидемиями, но они никогда не вы-

полнялись и обходилось дело благополучно лишь потому что годы были благоприятные от эпизоотий. Не хватало кадров, причем Эльвин лучших специалистов посылал поближе, а не в районы Крайнего Севера.

Лично я прибыв в аппарат Крайзу работу начал с подсчета поголовья оленей так как имелись разных организаций разные цифры: в Нархозе одни, Крайплане другие, Комитете Севера третьи. К сожалению, точно установить поголовье не удалось, но все же были получены результаты более точные. Надо отметить, что *в целом ряде северных районов началось снижение поголовья оленей в результате вредительского забоя кулаками на мясо.* Тогдашний Начальник Крайзу Егоров отнесся к этому хладнокровно и не провел в Крайисполкоме постановление о запрещении забоя самок оленя. Теперь скажу о своей работе по оленеводству. *До 1934 года я был единственным специалистом по оленеводству, а поэтому с работой не справлялся,* а кроме того мне плохо помогали все начальники Крайзу, с которыми я служил, а также ветотдел. Особенно плохо помогал Замнач Крайзу Н.А. Петров, который отдавал распоряжения вообще на раздутые планы по животноводству в целом. *Существовала-ли какая вредительская организация в Крайзу я не знал и меня никто не привлекал,* т.к. существовала верхушка в Крайзу, окружавшая Нач-Крайзу Чеманова в составе глав-

буха Стародубцева, зав. секретной частью Ковригина, экономиста Курдыбанского, затем Быкова, Седавных, Н.А. Петрова, Эльвина. Это была спаянная компания. *Лично я никаким вредительством в оленеводстве не занимался,* кроме того я работал в центральном аппарате и с живыми оленями дела не имел. Дружеских и приятельских отношений я из крайзовцев ни с кем не имел. Более близкими знакомыми были Виталий Александрович Петров и Василий Николаевич Коршунов, у которых бывал я и они бывали у меня. Положение об оленеводстве требует подготовки новых кадров — зоотехников, но с этим делом плохо, т.к. Крайзу всегда жалось на отпуск кредитов на такие мероприятия. В заключении скажу, что изъятие многих работников Крайзу произошло после моего ухода с работы, а поэтому кто работает, а кто не работает я не знаю. Должен сообщить следующие факты, а именно. В 1935 г. заместитель начальника Крайзу — Темкин предложил мне дать справку: сколько оленей необходимо в единоличном пользовании в колхозных хозяйствах в тундровой, лесотундре и таежной зоне. Эти данные были необходимы для проекта постановления. Мною, насколько я помню, даны были следующие цифры: тайга — 70, лесотундра — 150 и тундра 300. Когда я прочитал в газете постановление, то по тайге и лесотундре цифры оказались слишком увеличенными. Я пошел к Тем-

кину и указал ему, что цифры даны другие и если колхозники будут их придерживаться то растащат общественное стадо, а сами превратятся в крепких середняков. На это Темкин мне ответил: «Если Крайком постановил, разговаривать нечего». Второй факт. Поголовье оленей в Корьякском округе очень невелико сравнительно с нуждами населения. Дальстрою потребовались 2000 голов оленей. И несмотря на протесты начальника Управления Севера Ивана Максимовича Лескова и мои, Чемаков приказал перегнать из Корьякского округа, а Крутов утвердил это мероприятие, несмотря на то, что Корьякский Окрисполком против этого возражал. Я не знаю какое поголовье на 1938 г. в Корьякском округе, но тогда оно было сокращено процентов на 20. Факт третий. В 1936 году был созван съезд оленеводов из северных национальных районов. Срок замначальнику Н.А. Петровым был так установлен, что часть делегатов прокатилась до Петропавловска на Камчатке и не попала на съезд. Все эти факты носят вредительский характер. В данном случае давалась неверная директива или менялись на ходу цифры. Характерный случай с Аянским оленным пунктом, который не получал денег (зарплаты) около года. Главным рассылным и чиновником особых поручений был уп-

равделами Рерин и ближайший друг Ререна Сыщикова. В заключение должен сказать, что меня в организацию никто не привлекал, о существовании таковой я узнал уже после ухода из Крайзу, когда начались аресты, тем не менее я не слогаю с себя ответственности за оленеводство. Надо отметить, что до 1937 года колхозное оленеводство было в одной организации, ДИС, совхозы в двух, а единоличники — в Крайзу.

Переходя к литературной работе по оленеводству я должен указать на следующий факт. По договоренности с Крайпланом мной была написана в 1935 г большая работа по оленеводству, которая при отсутствии литературы об оленеводстве ДВК, имела свою ценность. Когда работа была готова, одобрена к печати Ленинградским научным оленеводческим институтом, завсектором науки Крайплана Цымек начал ее мариновать. Он оттягивал издание книги. Я написал в Коллегию Партконтроля, но и это не помогло, хотя я определенно указывал, что Цымек вредительствует. Книга осталась неизданной*, теперь она устарела.

Из беллетр. литер. деятельности я почти ничего не писал. Из хабаровских литераторов я знал лично: т. Бытового, Гая, Кулыгина, Титова, Алексеева, со все-

* Очень сложно объяснить, почему М. Плотников не написал в первых показаниях, что его книга по оленеводству была издана. См. подробнее: В. Князев, М. Плотников. Русь. Тюмень, 1998. С. 318. — (Прим. издателя).

ми познакомился здесь, за исключением Кулыгина, которого я знал по Новосибирску и Красноярца А. Фетисова, с которым я познакомился в Красноярске. В моем первом показании остальные моменты освещены, а поэтому я останавливаться не буду.

Отмечу что был на первом дальневосточном краевом съезде писателей. Съезд прошел в нездоровой обстановке.

5.Х.38. подпись

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

Впервые о контрреволюционной организации я услышал от Фесека, Главного агронома Крайзу, который сделал несколько попыток с осени 1936 года завербовать меня в ряды контрреволюционной организации. Вербовка происходила во время служебных разговоров с Фесеком, который сначала говорил намеками, затем стал действовать более решительно и стал оказывать давление на меня на служебной почве по линии подготовки к Всесоюзной с-х выставке. Я долгое время отклонял предложение Фесека т.к. договор мой кончался в 1937 году и я собирался покинуть пределы Края, а также и работу по оленеводству.

Наконец, в 1936 году, кажется декабре месяце я дал согласие Фесеку, который познакомил меня с основными целями этой организации. Основными целями этой организации — говорил Фесек было вредительство в области сельского хозяйства в Крае. Я должен был по заданиям, полученным от Фесека действовать в области оленеводства. До осени 1936 г. все колхозное оленеводство управлялось Дальинтегралсоюзом, затем перешло Крайзу и с этого времени становились возможными вредительские акты, что и было, видимо, учтено Фесеком, как главным агрономом. Вообще должность старшего агронома была установлена в 1936 году и носила неопределенный характер* вопросам статистики оленеводства т.к. ему нужно было показывать для Выставки диаграммы роста поголовья оленей за целый ряд лет. Фесек, заканчивая разговор, шутя, заметил, что «он такую организацию, кажется, нашел и приглашает меня». Я сначала не понял о чем идет речь, так как забыл первый разговор. Я думал, что разговор идет о художнике, которого нашел Фесек и думает ему заказать черчение диаграмм. Я ему ответил, что «напрасно он искал, т.к. чертешники Крайзу эту работу делают не хуже, чем художник со

В тех местах, где С.Г. и С.Ю. Пархимовичам, готовившим материалы дела к публикации, не удалось разобрать текст дела о расстреле М. Плотникова, поставлено многоточие. Орфография и пунктуация автора показаний сохранены. — (Прим. издателя).

стороны и значительно дешевле». Фесек тогда мне пояснил, что разговор идет не о художнике, а о том разговоре и той организации, о которой он мне говорил. Такая настойчивость мне показалась крайне подозрительной и даже провокационной. Я ему сухо заметил, что он волен делать, что угодно, а себя просил избавить от подобных разговоров. Фесек смутился и заметил: «Какой вы — сердитый!». После этого он рассказал мне анекдот о своей фамилии. Из анекдота я узнал, что отец Фесека где-то имел фотографию в маленьком городке, и окрестные крестьяне фесиками начали звать вообще фотографов. После этого Фесек ушел, а при встречах долгое время не касался этого разговора.

В конце 1936 года Фесек зашел в комнату, где я занимался. Здесь находились кроме меня и Василия Николаевича Коршунова работники отдела мелиорации и секретарь местного комитета. Я не помню по какому вопросу приходил Фесек, но он обвиняками возобновил разговор: «Жаль, жаль — заметил он, — что вы не подумали о моем предложении». На это я сказал ему, что я не понимаю его. Говорит он серьезно или не серьезно. Если он говорит серьезно, то мне придется поставить в известность партком. Если же это шутка, то очень глупая; и можно выдумать поумней. Фесек был смущен моим ответом, и особенно

громким тоном голоса т.к. на это обратили внимание служащие.

Подпись

*Собственноручное признание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

В 1932 году я приехал в Хабаровск и приступил к исполнению обязанностей специалиста по оленеводству. Надо отметить, что обязанность оленевода при Крайзу носила научный характер работы в области оленеводства. Вообще оленеводство является областью новой, где было мало опытного материала, а поэтому требовалось изыскивать новые пути развития в условиях соцреконструкции хозяйства Севера. Непосредственно оленеводством руководили Дальинтегралсоюз, в ведении которого находились колхозы и в этот же период был организован Оленеводтрест. Обе эти организации не подчинялись органам Наркомзема и работали самостоятельно. Роль специалиста по оленеводству сводилась к контактированию, изучению методики вопросов зоотехнии и ягелеведения. По вступлении в должность я понял, что никаких материалов по оленеводству нет, а так же не было учета поголовья. Цифры поголовья, которые имелись в Комитете Севера, Дальинтегралсоюза и Оленеводтреста были разные, также отличались цифры Наркомзема. В условиях районов Крайнего Севера собрание

статистических материалов представляло большие трудности, а поэтому я начал свою работу с сбора статистических данных поголовья и других материалов. Вес 1932 год прошел в сборе указанных материалов.

В 1933 году я приступил к писанию книги по оленеводству, часть этой книги была написана в 1932 году, в 1933 г. издана. Кроме того мне пришлось заниматься преподавательской деятельностью, подготавливать зоотехников-олeneводо-в, которые в крае отсутствовали. Вместе с этим я вел текущую работу т.е. писал методические программы по проведению оленьей кампании, выращиванию молодняка, случайной кампании и проч.

Надо указать, что мной и Крайзу договор был заключен на два года. Ввиду того, что мой договор кончался в конце 1933 г, замначальника Крайзу Виноградовым мне было предложено продолжить работу еще на один год. Это предложение мною было принято и я остался служить в Крайзу еще один год.

В 1934 году надо считать, что впервые образовалось Управление Севера, начальником которого был назначен Иван Максимович Лесков, кроме того, была образована Госинспекция Охоты под руководством охотоведа Василия Николаевича Коршунова. С этого года же времени начал работать, ныне работающий в аппарате

Крайзу, второй оленевод Василий Александрович Петров, который произвел весной обследование оленеводства Верхне-Бурсанского района и оленеводческого совхоза в Виахту (о.Сахалин) а, кроме того, производил работы в аппарате, совместно со мной.

В 1935 году совместно с агрономом Борилко (Селемжинского интеграла) мною было произведено зоотехническое обследование таежной расы оленя для чего мы выехали с ним в стадо оленей, принадлежащее колхозу им. Колесова. Кроме нас в стаде было два пастуха-тунгуса колхозника. Начальник Управления Севера Иван Максимович Лесков и зоотехник оленевод Петров выехали в Нижне Амурскую землеустроительную экспедицию.

Надо отметить, что работа мною была закончена осенью и материалы ее в обработанном виде представлены в Ленинградский Институт Оленеводства. Что же касается экспедиции, то там дело обстояло неблагоприятно. Экспедиция составила неудовлетворительные карты и низкого качества отчетный материал, затянула сроки выполнения. Основной причиной являлось, что заводилом землеустройства Кравцов при формировании экспедиции набрал низкокачественных специалистов, причем, не полным штатом. Организация самой экспедиции была плохой, ре-

зультатом чего землеустройство оленеводческих колхозов не было закончено полностью и вообще материал требовал значительной доработки.

Надо отметить, что в обследованных районах (Тугуро-Чумиканском, Кербинском и Нижнеамурском) оленеводство играет исключительное значение в связи с золотодобычей, а кроме того, требует планирования летними и зимними пастбищами, которые в результате лесных пожаров сильно сократились.

В 1935 году окончился срок моего дополнительного годичного договора. Крайзу предложило мне заключить новый, на что я согласился и заключил новый договор, который мной был подписан с временно исполняющим должность замначкрайзу Рьючкиным.

Необходимо охарактеризовать оленеводство в системе Крайзу. Эта специальная область работы не соприкасалась с другими отраслями благодаря своей специфике и стояла особняком, кроме того не пользовалась вниманием вообще со стороны администрации Крайзу. В июне 1936 года совместно со специалистом по охотоведению Коршуновым я был командирован в Селемджинский район, для проведения курсов бригадиров-олeneводов. До окончания курсов мне было предложено замначкрайзу Петровым курсы свернуть и немедленно выехать в Хабаровск, что мною и было

сделано. По прибытии в Хабаровск я узнал, что созывается съезд бригадиров, пастухов и зоотехников оленеводов. Замначкрайзу Петров предложил мне составить доклад о состоянии и о мероприятиях в области оленеводства. Такой доклад был составлен, но Петров не согласился с ним, решил составить свой, в результате он доклад не составил и на съезде доклад, как таковой отсутствовал.

Надо отметить, что со времени 1928 года т.е. отъезда в Туруханский край я ни какими политическими вопросами не интересовался, жил-был особняком, посвящая все досуги роману, который я писал. Писание романа «Городок» в свое время одобрил А.М. Горький, написавший мне сочувственное письмо. Доказательством того также служит то, что я не принимал никакого участия в работе журнала «На рубеже» и дальневосточного отделения союза советских писателей. Кроме того я подготовлял к печати большую работу «Оленеводство в ДВК» и научный труд «Оленные тунгусы», где рассматривались вопросы миграций тунгусов на материке Евразии.

Съезд оленеводов, указанный выше, прошел вяло. Петров, руководивший съездом обострил отношения с некоторыми делегатами. Обострились и отношения лично у меня с Петровым (замначкрайзу) который считал себя авторитетом не только в области

животноводства, но и оленеводства. Отношения эти настолько обострились, что я подал рапорт о досрочном расторжении договора. Мой уход из Крайзу приостановило то, что Управление Севера было закреплено за Темкиным — первым замначкрайзу.

Первый намек на существование вредительской организации мне сделал главный агроном Крайзу Фесек, который в тот период работал в Выставочном Комитете по подготовке к сельскохозяйственной выставке. Намек был облечен в туманную форму и я его принял скорее за шутку и никак не реагировал на него. С Фесеким имели дело по выставочной работе все отделы Крайзу (в том числе и Управление Севера от Дальинтегралсоюза). Вскоре я был командирован во Владивосток для приема и отчетности по колхозному оленеводству. С этого момента в ведение Крайзу переходили северные оленеводческие колхозы. Управление Севера приобретало управление над колхозным оленеводством.

По возвращении моем в Хабаровск — Крайзу Фесек снова по служебным делам зашел ко мне. На этот раз он интересовался вопросами оленеводства и снова намекнул на существование, вернее (он говорил) возможности вредительской организации. Поведение Фесека мне показалось весьма подозрительным и даже, более того, провокационным.

Я постарался разговор об- ратить в шутку и указал ему, что та отраслевая работа по оленеводству, которая ведется в Крайзу не представляет поля деятельности, так как оперирует или в области канцелярии или научных изысканий поряд- ка завтрашнего дня.

Прием колхозного сектора был осуществлен от Дальинтегралсоюза между замначкрайзу Петровым и Председателем Правления Кириченко. В результате этого приема я заметил, что дальинтегралсоюзские кадры были распылены и Крайзу не получило ни одного специалиста, сотрудника ни в Крае, ни в районах Крайнего Севера, где нужна в кадрах особенно велика. Об этом я доложил непосредственному своему начальству — Темкину.

11.X.38. подпись

Договор мой с Крайзу кон- чался 1 июля 1937 года. Мой второй разговор с Фесеким был, кажется, в феврале месяце 1937 года. В дальнейшем он разгово- ров со мной не вел и кроме того находился в другом здании — в Крайисполкоме, где велась под- готовка к сельскохозяйственной выставке в Москве. Нако- нец, последний, третий разговор состоялся в марте месяце. Фе- сек говорил обиняками. На этот раз я решительно высказался, что вообще не понимаю этих разговоров, что подобные раз- говоры, если они говорятя в

шутку даже глупы. Ввиду того, что в комнате кроме меня сидели еще служащие, Фесек ретировался. О последнем разговоре с Фесеком я сообщил секретарю парткома Беломестнову (или Захарову) (не помню кто из них), но он махнул рукой.

Больше мне никто ничего не предлагал и не говорил. К тому же в апреле месяце я подал заявление о моем освобождении до срока договора т.к. имел неиспользованный отпуск за два года, что составляло четыре месяца. Я получил на это согласие Темкина, который перевел в аппарат агронома Сажина, ныне работающего там. Мой уход задерживался не приездом из экспедиции оленевода В.А. Петрова, который меня должен был заменить. Ему было послано с вызовом несколько телеграмм. В это же время начальником Управления Севера был назначен Зиновий Викторович Миркотан. От работы по оленеводству я был освобожден и в основном вместе с оленеводом Сахно, временно работавшим в Крайзу, выбывший в мае месяце занимался составлением статистики оленеводства, инструкцией по распределению доходов в оленеводческих колхозах и подборкой материалов к пятилетнему плану развития оленеводства. Все это могут подтвердить указанные выше лица и документы этого времени. Позднее приехал оленевод В.А. Петров. В мае я вторично подал начальнику Крайзу заявление о моем увольнении, мне

было предложено заключить договор еще на один год. Я заявил, что до-тех пор пока мне не будет предоставлен отпуск договора я не заключаю. Бывший тогда начальник Крайзу Василевич ответа мне не дал и вскоре был арестован. Новый начальник Крайзу Назаренко, когда я обратился к нему с таким же заявлением, долгое время (несколько дней) не давал мне ответа. Затем согласился на отпуск. Но когда начальник Управления Севера Миркотан пошел к нему с приказом о моем отпуске, его не подписал, а предложил продолжать работу до возвращения Миркотана, который уехал в Николаевск. Дело тянулось примерно до 15 июля, когда я неожиданно получил приказ о моем увольнении ввиду несоответствия к исполнению обязанностей старшего специалиста по оленеводству и за проявленную бездеятельность. Я не мог согласиться с подобной мотивировкой и обратился в Крайком Союза с-х рабочих и служащих, который приказ признал не соответствующим действительности и предложил дело передать мне в Нарсуд. Нарсуд мое дело рассмотрел, приказ признал подлежащем отмене, а Крайзу предложил выплатить суммы причитающиеся по договору, восстановления в должности я не требовал. На суде присутствовал представитель администрации, который не привел ни одного факта в защиту приказа и иллюстрации моей непригодности и бездеятельности.

Деньги мне Крайзу были выплачены немедленно. Решение суда, а равно другие документы, относящиеся к этому делу, находятся в числе бумаг, изъятых у меня при обыске.

Надо сказать, что еще в июне месяце 1938 г. мною был заключен договор с Начальником Амурской экспедиции Наркомзема СССР — Клейманом на производство работ по оленеводству. Мой договор с Клейманом был одной из причин, заставивших меня просить о скорейшем увольнении из Крайзу, так как я не позднее 1 июля должен был выехать в экспедицию. Ввиду того, что дело с Крайзу затянулось и мне пришлось ждать решения суда, я в экспедицию выехал только 1 августа 1938 г. Договор подлинный находится в бумагах, изъятых у меня при обыске. Участники отряда экспедиции: охотовед Коршунов и геоботаник Иванова Анна Тимофеевна ждали меня по пути — в Стойбе. В дальнейшем маршрут мы совершали вместе и 10 сентября прибыли на базу экспедиции в Усть Пиман. В Усть Пимане в это время Клеймана и работников экспедиции не было (т.к. они еще не возвратились из маршрутов) не было и самого Клеймана и делами ведала его жена, которая была в экспедиции статистиком. Дождавшись Клеймана мы выехали в Хабаровск, а Клейман вместе с нами в Чекупту. Камеральными работами я занимался уже в Хабаровске. Был написан отчет, но

ввиду того, что экспедиция до последнего времени не имела геоботанической карты, работу я переслал Клейману в срок указанный в договоре. Росписки и др. документы, а также копия (черновик) отчета находятся в делах изъятых у меня при обыске. Отчет апробирован Институтом Оленеводства в Ленинграде и признан хорошим. Экспедиция продолжает работать в Верхне-Бурсинском районе и работу она еще не закончила.

В марте 1938 года я поступил на работу в редакцию газеты «Пограничный Водник», где писал фельетоны. Заканчивая настоящее показание резюмирую следующее: я не отрицаю и признаю свою принадлежность к сибирскому областничеству. Областнические тенденции мной окончательно изжиты в 1924 году и с тех пор я к ним не возвращался. Признаю также, что в некоторых моих работах и имеются эти взгляды, о чем я уже подробно и писал ранее.

К вредительской контрреволюционной организации в Крайзу я касательства не имел и узнал о ней только из газет. Вышеназванный Фесек в числе нескольких лиц был снят с работы до моего увольнения из Крайзу. Если меня кто называет членом таковой, то лжет т.к. я ни с кем разговоров не вел и никаких вредительских актов не осуществлял и не мог их осуществлять.

В заключение скажу несколько слов о литературной

деятельности В местных газетах и журнале «На рубеже» я не принимал участия т.к. был занят писанием романа. В Союзе советских писателей участвовал в 1937 году на конференции и, кажется, двух-трех собраниях.

Мне кажется, что в области оленеводства я принес пользу, которую никто не может отрицать т.к. это неопровержимый факт. Укажу, мной в Дальневосточном институте сельского хозяйства подготовлено 8 оленеводов, которые в настоящее время работают, как-то В.А.Петров (Крайзу), Савицкий (Аянский опорный пункт), Громов, Джмайло Мохур (на Камчатке и Чукотке), Бессонова (Камчатская экспедиция), Гречнев и Калтуков — в ГУСМП. Кроме того мною в Селемджинском районе проведены курсы бригадиров-олeneводо-в и выпущено с курсов до 15 человек. Как я указывал отношения, как оленевод я не имел ни к совхозам, ни к колхозам, которые до 1937 года входили в систему Дальинтегралсоюза. В моих трудах нет ни каких неверных установок в этом можно убедиться из отзывов и самих трудов. Моими стараниями старый Аянский опор-

ный пункт, где с 1934 года ведется научная работа. Верно, за отсутствием специальных кредитов в Крайзу я за все время службы не был командирован в районы Крайнего Севера, где не был. Кроме того я не мог ехать и потому, что был в аппарате единственным специалистом по оленеводству. С 1928 года я прекратил литературную деятельность. За это время мною написан роман «Городок», который А.М.-Горький признал хорошим. Его письма имеются в изъятых у меня бумагах*.

* В деле их нет. Где находятся сегодня письма М. Горького к Плотникову, сказать пока трудно. Из множества пачек бумаг, история сохранила, как ехидно заметил член редколлегии журнала С. Туров, только «пальчики». — (Прим. издателя).

Если мне будут указаны лица, сообщившие обо мне и моей мнимой вредительской работе я могу их изобличить во лжи т.к. я лишен был возможности принести какой либо материальный ущерб в области оленеводства, это понятно каждому оленеводу и это легко выяснить экспертизой.

Я знаю, что многие работники Крайзу арестованы, но это не значит, что я входил с ними в организацию. Вредительство в других для меня областях было не доступно т.к. ни с одной областью с-х оленеводство не смыкалось.

Наконец, как я указал, областнические тенденции у меня исчезли в 1927 году т.к. это течение считал отжившим окончательно при Советской Власти.

Те намеки, которые мне делал Фесек в очень туманной форме я не считал серьезными и так это он разговору придавал шуточный характер очень неопределенного свойства.

В аппарате Крайзу, что было м.б. заметно, то некоторый фоваритизм у начальства, причем лично я начальством (Чеманов, Петров, Темкин) не жаловался, право доклада не имел. Особенно плохие отношения у меня были с Петровым (замначальником). О товарищах я уже писал в одном из моих показаний, и в то время я не считал их вредителями. Дружбы с служащими в Крайзу я не имел. На дому у меня бывали только В.А. Петров (оле-

невод) и Коршунов (охотовед). Собственно говоря крайзовцы мне были людьми далекими так как я работал в литературе, этнографии, фольклоре и оленеводстве, областях для них чужих. Занимался я в Крайзу только днем, вечерних занятий не посещал, чем вызывал неудовольствие начальства ближайшего (Миркотана). Все мои печатные работы по оленеводству не отражают никаких вредительских теорий. Например, моя большая работа «Оленеводство» (рукопись находится в изъятых у меня бумагах) получила три рецензии благополучного характера и с успехом может быть напечатана сейчас. Книга «Северное и пантовое оленеводство» так же не имеет вредительских теорий и служит пособием молодым оленеводам.

* * *

Припоминаю разговор с Фесиком. Он происходил в конце 1936 года в кабинете Фесека, который вызвал меня со списком экспонатов по оленеводству для Всесоюзной с-х выставки. Первая часть разговора была посвящена вопросу экспонатов, причем Фесек упрекал меня, что я не принимаю мер к скорейшей их доставке. Я ему объяснил, что экспонаты я не де лаю сам, что их изготавливают в районах Крайнего Севера (вопрос шел о Чукотке) и можно их вывезти только на самолете. После этого Фесек начал критиковать книгу «Плодоводство» Лукашева. Назвал ее безграмотной

и заметил, что вредительская работа здесь возможна, ввиду безграмотности авторитетов в области с-х. Затем шутя заметил, что, если бы он нашел такую организацию, то вступил в нее сам и пригласил меня. Я на это ничего не ответил, так как этот выпад считал шуткой. В свою очередь Фесек прекратил направление этого разговора и перешел к общим темам.

Фесек (имя отчество не помню) служил Главным агрономом Крайзу, известно было, что эта должность была выдумана специально для него, а он сам приехал из Москвы, где работал в Наркомземе и был посредственным специалистом. Фесек был в большом почете у начальства (имею в виду начальника Крайзу и его заместителей). В последствии при первой чистке Крайзу он был уволен за непригодностью.

Второй раз Фесек зашел ко мне в комнату где я занимался, и о

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

В дополнение к моему показанию от 5 октября 1938 года в отношении причастности к сибирскому областничеству показываю, что я уже в 1922 году, т.е. к моменту пребывания моего в Чите, я не был областником. Надо отметить, что мое отрицание было все же непол-

ным. Ни к какой политической партии я не премыкал т.к. партию социалистов-революционеров я считал окончательно обанкротившейся, провалившей все надежды, которые на нее возлагались; социал-демократов (меньшевиков) никто серьезно в расчет не принимал, причем, в Чите меньшевики были, пожалуй, представительнее т.к. в числе их был энергичный К.Я. Лукс, который короткое время возглавлял Министерство по национальным делам, а затем Комитет помощи голодающим Поволжья. Существование ДВР было непродолжительным и поздней осенью 1922 года произошло воссоединение с СССР. Большая часть деятелей ДВР отошла в степь и на их место появились новые люди.

Надо отметить, что к 1922 году К.Я. Лукс, до этого партизанивший, начал отходить от меньшевиков. Забайкалье имеет свои традиции, между прочим, забайкальцы сгруппировались около ветерана- А.К. Кузнецова. Здесь были Харченко, Солпуев, В.М. Комогорцев, вскоре сюда примкнул и я. У нас возникла мысль образовать «секцию по изучению и улучшению быта туземцев». Председателем секции был избран А.К. Кузнецов, причем из всех секций музея эта секция была наиболее многочисленной. Секция нередко устраивала доклады. Среди этих людей я не был местным т.е. забайкальцем, но за-

байкальский колорит мне нравился. Литературной деятельностью я не занимался так как занят был работами по забайкальским тунгусам и сбором экспонатов для первой с-х вставки, за которыми мне пришлось совершить небольшое таежное путешествие. Надо отметить, что у забайкальцев и теленгитов было у кого отрицательное у кого ироническое отношение к Советской Власти с значительной долей местного патриотизма. Секция и музей выпустили не плохую краеведческую книгу «Изучайте край». Между прочим я должен сказать, что по своему темпераменту, склонностям я представляю экземпляр кабинетного человека, к агитационной деятельности я не годен к тому же не обладаю красноречием. В этот период я примкнул к музейной группе потому, что она была ближе и отзывала неким забайкальским областничеством. Это было как раз то недоразумение (или вернее упорство) о котором я говорил в начале показания. Теперь о контрреволюционной деятельности. Я должен сказать, что она была в Забайкалье абсолютно невозможна и по следующим причинам: Забайкалье избавилось от Семеновщины, Забайкалье было глубоко захвачено партизанским движением и авторитет Советской Власти, как среди казаков, так горожан и крестьян стоял высоко и незыблемо. Дальбюро РКП(б) была самой мощной организацией, остатки есеров и меньшевиков поспеши-

ли смотаться за границу. В этой обстановке всякая противосоветская деятельность была невозможна и обречена была на неудачу. Если говорить лично о себе, то я для Забайкалья был чужой человек, кроме того, не было причины для какой-то проповеди не говоря о действии.

В 1924 году из Читы в Хабаровск перебрался Дальревком, я не поехал и остался в Чите в качестве секретаря журнала «Забайкальская кооперация» и члена редколлегии журнала «Забайкальский Таежник», издаваемого Охотсоюзом. Последний журнал был охотничим, но уделял внимание вопросам Забайкалья, в основном около него сгруппировалась группа А.К. Кузнецова. Что же касается журнала «Забайкальская кооперация», то это был типичный кооперативный журнал. Я забыл написать, что, работая в Министерстве по национальным делам я столкнулся с Резниковым (товарищем министра) большевиком, который оказал на меня значительное влияние и даже предлагал рекомендации для вступления в большевистскую партию. Я от Резникова получил первые сведения о марксизме. Возвратимся к журналу. «Забайкальский Таежник» ориентировался на городского охотника, воспитывая местные инстинкты и забайкальский квасной патриотизм. Я на этот момент указываю, как на попытку этой группы иметь влияние среди горожан. Лично меня Чита

не удовлетворяла и я подумывал возвратиться в Сибирь. Надо отметить, что еще в 1922 году у меня установилась переписка с редакцией «Сибирские огни», кроме того меня приглашала на работу редакция «Советская Сибирь» и наконец хотелось встретиться с некоторыми старыми знакомыми и литераторами с которыми я не виделся с 1921 года. О своих встречах, разговорах, также политических и литературных группировках расскажу дальше. Одним словом, редактор «Сов. Сибирь» выслал деньги и я оказался в Новосибирске.

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

Агроном Ломас, как я писал в предыдущем показании, в аппарате Крайзу появился в 1936 году, откуда не знаю. Занимал он должность помощника начальника Крайзу и в его обязанность входила проработка всех вопросов перед тем, как они шли на подпись начальнику Крайзу. Должность эта была новая, а функции ее были крайне расплывчатые. Позднее эта должность была упразднена и Ломос перешел в Зерновое Управление. Во время пребывания Ломоса в должности помначальника Крайзу мне обращаться приходилось к нему так как вопросами оленеводства занимался Темкин (замначальника Крайзу), который с начкрайзу сносился непосредственно. По-

зднее, когда Ломос был в зерновом отделении каких либо точек соприкосновения у меня с ним не могло быть так как он ведал зерновыми культурами (соей). Кроме того к нам в управление Севера был из этого отдела перекинут работник агроном Сажин, ныне работающий в Крайзу по вопросам северного растениеводства. С Ломосом Сажин был в приятельских отношениях. Как только начались аресты Ломос ушел из Крайзу и, к удивлению многих, получил увольнение, хотя в этот период никого из Крайзу не увольняли. В июле Ломос, нигде не служивший в то время, был приглашен Клейманом — (Начальником землеустроительной экспедиции) на должность агронома организатора территории. Возможно, Ломоса пригласил начальник отдела землеустройства Крайзу Кравцов и инженер по североустройству Зыков, лица, дающие санкцию на прием специалистов в экспедиции. Вообще от Ломоса я не получал никаких заданий и не вел с ним никаких разговоров, так как Фесек рекомендовал мне обращаться только исключительно к нему, что касательно Сергея Павловича Курдыбанского, заместителя начальника планового отдела, то знаю, что он до Крайзу работал в Крайколхозсоюзе, затем перешел на работу в Крайзу вместе с Седавных. Плановый отдел находился в хаотическом состоянии в чем было не трудно убедиться мне

при получении тех или иных справок по линии кредитования оленеводства. Слышал я жалобы на этот отдел со стороны других работников. До того времени, когда финансирование оленеводства Наркомземом шло по линии Дальинтегралсоюза, планово-финансовый отдел какого либо влияния оказывать не мог, когда-же в 1937 году кредитование пошло по линии Крайзу, то планово-финансовый отдел (Курдыбанский) не включил в смету Аянский опорный пункт. Вопросами кредитования по Северу занимался Миркотан (начальник управления Севера) и настоял о включении в смету, но Курдыбанский все же срезал смету на 20 тыс. рублей, благодаря чему объем работ пункта снизился. Надо отметить, что мое положение с назначением Начальником Управления Севера Миркотана было таково, а именно: мне было предложено разработать инструкцию по колхозному оленеводству, изучить проблему молочного оленеводства, составить описание рас северных оленей ДВК, таким образом я был малополезен и основная работа сосредотачивалась у Миркотана и агронома Сажина, с которыми и имел дело Курдыбанский. В начале 1937 г. при составлении плана оленеводства на 1937 г. Курдыбанский рекомендовал мне занизить деловой выход телят, но план, за отсутствием нормативов Наркомзема, не составлялся и был уже составлен после его увольнения из

Крайзу оленеводом В.А.Петровым. В каком виде он составлен я не знаю. Состоял ли в организации агроном Сажин я не знаю. Ранее Сажин работал вместе т.е. в одном отделе с Ломосом, а до этого времени был старшим агрономом Нижнеамурского ОблЗу и вообще считался знатоком Севера. Надо отметить, что Сажин, часто встречался с Фесеком, как он говорил по делам Всесоюзной сельско-хозяйственной выставки и даже ездил по колхозам Амурской области на предмет отборки лучших колхозов. Кроме того Сажин является членом Крайкома Союза рабочих и служащих сельского хозяйства. Вообще Сажин человек скрытный, происходит из национальной комы, образование получил ДВ — во Владивостоке. Припоминаю из разговоров, которые происходили между Миркотаном и Сажинным, последний стоял за более низкие размеры посевной площади по районам Крайнего Севера. Эту же точку зрения поддерживал Курдыбанский, присутствовавший при обсуждении этого вопроса. Утвердительно не могу сказать, мне кажется, что Сажин состоял в организации, это подтверждает его близость с Ломосом. О Миркотане ничего определенного сказать не могу. Знаю о нем, что он долгое время работал в Колхозном Корпусе ОКДВА, затем, при расформировании Корпуса был откомандирован в числе многих специалистов в систему Наркомзема Край-

зу и назначен начальником Управления Севера Крайзу. Был членом партийного комитета, в последнее время, уже когда я ушел, секретарем. Последнее время находился в Биробиджане на постоянной работе.

Точно мне известны как члены организации: Фесек, Ломос и Курдыбанский других я определенно не знаю, но подозреваю, что агроном Сажин тоже входил в таковую.

Такие же подозрения вызывает бывший управделами Ререн, который был близок к администрации. В прошлом Ререн, кажется, бывший Хабаровский домовладелец, крупный чиновник царского времени, служил в Переселенческом Управлении.

Я уже показывал, что отдел Севера имел соприкосновение с отделом Землеустройства, который ведал также североустройством народов Севера. Надо отметить, что последняя Нижне-амурская экспедиция, возглавляемая Иваном Максимовичем Лесковым, была судима Народным судом за плохое качество работы, как картографического так и писательского материала. О картографическом материале судить я не берусь, но описательный материал геоботанического характера представляет сплошной брак, на основе которого нельзя учесть оленеёмкость землеустриваемых районов, причем, геоботаническим обследованием охвачены были не все районы, в том

числе не был обследован важный в оленеводческом отношении Тугуро Чумиканский район, ввиду чего вся работа является напрасной тратой денег. Начальник отдела Землеустройства Кравцов эту бракованную работу принял. О плохой работе Ветотдела в области оленеводства я уже писал и повторяться не буду.

С другими отделами Крайзу непосредственной связи оленеводство не имело.

Вступление мое в организацию практического значения не имело, так как проработка указанных проблем не могла быть использована в вредительских целях: это прекрасно понимал Фесек, к тому же надо учесть и мое настроение. Договор мой кончился и я старался поскорее передать все дела оленеводу В.А. Петрову, который заменил меня.

Тоже самое можно сказать о моей работе в Амурской экспедиции, куда я был приглашен Клейманом еще в апреле месяце. Отчет об обследовании оленеводства до настоящего времени находится в рукописи в портфеле Клеймана. Ввиду того, что экспедиция затянулась, до самого последнего времени была не готова геоботаническая карта, поэтому отчет утратил бы свое значение т.к. цифровой материал о поголовье за время 1937 года по 1938 год изменился и требуется коренная переработка всего материала.

Наш отряд в составе трех специалистов работал отдельно,

по самостоятельному маршруту. На базе экспедиции мы пробыли несколько дней, где присутствовала только жена Клеймана, статистка экспедиции. Из обзора материалов выяснилось неудовлетворительное состояние работы экспедиции. Тер. Главный агроном был подчинен только нач. ... Крайзу. Из членов организации Фесек мне указал на Ломоса агронома зернового управления, в настоящее время работающего в Амурской экспедиции. Одно время агроном Ломос был помощником начальника Крайзу, тоже должность выдуманная и потом упраздненная. Затем Сергея Павловича Курдыбанского — заместителя начальника планового отдела Крайзу. С Ломосом деловых точек соприкосновения у меня не было, так как вопросы полеводства в мою компетенцию не входили. Несколько ближе был плановый отдел, Курдыбанского, ведавший планированием всего сельского хозяйства, в том числе и оленеводства в крае.

14.X.38. подпись

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

В дополнение к моему собственноручному показанию продолжаю характеристику Казанского, могу сообщить, что в дальнейшем Казанский перешел к литературной работе и принял участие в «Сибирских огнях».

Антон Семенович Сорокин, ныне умерший, являлся сыном омского купца. В литературе он стоял особняком, придерживался футуристического направления. По своим убеждениям он мог считаться человеком беспартийным и не примыкал ни к какой партии. К сибирскому литературному движению он относился положительно, но насколько мне помниться он мало печатался в «Сибирских огнях».

Из поэтов в «Сибирских огнях» помню Ивана Ерошина. Лично я его знаю очень плохо, но он был близок к Зазубрину. Иван Ерошин был поэтом есенинского толка, писал такие же заунывные стихи, но с сибирским колоритом, более колоритным, отражавшим лирику о старой Сибири был Скуратов, которого я лично совершенно не знал, а также Пиотровский, о котором я знаю, что он где-то учительствовал.

К числу поэтов «Сибирских огней» относится так же Вивин Итин. С Итиным я познакомился в Новосибирске, он отрицательно относился к сибирскому колориту, сибирской стилизованной старине и писал неудобочитаемые стихи. Следует упомянуть также о Вл. Байтове, который принимал участие в качестве постоянного сотрудника кооперативного журнала. Он также состоял членом Союза Сибирский писателей.

Маленький, Фетисов Александр, в настоящее время рабо-

тающий в газете «Тихоокеанская звезда» представляли специальное корреспондентское бюро «Советской Сибири» в Красноярске. Они также примыкали к Сибирскому союз писателей, хотя не состояли членами такового. Я не помню что они писали, но во всяком случае придерживались сибирской ориентации.

Союз Сибирских писателей объединял и других литераторов, которых я не помню так как прием в члены проводился правлением. В середине 1926 года я перешел на работу в газету «Сибирский гудок», ввиду конфликта с заместителем редактора Ховесом, причиной которого является вопрос о представлении мне квартиры в доме принадлежащем

Работа моя в «Сибирском гудке» послужила в некотором роде отрывом от основной группы сибирского союза писателей, а осенью этого же года я уехал в Ачинск на работу в «Ачинскую правду» и почти оторвался от Новосибирска, к тому же в этот период редакция газеты «Советская Сибирь»

была обновлена новыми сотрудниками, а часть старых сотрудников выехала из города. В это время я дописывал мою поэму «Янгаль-Маа» и был поглощен этой работой. В Ачинске я работал не долго, также недолго работал в Томске, Щегловске (газета «Кузбасс») и Тюмени* (газета «Красное знамя»). В 1928 году Наркомзем поднял вопрос об оленеводстве и все специалисты-олeneводы, а их в то время было очень мало (проф. Грюнер, проф. Керцелли) обязывались работать по специальности. Надо сказать, что я к тому времени потерял всякий интерес к созданию сибирской литературы, к тому же в этот же период Сибирский союз был ликвидирован и была создана Всесоюзная Ассоциация Пролетарских писателей.

По путевке Наркомзема я был командирован в город Красноярск в распоряжение Сибгосторга для организации оленных питомников в его системе. Приехав в Красноярск я начал работать в Сибгосторге, но Туруханский Союз Интег-

* Просмотр тюменских газет того времени ничего не дал. Фамилия *М. Плотников* не встречается. Правда, в «Красном знамени» (№№204–208) помещен рассказ «Побег» (без имени автора) с подзаголовком: Из романа «Большевики». Опубликованы примерно в это же время рассказы Д. Стонова «Шофер Тузов» и Ертарского «Вор». Среди псевдонимов М. Плотникова вышеназванные фамилии не встречаются. Но это ничего не значит. Вспомним хотя бы псевдоним М. Сибиряков, встречавшийся примерно в это же время в тобольской газете «Советский Север». — См. подробнее: **В. Белобородов**. Загадка псевдонима//Лукич. 2000. №2. С. 8–10. — Кстати, в показанных дела о расстреле роман «Клад Кучума» по какой-то причине также не упоминается, хотя Юрий Плотников, сын писателя, настаивает, что это произведение принадлежит перу Михаила Павловича. — (Прим. издателя).

ральной кооперации снесся с Наркомземом и, я не возражая, против этого перехода перешел на работу в Турухансоюз, заключив с последним трудовой договор сроком на два года. По зимнему пути я отправился на лошадях в Туруханский край.

1929 и 1930 и 1931 годы я провел в Туруханском крае, где мною был организован Тазовский зоотехнический пункт <...>ковской лесотундре. Я всецело занялся опытами по северному оленеводству. Для опытов я располагал небольшим опытным стадом в 100 голов. Пункт находился вдали от всяких жилищ и не имел почтовой связи. Кроме оленеводства я ничем не занимался, ни с кем не переписывался, за исключением Турухансоюза, который в это время из Красноярска переехал в село Монастырское (Новый Туруханск).

В середине 1931 года выяснилось, что Турухансоюз ликвидируется, вместе с ним должен ликвидироваться и зоотехнический пункт. Я из Новотуруханска протелеграфировал предложение услуг в Москву — АКО, Хабаровск — Крайзу и Якутск — Наркомзем ЯАССР. На свои телеграммы я от всех трех организаций получил положительные ответы с приглашением, а Крайзу — Хабаровск — перевело деньги. Последним парходом я покинул Туруханский Край.

8.X.1938. подпись

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

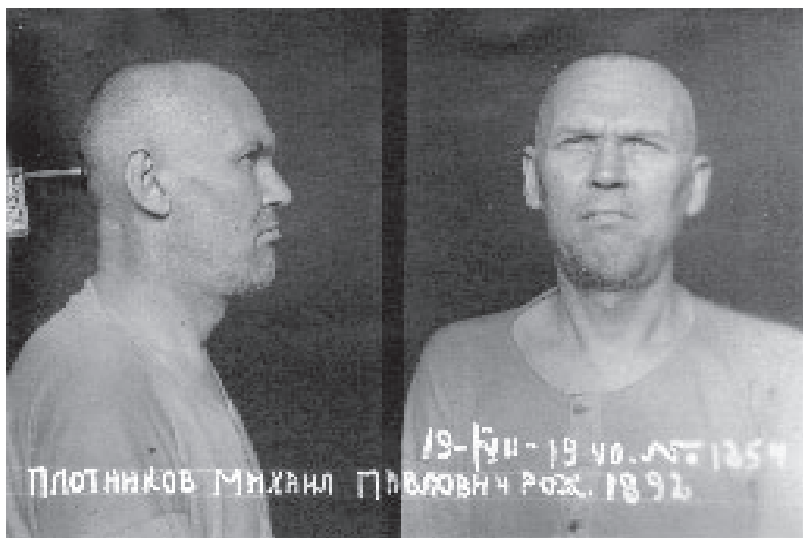
На предъявленное мне обвинение в контрреволюционной деятельности могу ответить, что в контрреволюционных организациях не состоял никогда и ни чем не вредил Советской Власти. Чувствую себя виновным, что в период Автономного Сибирского правительства сочувствовал этой власти и был сторонником, но отрицательно относился к власти Директории и Колчаковской. Контрреволюционной деятельностью за весь период существования Соввласти до настоящего дня не занимался. Настоящее собственноручное показание даю без всякого запирательства. В моем показании от 5 октября изложены мои политические и литературные настроения. Больше писать не знаю чего.

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

По приезде в Новосибирск, по приглашению редактора газеты «Советская Сибирь» Турмакина я был назначен заведывающим отделом местной жизни. В составе редакции я встретил строго знакомого сибирского поэта Георгия Вяткина, который при правительстве Автономной Сибири был редактором официоза «Сибирский Вестник», кроме того

встретил б. присяжного поверенного Григория Жерनावкова, поэта Кондратия Тупикова, омского поэта Антона Сорокина и начинавшего тогда литературную карьеру, сейчас известного писателя Всеволода Иванова. В скором времени я познакомился с редакцией «Сибирских огней», которую знал до этого времени по именам, а именно: Михаила Михайловича Басова, Владимира Зазубрина и Вивиана Итина. Из разговоров с ними я установил (исключая М. Басова, Зазубрина и Итина) что они все сделались попутчиками и продолжают в печати, когда представится возможность проводить взгляды, как выразился однажды Вяткин, «советского областничества». Все они были людьми различных да-

рований и темпераментов и под «советским областничеством» понимали, что Советская Власть в Сибири укрепилась прочно и надолго и является властью, нашедшей признание широких масс. Лицо интеллигенции изменилось и интеллигенция сегодняшнего дня в Сибири стала совершенно другой т.к. старая сибирская интеллигенция растворилась в массе наезжей и является численно незначительной, а поэтому главное внимание нужно обратить на создание сибирской литературы, сохранения кадров сибирских литераторов, газетных работников. С этим я был согласен. Григорий Жерनावков высказал взгляды, что на данном этапе этим возможно как он выразился сохранить «сибирскую тради-

Фото из дела о расстреле. Единственная известная на сегодня фотография.

цию в массах». Лучшим средством для этого, по мнению Гр. Жерновкова, было создание Союза Сибирских писателей, об этом же говорил и Вяткин, причем, указывал мне что и Басов и Зазубрин не возражают против создания союза.

Я приступил к работе в редакции, но местный отдел ограничивал мои возможности проводить «сибирскую традицию», т.к. сам характер отдела этой идее <...>. Надо отметить, что в этот период на местах: Барнауле, Томске, Красноярске были собственные корреспонденты, которые (я не знаю все ли) но двоих знаю. А. Фетисов и Маленький придерживались этой ориентации. Кроме «Советской Сибири» здесь же в одном здании издавалась сельско-хозяйственная газета, которую возглавлял Александр Павлович Оленич-Гнеенко, который в прошлом был областником социалистического направления, но в период гражданской войны и после нее вступил в партию. За этот период им были помещены статьи, в которых культивировался сибирский национализм. К этому времени т.е. к маю 1936 года Вс. Иванова в Сибири не было, он уехал в центр и с тех пор я его не видел. Остановлюсь на своей роли. В областничество я уже не верил, как в 1918 году, но идею создания литературы сибирской считал правильной и целесообразной и в этом отношении начал нажимать на Вл. Зазубрина с организацией союза пи-

сателей. В данном случае мне помогал сотрудник «Сибирских огней» Пушкарев. При организации союза существовало два течения: одно течение за связь с САПП, другое — местное, задачей которого являлось как это сформулировал Г. Вяткин на заседании «сохранить свое лицо и воспитать кадры молодых сибирских писателей». Конечно я присоединился ко второму течению. Руководителем организованного союза сделался Зазубрин, человек с любовью первенствовать, оттеснять других на второй план и брать горлом. К старым сибирякам, в частности к Вяткину и ко мне он относился отрицательно. Конечно, сибирский союз писателей был организацией отражавшей не советские попутчиковские взгляды. Объединяя различных людей по своим мировоззрениям в общем он являлся литературным течением не отражавшим взгляды советского строительства Сибири. Примером такого отражения являются очерки Вл. Зазубрина о партизанском движении где он взял тему о кузнецком партизанском движении а описал так называемую рогов <...>. Тенденционными были мои очерки о партизанском движении, помещенные в газете «Кузбасс», а также большая статья «Как снабжать тундру хлебом», где развивался вопрос о хлебозапасных магазинах и продаже вина в районах. В том направлении действовали многие из «попутчиков». Между прочим Гр. Вяткиным был бро-

шен лозунг о «романтике старой Сибири». В этой романтике преуспевали, главным образом, поэты как то Скуратов, Пиотровский, Николай Титов и еще другие которых я не помню. К этой группе относился также Иван Грошин, создававший алтайскую романтику.

Идейными руководителями сибирского союза писателей были Гр. Вяткин, Жерновков, официальным Зазубрин. Лично я, ввиду работы в «Советской Сибири», уделял внимание только газете и освещению вопросов в духе указанной идеологии, к тому же Зазубрин меня не переваривал и отгеснял, а я со своей стороны старался не вызывать конфликта, который мог влиять на работе.

Георгий Вяткин в нашей среде был во-первых, одним из старших по возрасту, человек с именем, верно потускневшим в эти годы (1924–25). В дореволюционное время он работал в газете «Сибирская жизнь», в которой принимал участие Г.Н. Потанин. Вяткин был близок к Потанину и это ему придавало известный вес. В 1917 (точно не знаю) он был избран Членом Сибирской Областной Думы и принимал активное участие в Томском перевороте при свержении первой Советской власти. Затем он был редактором официоза «Сибирский Вестник» Сибирского Правительства. С приходом Директории он отрицательно отнесся к ней, как и большинство областников, и покинул редакторс-

кий пост и занялся, газетной работой. К Колчаковскому правительству он относился также отрицательно. В момент прихода Советской Власти, Гр. Вяткин был в Иркутске, где на конкуре газеты (Иркутской — название не помню) написал «Советский Гимн», его же перу принадлежит и Сибирский гимн, помещенный в журнале «Сибирские Записки» в одном из номеров за 1918 год.

Григорий Жерновков был до революции либеральным присяжным поверенным, сотрудником газеты «Алтайское Дело», которую издавал Литвинов. Кажется он был также гласным городской думы Новониколаевска. В 1917 году, в февральскую революцию Жерновков пытался организовать партию «сибирских социалистов-федералистов» и выступить с ней при выборах в городскую думу, но образованная партия его успеха на выборах не имела, потерпела поражение, после этого Жерновков занялся разработкой вопросов областничества и написал большую статью по истории областничества, которая была помещена в «Сибирских Записках». После неудачи с организацией партии Жерновков стал областником. В 1918 г. я встретился с ним и мы с ним и с Н.П. Литвиновым обсуждали возможность возобновления газеты «Алтайское Дело», но, как я уже показывал, это издание не состоялось и я уехал в г. Камень.

В дальнейшем я с Жерновковым встретился уже в 1925

году, т.е. в Новониколаевске. Ввиду того, что у Жерनावкова не было литературного имени в Союз он формально не входил, но имел влияние на Вяткина, а поэтому и на дела союза. Жерनावков, не в пример писателям, был лучше подкован политически. Между прочим Гр. Жерनावкову принадлежит идея издания сибирской литературы «Сибкрайиздатом». Но в 1928 году Жерनावков заболел и его деятельность прекратилась, кажется, уехал куда-то лечиться. В этот период он был также членом коллегии защитников.

Более крупными фигурами союза являлись следующие лица, должен сказать, что многие из них, ввиду отсутствия литературного имени не были формально членами союза, но их деятельность безусловно была связана с ним, т.к. они работали в области печати.

Наиболее крупной фигурой был Вл. Пав. Оленич Гнеенко, который был к тому времени членом партии, как я уже отмечал, он был редактором сельскохозяйственной газеты «Сельская Правда». Оленича Гнеенко я знал еще в Омске, он выступал, как поэт, участвовал в 1917 году в газете «Омский День», о которой я писал уже в своем показании. В этот период литературную деятельность он прекратил и как поэт не выступал. К этому лицу я еще вернусь.

Затем еще более крупной фигурой был Вегман, который

тогда именовался в литературных кругах «Сиблуночарский», Вегман являлся членом редколлегии «Сибирские Огни». В «Сибирских огнях» он выступал с критикой областничества, которая не носила характера острой критики, а в остальных своих статьях он работал на создание «сибирской литературы» в том направлении, которое я изложил выше в настоящем своем показании. Вегман был влиятельной фигурой в партийных сферах, куда беспартийные члены сибирского союза доступа не имели. Большинство статей Вегмана о Сибири было напечатано в «Сибирских Огнях». Насколько я понимаю в 1925–26 г. литературные установки исходили от Вегмана, слово которого было решающим для того или иного автора. Мне Вегман давал писание библиографических заметок о той или иной вышедшей книге по вопросам сибиреведения. Между прочим, был такой факт. Вегман дал мне на рецензию книгу «о бурятах», написанную Серебренниковым. Серебренников был министром снабжения Сибирского Правительства, при Директории он остался в составе правительства, за что его крепко ругали остальные руководители, не захотевшие работать с Директорией. Продвижению книги содействовал его приятель Н.Н. Козьмин, который занимал какой-то пост при Колчаке, а до этого времени работал крупным чиновником в царское время. После па-

дения Колчаковщины Козьмин сумел как-то выкрутиться и сделать проф. Иркутского университета. В довершении всего книга была дрянная, устаревшая. Я в рецензии, подписанной Каренко, помещенной в одном из № «Сибирских Огней», крепко изругал книгу. Вегман, не доглядевший (каким-то образом эта ругательная рецензия прошла мимо него) основательно меня изругал, а в следующем номере был помещен ответ Козьмина на мою рецензию, расхваливающий книгу и смазывавший рецензию. Вегман безусловно имел влияние на все издательские дела Сибкрайсоюза и М. Баскова. Я полагаю, что большинство изданий вышло по указке Вегмана, в том числе книга проф. Болтырева. Точно это я не знаю т.к. книга была издана до моего приезда в Новосибирск. В редакцию «Советской Сибири» Вегман приходил редко и здесь его влияния не сказывалось, по крайней мере, в видимой для меня форме. Между прочим и до своего приезда в Новосибирск Вегман и Зазубрин вытеснили из сотрудников журнала писателя Феохтиста Алексеевича Березовского. Тупиков Кондратий мне говорил, что Березовский критиковал журнал и не одобрял линию поведения Зазубрина. В журнале эти моменты нашли свое отражение в виде писем в редакцию Ф. Березовского и ответа редакции.

Секретарем редакции журнала «Сибирские Огни» был Вл.

Зазубрин. Надо прямо сказать, что он не принадлежал к Вяткинской группировке, но при наличии Вегмана это мало влияло, к тому же он, занятый литературными своими делами он помещал произведения своих приятелей, как например роман Каргаполова.

Директором Сибкрайиздата был М.М. Басов. Я слышал от него, что он был в армии прапорщиком, а до этого времени занимался газетной работой. Вообще М. Басов с точки зрения газетной работы был человеком бездарным и являясь членом редколлегии «Сибирских Огней» мало интересовался, что печатается в журнале. Он находился под влиянием Вегмана и побаивался авторитетности Зазубрина. Входил ли в Вегмано-Вяткинскую группировку Басов сказать я затрудняюсь, но во всяком случае поддерживал ее.

Я упомянул известного писателя Всеволода Иванова. Мне о нем известно следующее. Первый раз я встретился с ним в 1916 году, мне его представил Антон Сергеевич Сорокин. Он работал наборщиком в типографии и начал пописывать рассказы. Один из рассказов был мною пристроен в «Сибирские Записки». Большим его приятелем был сибирский поэт Кондратий Худяков (областник). Сам Всеволод Иванов тоже считал себя сибиряком, но усердия не проявлял. Также, сравнительно с Ивановым, я плохо знаю П. Казанско-

го. Знаю, что он томич. В 1905 году начал печатать стихи в революционных листках. Позже после окончания Томского государственного университета он сделался меньшевиком и уехал в Барнаул, где считался видным деятелем.

7.X.1938 г. подпись

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

Литературной деятельностью я начал заниматься в 1914 году в Омске, где существовал кружок, состоящий из Фектиста Березовского, Шавыкиной, Артема, Антона Сорокина и позднее сюда вошел Кондратий Тупилов и поэт Худяков. Настроение этого кружка было разнородное, как в литературном, так и политическом отношении. Фектист Березовский придерживался большевистских (социал-демократических) взглядов, А. Сорокин был монархист, лично я был настроен областнически, как и многие сибирские литераторы того времени. Шавыкина была скучающая барыня, которая занималась литературой из-за любви к искусству. Кружком, вернее на средства Шавыкиной, был выпущен сборник «Жертвам войны», где были помещены мои первые рассказы. За отъездом Шавыкиной к месту новой службы мужа, кружок этот распался. Лично я в кружке играл незаметную как начинающий роль. В политическом отношении я был безграмотен и свято верил

писаниям Потанина, который время от времени помещал свои статьи в газете «Сибирская Жизнь». Омские газеты: одна «Омский Телеграф» была либеральной, прогрессивной, вторая «Омский Вестник» считала себя причастной социалистической ориентации. За время войны (империалистической) всякая литература была убита, и никаких кружков не было. И февральская революция тоже не принесла оживления. Начали выходить разных направлений газеты. В февральскую революцию я ни к какой партии не примыкал и в газетах тоже не работал т.к. оказался не способным писать статьи на политические темы, но в это время ближе связался с редакторами журналов «Сибирские Записки» (Красноярск) и «Сибирский Архив» (Минусинск) в частности завел переписку с редактором журнала «Сибирские Записки» Вл. Мих. Крутовским. В этот период в отношении моего мировоззрения можно назвать классическим, хотя я колебался и, прочитав несколько книжек о большевистской партии, в частности книжку Степанова, я начал почувствовать большевикам. В общем-же я чистую литературу ставил выше политики. В ноябре месяце власть временного правительства Керенского в Омске пала. Служащие учреждений, в том числе Контроля железной дороги объявили забастовку. Я был против забастовки и с небольшой группой товарищей нам

удалось забастовку в Контроле сорвать, была собрана временная коллегия по управлению контролем в числе трех человек: Федоровского, Бабикова и меня. Весной 1918 года в Омск приехал член Центральной Коллегии Контроля Пелевин, который нашу беспартийную коллегию распустил, а нас обратил в прежнее состояние.

К этому времени относится издание литературной газеты «Омский День», в которой принимали участие Оленич-Гнеенко, Антон Сорокин, Кондратий Тупиков. Газета «Омский День» не имела определенной политической физиономии, но придерживалась сибирской областнической ориентации. Газета просуществовала около двух месяцев, потом издание ее прекратилось за недостатком средств. В конце апреля 1918 года я уехал в отпуск в Новосибирск к родителям. Здесь меня застал чешский переворот и организация Сибирской власти в Томске. К идее организации автономной власти в Сибири я отнесся положительно, но активного участия в этом деле не принимал. В Новосибирске вместе с бывшим редактором-издателем газеты «Алтайское Дело» мы попытались возобновить эту газету, но у Литвинова не оказалось средств и у нас ничего не вышло. К этому времени т.е. к концу августа начались разговоры о Директории т.е. Власти Всероссийской. К идее всероссийской власти я лично относился отрица-

тельно т.к. считал эту власть гастролерской. Осенью, в конце августа я уехал в Камень на службу в Каменский Союз Кооперативов. Переписывался я в это время с Вл.М. Крутовским и участвовал в «Сибирских Записках». Зимой, кажется в ноябре 1918 года совершился колчаковский переворот. Колчаку и его власти я не сочувствовал, относился враждебно и жил в постоянном страхе т.к. колчаковцы в Камне поролли направо и налево.

В июне 1919 года я из Камня переехал на работу в Красноярск, в Енисейское Губернское Земство, агрономом. Здесь, будучи в Красноярске я ближе стал к редакции «Сибирских Записок». В этот период сибирское областничество переживало последний кризис. Кто поправее и богаче перешли на сторону колчаковской реакции, социалисты начали разброд. Одним словом областничество похоронило самого себя. Население, в Красноярске и округе ждало прихода Красный армий. В этот момент я окончательно охладел к областным тенденциям в Сибири и наряду со всеми ждал прихода Красных войск. В общем областничество отжило свой век, это почувствовал даже Крутовский Вл.Мих., который прикрыл свой журнал «Сибирские Записки». В конце декабря 1919 года Красная Армия взяла Красноярск, земство было распущено, а я пошел работать в газету «Красноярский Рабочий» ответсекретарем. Летом и в июне

1920 г. Красноярский музей отправил небольшую экспедицию в Туруханский Край. Мне хотелось побывать в Туруханском Краю, я взял командировку музея и поехал на пароходе «Лена» до о. Диксона и обратно. Возвратившись в Красноярск я окончательно перешел на работу в музей, вернее в Енисейский Наробраз и был командирован в Енисейский музей в качестве помзаведывающего музеем, в каковой должности я проработал до мая 1921 года. Заканчивая период с 1917 по 1921 г. я должен сказать, что ни в каких партиях не состоял, с областничеством я покончил еще в 1919 году, к тому же я не был активным областником. И не принимал никаких должностей.

В 1921 году я возвратился в Новосибирск и поступил в Сибуголь (Управление Сибирскими копиями). Здесь у меня возобновились некоторые литературные связи, в частности встретил Тупикова, Артема и Вс. Иванова, тогда еще начинающего автора, кажется здесь же находилась Сейфуллина, тоже начинающая. Литературой я в этот период не занимался. Совершенно неожиданно в ноябре месяце 1921 года я получил из Читы предложение работать по туземному вопросу в Министерстве Национальных Дел. Я дал согласие и выехал в Читу. Работа по туземному вопросу меня интересовала, кроме того она увязывалась с оленеводством. Работа моя свелась также

к вопросам экономического обследования тунгусских хозяйств, писанию от имени Миннацдел брошюры «Туземный вопрос в ДВР» и других работ. Министрами были (при мне) Амачаев, Резников и Мер и до меня Лукс. В Чите я близко стоял к музею, которым руководил А.М. Кузнецов. Здесь мною в музее был прочитан ряд докладов по истории Сибири и этнографии. К этому времени относится начало моего сотрудничества в «Сибирских Огнях» (1922 г.). В конце 1922 года произошло воссоединение ДВР и СССР. Министерства были расформированы, а туземный отдел был превращен в туземный подотдел в ДРК, где я стал работать ученым секретарем. За читинский период я вовсе не интересовался политическими вопросами и издал книгу «Оленеводство», первую крупную работу в этой области. Перехожу к следующему периоду. Ввиду перехода Дальревкома из Читы в Хабаровск, я не пожелал ехать и возвратился в Новосибирск, где стал работать завотделом местной жизни в газете «Сов. Сибирь». Здесь я познакомился с Итиным В., Зазубриным, Вяткиным, с И. Ерошиным, М. Басовым, этот период совпал с организацией Союза Сибирских Писателей. В организационном заседании участвовали упомянутые лица, кроме того Пушкирев, Ансон, Н. Титов и другие которых не помню. В общем столкнулось два течения — одно сибирское, возглавляемое

Вяткиным, другое более широкое (Зазубрин) стоящее за присоединение РАПП. Лично я стоял за сохранение Союза Сибирских Писателей, не вхождение его в РАПП. Одно время к Сибкрайиздату, который возглавлял Басов близко стоял член дирекции Болдырев. Союз Сибирских Писателей собирался плохо, я помню, что был на двух собраниях: на одном Зазубрин делал доклад о Кузнецком партизанском движении, на втором — выступал ряд авторов и наконец был на вечере устроенном памяти Есенина, на котором Зазубрин делал доклад. Редактировал газету «Советская Сибирь» Тумаркин. Я был всецело занят газетой, а поэтому в «Сибирские Огни» ничего не писал. В этот период начинали свою работу Ал. Фетисов и Кулыгин, которые позднее перебрались на работу в «Тихоокеанскую Звезду». Из «Советской Сибири» я перешел на работу в «Сибирский Гудок», его вскоре закрыли и осенью 1926 года я вынужден был ехать на работу в газету «Ачинская Правда», которая тоже была закрыта. Заканчивая этот период скажу, что никаких у меня областнических настроений не осталось, я ничего против Соввласти не делал, даже и не думал. Связь с Сибирским Союзом я утратил, так как работал в газете «Кузбасс» (Шегловск) мы вступили в РАПП. Курса я не знаю. В журнале «Настоящее» не сотрудничал.

Перехожу к периоду моей жизни и работы с 1928–1938 год.

Этот период можно охарактеризовать как работа по оленеводству. До октября 1931 года я работал в Турухансоюзе (Красноярск) ввиду того, что Турухансоюз разделился на три самостоятельных (небольших) союза я решил искать работу и послал заявления в АКО (Москва) и Крайзу (Хабаровск). Оба учреждения ответили приглашением, а так как Крайзу послало на дорогу деньги я поехал в Хабаровск. Работа моя в Хабаровске началась с 1932 года. Работу я начал в качестве специалиста по оленеводству, в 1933 году был <...> Сектор Северного Хозяйства, а в секторе был один человек по штату. Примерно такое положение сохранялось до 1934 года, когда в Северный Сектор были включены охотничье хозяйство и назначен заведывающий сектором Иван Максимович Лесков, то в секторе получилось 5 штатных единиц; затем в том же 1934 году Лесков был отправлен начальником Нижне-амурской экспедиции, сектор снова остался без начальника. За период моей службы в Крайзу были начальники Крайзу Егоров, Василевич, Новлянский, Герчиков, Чеманов и Назаренко. Ни один из них не обращал внимание на северную работу, в частности и на оленеводство. Работа сектора сводилась к собственно оленеводству (гон, кастрация, случка, отельный период) и тундроведению — изучению оленных пастбищ. Я не знаю сколько в настоящее время оленеводов зоо-

техников, но в 1933 году их было всего 2. Ввиду того, что в 1933 г. была открыта в ТИССХе (Тихоокеанском Институте Сельского Хозяйства) кафедра по оленеводству ДВК получил 7 специалистов, которые все работали по оленеводству в Крае. В аппарате Крайзу в начале я был единственным специалистом по оленеводству, затем с 1934 г. начал работать кончивший ТИССХ оленевод Петров Виталий Александрович, но к сожалению он был откомандирован в Нижнеамурскую экспедицию где пробыл полностью 1936 год. Основным недостатком работы по оленеводству является слабо поставленный учет поголовья и трудность получения отчетности из колхозов Севера. Составление контрольных заготавливается. Порядок их составления снизу т.е. колхозы, районы и области дают их самостоятельно, а край сводит и корректирует. По оленеводству я делал все, что возможно в силах одного человека сидящего в центральном аппарате, удаленного от оленей. Никакой за собой вины я не чувствую и мне кажется не может быть так как все хозяйственные операции (убой, выбраковка) производятся самостоятельно по нормам НКЗ РСФСР. Контрольные цифры за 1935, 36 и 37 год составлялись зоотехником Петровым. Эпизоотическое состояние районов за все годы начиная 1933, благополучное. Ежегодный прирост стада в 1936 году составлял 6% по краю.

Я не буду объяснять подробностей моего увольнения из Крайзу, только скажу, что Народным судом я был восстановлен.

В отношении моей литературной работы скажу, что я ничего не писал. Принимал участие в собраниях членов союза советских писателей и актива. В 1937 г. были бурные собрания в основном дебаты между Титовым, Бытовым и Гаем разного рода «вопросов прошлого».

В заключение скажу, что ни в каких контрреволюционных организациях никогда не состоял, ничего не замыслил против Советской власти, единственно в чем признаю свою виновность это в увлечении областничеством которое у меня давно выветрилось и вполне понятно, что Сибирь теперь не колония, как писал Ядринцев, а равноправный член Союза Республик.

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича*

В период 1917 года я служил на Омской железной дороге, вместе с эти принимал участие в литературной деятельности, в частности я был близок к выходящему в Красноярске журналу «Сибирские Записки», областного направления, который редактировал Владимир Михайлович Крутовский. Как большинство сибирской интеллигенции я

присдерживался областнических взглядов. Областничество не являлось партией, вернее оно являлось сибирским течением против колониальной политики царизма. Идеологами сибирского областничества были Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. В момент февральской революции областничество рассчитывало на автономию Сибири в рамках Демократической федеративной республики с федеральным управлением. По своему происхождению я сибиряк, я сочувствовал областничеству и в основном свое сочувствие проявлял в литературной деятельности, которую в тот период только что начал. В основном писал стихи, в которых воспевал Сибирь. В период Октябрьской революции областничество было враждебно Советской власти. В этот период я стал за совместную работу с Советской властью и был избран членом коллегии Контроля омской жел. дороги. В апреле 1918 г. коллегия была распущена и заменена партийцами, а в 1918 году в том же месяце уехал в Новосибирск к родителям. В этот период я склонялся к большевизму, вместе с этим у меня были живучи и областнические тенденции. Моя работа у большевиков вызвала ко мне отрицательное отношение со стороны многих омских областников, а в последствии в № от 16 (возможно 17 и 18) сентября 1918 г. был в «Сибирском Вестнике» (официозе) опубликован приказ, в котором указыва-

лось вместе с С. Федоровским и с Бабиновым на мою причастность к большевизму. В период сибирского правительства я никаких должностей не занимал. Летом 1918 года редактор газеты «Алтайское Дело» (в Новосибирске) Николай Павлович Литвинов пытался возобновить газету и придать ей областническое направление. Для этой цели он пригласил меня и Григория Ивановича Жерनावкова для участия в газете, но из этого предприятия ничего не вышло так как он денег для издательства не получил. В этот период своя областническая деятельность сводилась к писанию статей по истории областничества, что я считаю антисоветской деятельностью. В сентябре 1918 года сибирское правительство было заменено Директорией и областники ушли от власти. Меня Каменский Союз кооперативов пригласил на работу в г. Камень в культурно-просветительный отдел. Здесь вплоть до июня 1919 года всякая областническая деятельность прервалась. Возобновилась в апреле 1919 года, когда я переехал на службу в г. Красноярск. Здесь я впервые познакомился с одним из лидеров сибирского областничества, редактором издателем журнала «Сибирские Записки» Владимиром Михайловичем Крутовским, которого до этого времени я знал по наслышке. До февральской революции т.е. в период царизма областничество было либеральным течением, которому сочув-

ствовали сибирская буржуазия, в февральскую революцию областничество мечтало об автономии, но в октябрьскую революцию оно было безусловно контрреволюционным течением, к которому я в то время примыкал. В Красноярске я сделался постоянным сотрудником журнала «Сибирские Записки», где проводил областнические взгляды; которые были безусловно антисоветскими. Идеологически, под влиянием В.М. Крутовского и отчасти А.Я. Тугаринова я более окреп в своих областнических взглядах, основная моя работа сводилась в «Сибирских Записках», где я работал до прихода Советской Власти. Эту работу я считаю антисоветской. Должен добавить, что в 1918 г., во время кратковременного пребывания у власти областников мне было предложено занять должность члена Научного Совета по туземным делам, точного наименования этой должности я не помню, но от этой должности я отказался, также отказался от нее и иркутский профессор Петри. До прихода Советской Власти в Сибирь в январе 1920 года я снова заколебался в своих областнических убеждениях и с первого же дня стал работать в качестве секретаря газеты «Красноярский Рабочий». Это вызвало охлаждение ко мне со стороны Вл.Мих.Крутовского. Должен прямо и честно сказать, что областнические тенденции мои были сильны поэтому, в июне 1920 года я оставил службу в редакции и уехал в

научную экспедицию в низовья Енисея на о. Диксон, где я работал по этнографии и оленеводству. В этот период я оставался человеком общественно настроенным, но связью с Вл.Мих. Крутовским не имел и не мог иметь. Возвратясь из экспедиции я уехал в Енисейск, оттуда на родину в Новосибирск, женился и поступил на службу в Управление каменноугольной промышленности, где занимал канцелярскую должность. На почве разлада с Крутовским с одной стороны, женитьбы с другой я потерял интерес к областничеству, но продолжал оставаться областником. Из областников, которых я знал назыву Владимира Михайловича Крутовского, Г.Н. Потанина (умер), Николая Николаевича Козьмина, С. Ивановича Сидорова (сотрудника «Сибирских Записок»), Яворовского (не знаю где работал), Николая Павловича Литвинова (б. редактора новосибирской газеты «Алтайское Дело»), В.И. Жерновкова (Новосибирск, был присяжным поверенным), Абрамовича (сотрудника газеты «Алтайское Дело»-Новосибирск-1917 г.), Тугаринова Ал. Як. (сейчас работает в Академии Наук-Москва), поэта Антона Семеновича Сорокина, областнических взглядов в то время придерживался повестный писатель Всеволод Иванов, по наслышке знал областника Исаака Гольдберга (иркутянина) к областникам примыкал писатель Шишков, сейчас, кажется в Москве.

Подводя итог моей областной идеологии безусловно антисоветской я признаю ее, реализация этой идеологии выразилась в моей газетной работе в период с 1918 по 1919 год, главным образом, в журнале «Сибирские Записки», ближайшим сотрудником каковых являлся я, работу эту признаю антисоветской. В моем дневнике, писанном в конце 1917 года, имеется запись, что я встречался с писателем Новоселовым и в марте надеюсь быть «министром». Запись видно относится к созыву Сибирской Областной Думы, которую наметило созвать на этот срок Временное Правительство. Ясно, что «министром» я быть не мог т.к. был молод и никому не известен так что на какие то выборы рассчитывать я не мог. Это могут подтвердить Вл.Мих. Крутовский. Кроме того я не был членом Сибирской Областной Думы, не избирался и даже не выбирал.

Период 1919—21 год я оставался областником, но связан с областничеством не был.

14 декабря 1938 года

В конце 1921 года я получил письмо от Алексея Максимовича Горького, в котором он вспомнил обо мне и советовал продолжать начатую мною поэму. Письмо Горького призывающего к работе ободрило меня, вскоре мне представилось место работать в газете. Редактор газеты Тумаркин «Советская Сибирь» пригласил меня на работу в газету в каче-

стве сотрудника. В Новосибирске я встретился с многими сибирскими литераторами, которые объединялись около газеты «Советская Сибирь» и журнала «Сибирские Огни». В 1925 г. появилась книга, автором которой являлся Насимович-Чужак. Эта книга, озаглавленная «От Бальгауфа до наших дней». В этой книге разбирались истоки сибирского областничества, в частности высказывался взгляд, что областнический мотив в сибирской литературе может превратиться «в мотив советского сибирского областничества». Впервые об этой книге я услышал от поэта Георгия Вяткина. Вяткин сибирский поэт, областник, был редактором газеты «Сибирский Вестник», которая являлась официозом. Второе лицо от которого я услышал об этом моменте был новосибирский присяжный поверенный, областник, близкий сотрудник «Сибирских Записок» Григорий Жернавков. Оба эти лица идеологически обосновали этот момент следующим образом. Советская Власть разрешила широко многие проблемы, которые ставило очень узко и однобоко областничество, в частности туземный вопрос (вопрос о национальных народностях Сибири). Советское правительство разрешило нужды края т.е. Сибири и идея областничества не может быть популярной. По мнению обоих, областничество должно превратиться в «советское областничество» и, ссылаясь на мне-

ние Насимовича-Чужака, который был коммунистом и крупным советским критиком, они призывали на необходимость создания и продолжения сибирской областнической литературы. Примерно такую же точку зрения высказывал сибирский критик Вегман, коммунист, пользовавшийся в то время авторитетом в партийных кругах. Между прочим, Григорий Жерनावков, как он выражался, такое направление попутчиков, модно в литературе и центральной. Я согласился с ними. Одним из мероприятий к осуществлению этой идеи, по мнению Георгия Вяткина, было создание союза сибирских писателей. При поддержке Вегмана, а также группы писателей коммунистов Владимира Зазубрина, Михаила Басова, В. Итина, Александра Павловича Оленич-Гнеенко союз сибирских писателей был организован. Георгий Вяткин был намечен в члены правления, но был забаллотирован. После создания союза сибирских писателей началось создание сибирской советской литературы. В этой антисоветской работе принял участие я, мое участие выразилось в написании статьи «Как снабжать хлебом тундру» (вопрос о хлебозапасных магазинах среди сибирских туземцев в той форме как он практиковался в книге Н.М.Ядринцева «Сибирские инородцы»), кроме того мною была написана тенденциозная статья о «Туруханском перелете», где я отразил мотивы советского област-

ничества, по существу антисоветские. В этом направлении писало большинство участников журнала «Сибирские Огни» как-то Кондратий Урманов (Тупиков) издавший книгу о «казаках» (киргизах) где он воспевал прежние вольные киргизские степи и привольную киргизскую жизнь; Георгий Вяткин, написавший в 1918 г. сибирский гимн. Наиболее крупной фигурой в литературном мире Новосибирска был Вегман, который в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские Огни» (будучи коммунистом) напечатал ряд статей по истории сибирского областничества. Он взял под защиту устаревшую работу областника Серебренникова. Печатанию произведений подобного порядка потворствовал Владимир Зазубрин, автор нашумевшего романа «Два мира». Между прочим, Георгий Вяткин выбросил лозунг «о романтике старой Сибири», в реализации которого усердствовали поэты Скуратов, Ник. Титов, Мартынов, Сергей Марков и другие. Необходимо указать, что Сибкрайиздат, руководимый тогда М.М. Басовым выпускал произведения генералов областничества, в частности был переиздан Шапов один из апологетов областничества прошлого столетия, давно умерший в Иркутске. Знаю, что к этой группе примыкал Александр Фетисов, в настоящее время сотрудник редакции газеты «Тихоокеанская звезда», а также Алексей Маленький, которые в то время работа-

ли специальными корреспондентами в г. Красноярске. Фетисов уроженец г. Красноярска, сын состоятельного домовладельца, по слухам, точно не могу утверждать, отец Фетисова работал в крупной пушной французской фирме братьев Равилвон, которая имела свои отделения в Сибири до революции. Григорий Жерनावков не был литератором, но его влияние сказывалось косвенно. В общем главным заправилом в Союзе и редакции «Сибирских Огней» был Владимир Зазубрин. Характерен следующий факт. Мною в 1925 г. была написана статья «О приросте некоторых северных сибирских племен». В этой статье на основе статистических данных я доказывал, что сибирские туземцы численно увеличиваются и при изменении экономики которую принесла советизация тайги и тундры туземцы дадут бурный прирост населения. Это расходилось с взглядами старых областников Щапова и Ядринцева и Зазубрин мне заявил, что «данные не точны и этого быть не может». В итоге статья была забракована. Я ее послал в Москву, в журнал издаваемый Комитетом Севера при ВЦИК «Советская Азия». Статья была не только напечатана, но и снабжена хорошими отзывами редакции и профессоров Богораз, Тан и Штернберга.

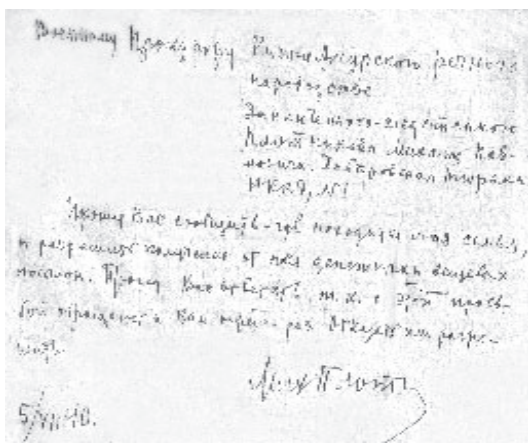
В середине 1926 года я перешел на работу в «Сибирский Гудок», одновременно сибирский союз писателей был влит в

Всероссийскую Ассоциацию пролетарских писателей и обновился по своему составу.

Я признаю себя виновным, что поддерживал антисоветскую установку о создании сибирской советской областной литературы и кроме того в разрезе ориентации написал две упомянутых статьи, помещенные в газете «Советская Сибирь», в данном случае я рассматриваю этот факт, как антисоветский, в «Сибирских Огнях» я в этот период ничего не писал. Всякое участие в союзе советских сибирских писателей прекратилось с отъездом из Новосибирска осенью 1926 года в гор. Ачинск на работу в газету «Ачинская Правда».

*Собственноручное показание
арестованного Плотникова
Михаила Павловича.*

В период 1917 года я служил в Контроле Омской жел. дороги и был начинающим литератором. В этот период часть сибирского общества была настроена областнически. Идейнными руководителями сибирского областничества были Н.М. Ядринцев, публицист и журналист, написавший повестную книгу «Сибирь, как колония», умерший в конце XIX ст. и Г.М. Потанин, сибирский этнограф и публицист, в 1917 г. дряхлый старик. До революционный период областничество было популярно в либеральных верхах сибирского общества и ставило своей задачей: введение в Сиби-

Ходатайство М. Плотникова на имя прокурора.

Из материалов дела о расстреле

ри земского самоуправления; решение культурно-национальных вопросов по туземному вопросу среди сибирских туземцев; открытие высших учебных заведений, уничтожение челябинского железнодорожного тарифа и других льгот и преимуществ для сибирского населения. Ядринцев, Потанин и другие областники стояли на точке зрения свержения монархии и установления демократической федеративной республики. Таким образом, Ядринцев придерживался той точки зрения и в части своих статей популяризировал государственное устройство северо-американских соединенных штатов, как некий образец демократии. Все революционные партии того времени т.е. до Февральской революции областничество счита-

ли отжившим течением, устаревшим ввиду проведения ж.д. в Сибирь, а само сибирское население рассматривали, как русское (великороссов). Капиталистические партии к областничеству, как течению либеральному относились также отрицательно. Таким образом областническое течение не имело успеха ни слева, ни справа.

В период Февральской революции областничество утратило свое значение, так как революционные свободы перекрывали дореволюционные требования областничества; областническая традиция в основном осталась в литературе (художественной). Все тогдашние партии на областничество смотрели как на ненужный пережиток, который имел кое какое значение в борьбе с царизмом. Временное Правительство в Сибири ввело земское самоуправление и наметило созыв Сибирской Думы. С 1915 года в Сибири существовал толстый журнал «Сибирские Записки», издававшийся в гор. Красноярске врачом, областником Владимиром Михайловичем Крутовским, вокруг которого группировались писатели-сибиряки: Георгий Вят-

кин, Гребенщиков, Шишков, А.С. Сорокин и ряд начинающих, в том числе и я, писавший лирические стихи в духе Поля Верлена.

В период Октябрьской революции, областничество было использовано, как справа так и слева для борьбы с Советской властью в Сибири. В этот момент областничество, как таковое, становится течением контрреволюционным, причем, это является скорее завесой для всех антисоветских партий, которые сохраняют свои программы и терпят областнические тенденции до времени. Правильность этого взгляда доказывается кратковременным существованием Временного Сибирского Правительства, которое было свергнуто, министры-областники арестованы, Сибирская Областная Дума разогнана и заменена Директорией, после чего областничество снова пришло в забвение.

В 1917 году (конец) я приход Советской власти встретил положительно, не прерывал работы и даже был избран членом коллегии контроля Омской железной дороги. В апреле 1918 года, приехавшим из Москвы членом Коллегии Народного Комиссариата Транспорта Пелевиным, была произведена реорганизация управленческого аппарата дороги, в результате которой государственный контроль был упразднен и мне представилась возможность покинуть службу на железной до-

роге. Я уехал в Новосибирск, вернее в дер. Каменку, к своим родителям. В Новосибирске я встретился с бывшим издателем газеты «Алтайское Дело» Николаем Павловичем Литвиновым и присяжным поверенным Григорием Ивановичем Жерनावковым, который был областником-беспартийным, сотрудником журнала «Сибирские Записки». Литвинов имел ввиду возобновить газету «Алтайское Дело», имевшую областническую ориентацию. Меня Литвинов намечал секретарем редакции, а Г.И. Жернакова — редактором. Из этого предприятия Литвинова ничего не вышло. В это же время (июле-августе 1918 г.) Владимир Михайлович Крутовский предложил мне работу в Министерстве Туземных Дел, в качестве члена научного совета, одновременно должности членов были предложены иркутскому профессору Петри и этнографу Пигнатти, ныне умершему. От этой работы я отказался, как и двое другие. Надо отметить, что моя работа с советской властью меня поставила под сомнение и даже в одном из сентябрьских (1918 г.) в газете «Сибирский Вестник» был напечатан приказ о причастности моей к большевизму в период работы в Контроле Омской жел. Дороги. Если не ошибаюсь, в сентябре 1918 г. Сибирское Правительство было свергнуто, арестовано и вскоре заменено Директорией. Лично я был приглашен на работу в Каменский Союз Кооперативов в

качестве сотрудника Культурно-Просветительного отдела, где проработал до июля 1919 года. Никакой областнической деятельностью в этот период я не занимался, надо отметить, что в ноябре 1918 года Директория была свергнута Колчаком, и областники преследовались. В этот период я устранился от всякой литературной работы. Областники, в частности и я, к Директории и колчаковщине относились резко отрицательно. В июле 1919 года я был приглашен на работу в Енисейское Губернское Земство. Земство обслуживало Туруханский Край, где оно предполагало организовать изучение материальной культуры народов Севера и оленеводства. В области последней работы я должен быть использован. Здесь (в Красноярске) я впервые познакомился с издателем-редактором журнала «Сибирские Записки» Владимиром Михайловичем Крутовским, одним из лидеров областничества, и членом Сибирского Правительства. Во время переворота Директории Крутовский был арестован и выслан в Красноярск. До этого времени я только с ним переписывался и наша переписка была случайной. Здесь я сделался одним из постоянных сотрудников журнала. Литературная моя деятельность выразилась в написании напечатанных рассказов «На заимке» и «Городок», нескольких лирических стихотворений, биографии сибирского писателя П.П. Ершова, и статьи, посвя-

щенной 30 летию со дня смерти областника-публициста Н.М. Ядринцева. Рассказы и стихи были чистой беллетристикой, не имеющей политической тенденции, что же касается последней статьи о Ядринцеве, то здесь имелись антисоветские взгляды и содержание статьи было проникнуто областнической идеологией. Надо отметить, что оставаясь областником, я чувствовал, что областничество идет к закату, что оно пережило себя и то, что было актуальным в период 60 годов, в 20 годах XX ст. выглядывает старомодно. Эти взгляды я высказал в статье «Закаты областнических идеалов», которая вызвала осуждение Владимира Михайловича Крутовского. В конце 1919 года Красноярск был взят Красной Армией, земство было ликвидировано, большинство земских работников бежало на восток, а я перешел на работу в газету «Красноярский Рабочий», в качестве секретаря. В этой должности я проработал до июня 1920 года. Этот период моей жизни с конца 1919 г. до июня 1920 года можно назвать периодом колебаний. Я чувствовал себя в некотором роде лишним человеком, несмотря на желание осознать историческую ценность момента, такая неосознанность отражалась на моей литературной, газетной работе и когда мне Красноярский Губернский Музей предложил участие в научной экспедиции в Туруханский Край, я с удовольствием согласился. Из областников, кото-

рых я знал в это время были: Владимир Михайлович Крутовский, редактор-издатель журнала «Сибирские записки». Крутовский сибиряк, по профессии врач, в Красноярске имел собственный дом. В.М. Крутовский был лично знаком с В.И. Лениным и будучи губернским врачом направил сосланного В.И. Ленина по состоянию здоровья в Минусинский край, более благоприятный по климатическим условиям, а не на Крайний Север, куда наметало сослать его царское правительство. Кроме того В.М. Крутовский был известен, как публицист.

Николай Николаевич Козьмин. Лично с Козьминым я в этот период встречался один раз. Козьмин, если не ошибаюсь, был губернским комиссаром во время Февральской революции в г. Красноярске. Он был постоянным сотрудником «Сибирских записок» и считался крупным этнографом. В 1920 г. т.е. во время взятия Красноярска Красной Армией он бежал в Иркутск. В 1926 году он был профессором Иркутского Государственного Университета. Судя по его трудам он перестроился и сделался марксистом.

Михаил Сидоров, отчества не помню. Писал в «Сибирских Записках» под псевдонимом Сайдер, главным образом, областнические стихи. Молодой человек, сын Ачинского жителя. После 1920 года я с ним не встречался.

Туаринов Александр Яковлевич, был Директором Красно-

ярского Музея, при Временном Правительстве был короткое время Туруханским Комиссаром. Крупный ученый орнитолог, работал в области этнографии. Кажется в настоящее время работает в одном из отделов Академии Наук СССР, с 1920 года я с ним не встречался и не переписывался.

Олониченко — имя и фамилию не помню. Студент медик. Писал в «Сибирских Записках» рассказы. Умер в 1919 году от тифа.

Абрамович Илья Яковлевич, сотрудник газет и журналов, драматург. Был деятельным сотрудником «Сиб. Записок». В дальнейшем литературную деятельность оставил работал в Сибирской кооперации. Последний раз я его встречал в 1926 г. в Новосибирске, больше не встречался и не знаю вообще где он.

Литвинов Николай Павлович — редактор-издатель областнической газеты «Алтайское Дело» в Новосибирске, владелец типографии. В 1918 году типография была национализирована Соввластью, пытался в 1918 году возобновить газету, но из этого предприятия ничего не вышло. По слухам, в 1921 году вступил в ВКП(б) и работал в Змеиногорске. Других сведений о нем не имею.

Жерновков Григорий Иванович — до революции был либеральным присяжным поверенным, постоянным сотрудником газеты «Алтайское Дело». Кажется он был также гласным городской думы и имел собственный дом в

Новосибирске. В Февральскую Революцию Г.И. Жерновков пытался совместно с Илей Яковлевичем Абрамовичем организовать партию сибирских социалистов-федералистов. Партия успеха не имела, после неудачи Г.И. Жерновков считал себя областником. Его перу принадлежит большая статья, помещенная в журнале «Сибирские Записки», по вопросам областничества. С Г. Жерновковым я впервые познакомился в 1918 году у Н.П.Литвинова при обсуждении вопроса о возможности возобновления газеты «Алтайское Дело», затем встретился только в 1925 году в Новосибирске. Слышал, что Жерновков в 1928 году по болезни выбыл из Новосибирска. Дальнейших сведений о нем не имею.

Если не ошибаюсь, в «Сибирских Записках» принимал участие профессор историк Бакай, написавший о первом историке Сибири П.А. Слободяковиче, как об областническом предтече.

В июне 1920 года я уехал в экспедицию в Туруханский Край, поздно осенью возвратился в Красноярск, из областников встречал только В.М. Крутовского, в то время серьезно болевшего, и А.Я. Тутаринова. В Красноярске я пробыл короткое время, женился и уехал в гор. Енисейск, в качестве помощника заведывающего музеем. В период ухода с работы из газеты «Красноярский Рабочий» я хотя и считал себя об-

ластником, но областничеством не интересовался. Весной 1921 года, после голодной зимы 20–21 года, я уехал на родину, в деревню Каменку и нашел службу в Сибугле (Управление Сибирской Угольной промышленности) где занимал должность начальника общего подотдела. Из областников ни с кем не встречался. Надо отметить, что город Новосибирск один из молодых городов Сибири, здесь областники были редкостью и областнические взгляды не популярны. Кроме того, я сумел осознать сущность Советской Власти, принимал участие в борьбе с трудовым дезиртизмом, был избран на первый съезд рабочих и служащих каменноугольной промышленности Сибири. Получив одобряющее письмо А.М. Горького я работал над поэмой «Янгал-Маа». В этот период я познакомился с начинавшей литературную карьеру Сейфуллиной, возобновил старое знакомство с писателем Всеволодом Ивановым, омским поэтом Кондратием Тупиковым (Урмановым), Феоктистом Алексеевичем Березовским, бывшим в то время председателем Красноярского Губревкома.

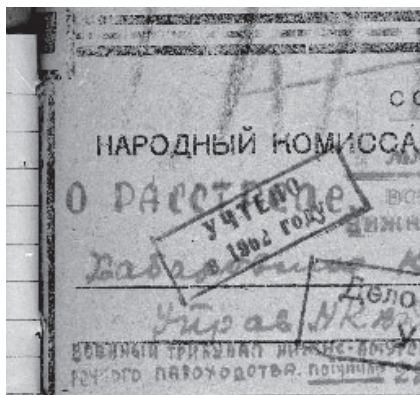
Подводя итог моей областнической идеологии за период с 1918–21 года я признаю ее антисоветской, реализация моих взглядов выразилась в участии в журнале «Сибирские Записки» и напечатании статей «Памяти Н.М. Ядринцева» и «Закат областнических идеалов». Вместе с этим я должен отметить, что Советскую

Власть в 1918 г. я встретил не враждебно, работал, и кроме того в 1920 году, при восстановлении Соввласти я тоже стал на работу в газету «Красноярский Рабочий».

В конце 1921 года я совершенно неожиданно получил приглашение на работу в Читу в Министерство Национальных Дел по вопросам малых народностей. Эта работа меня интересовала, кроме того она увязывалась с оленеводством. В момент моего прибытия в Читу министром национальных дел был коммунист Амагаев, товарищем министра Резников. Служба моя продолжалась в Министерстве до осени 1922 года, когда была произведена советизация ДВР и вместо Министерства Национальных Дел был организован Туземный подотдел при Дальревкоме, куда я автоматически был переведен на работу в качестве зам. заведывающего подотделом, а позже стал ученым секретарем. В основном я вращался в музейном кругу, который группировался вокруг директора музея Алексея Кирилловича Кузнецова. По своему составу он был разношерстным: здесь были забайкальцы: Александр Васильевич Харченко, Солнцев, тунгус Василий Михайлович Комогорцев, орнитолог Софронов, а также преподаватели Читинского института Народного Образования, как-то: профессор Половинкин, профессор Марк Азадовский, директор педагогического техникума Харченко. По инициативе Алексея Ми-

хайловича Кузнецова была организована при музее «Секция изучения и улучшения быта туземных племен ДВ», которая издала первую мою работу по оленеводству. В этот период я областнических настроений не имел, группа Алек. Кир Кузнецова носила научно-краеведческий характер, вопросы политического характера в ней не затрагивались. Кроме того в этот период мною совершены были две экспедиции в северные необжитые районы Забайкалья и выполнена работа по сбору экспонатов материальной культуры забайкальских тунгусов для Первой Всесоюзной сельскохозяйственной Выставки. В общей сложности в 1922 по 1925 гг. я провел в экспедициях до полутора лет. В описываемый период у меня областнических, а равно антисоветских настроений не было, кроме того я слышал и читал, что в Советском Союзе проводится новая экономическая политика (НЭП) и жизнь изменилась. Вообще же сущности НЭП я тогда не уяснял, так как Забайкалье прошло несколько иные как политические, так и экономические этапы во время гражданской войны. Литературной деятельностью я не занимался, в основном был занят, по совету А.М. Горького, обработкой большого вогульского эпоса, который получил оформление в моей поэме «Янгал-Маа», изданной в 1932 году издательством Academia. Здесь мною была написана большая статья «Послерусский во-

гульский эпос» (напечатана в 1922 г. в «Сибирских Огнях» — Новосибирск), статья «Тунгусы-орочены Забайкалья» (печаталась в «Забайкальском Рабочем» в 1924 г.) и статья «О приросте некоторых северных туземных племен» (напечатана в журнале «Советская Азия» — 1925 год №5). Последняя статья опровергала точку зрения Н.М. Ядринцева о вымирании сибирских туземцев, изложенную им в книге «Сибирские инородцы». Моя статья (одна из первых в этой области) показывала, что «вымирание народов Севера — результат великодержавной политики царизма и с изменением политических и экономических предпосылок, северные народности не только могут приростать в числе, но и играть видную роль среди национальностей ССР». Эта статья вызвала благоприятные сопроводительные статьи-отзывы известных этнографов В. Богораз-Тана, Штернберга и проф. Миротворцева. Меня более привлекала литературная деятельность и, когда я получил от редакции «Сибирских Огней», после напечатания в «Сибирских Огнях» моей статьи «Старинные люди у Холодного океана» (Колонизация р. Индигирки в XVII ст.) я стал подумывать об отъезде на запад и о занятиях литературной деятельностью. Г. Чита для занятий литературной деятельностью был местом не подходящим так как журналов здесь не было, газет было две.

Меня более привлекал Новосибирск по трем причинам: близко от родных; имелись старые литературные знакомые и имелась периодическая и не периодическая пресса. С этой целью я покинул службу в Туземном подотделе Дальревкома, кратковременно был техническим редактором журнала «Забайкальская Кооперация» и охотничьего журнала «Забайкальский Таежник». Получилось очень кстати: редактор газеты «Советская Сибирь» Турмаркин пригласил меня сотрудником. Возможно приглашение было результатом моего письма к секретарю журнала «Сибирские Огни» Владимиру Зазубрину, в котором я, между прочим, высказывал желание перебраться в Новосибирск. По приезду в Новосибирск я встретился с группой старых сибирских литераторов как-то: с Георгием Вяткиным, Кондратием Тупиковым, Антоном Семеновичем Сорокиным, Александром Павловичем Олени-

чем-Гнененко, с областником публицистом Григорием Ивановичем Жерновковым и, сыном умершего в 1907–8 гг. областника Байтова, — Владимиром Байтовым. Кроме того, я познакомился с новыми сибирскими литературными силами: писателем Владимиром Зазубриным, автором нашумевшего тогда романа «Два мира», поэтом Вивианом Итиным, критиком Вегманом, беллетристом Перемитиным, Пушкиревым, омским поэтом Мартыновым и другими, фамилий которых я не помню.

Переходя к характеристике отдельных лиц могу сказать следующее:

Георгий Вяткин — в описываемый момент Вяткин имел потускневшее имя. В дореволюционный период он считался одним из крупных сибирских поэтов-областников. Сотрудничал вместе с Г.Н. Потаниным в газете «Сибирская Жизнь». В революционное время, при Советской Власти, имя Георгия Вяткина было скомпрометировано, так как он, по слухам был деятельным противником Советской Власти в Томске, затем был редактором официоза Временного Правительства «Сибирский Вестник». В момент прихода Красной Армии Георгий Вяткин из Омска бежал в Иркутск, где в иркутской газете на конкурс написал «Советский гимн». Среди сибирских литераторов по своему возрасту и удельному весу был самой крупной фигурой.

(Продолжение в следующем номере)

Кондратий Тупилов (псевдоним Урманов) — в этот период Урманов работал в Сибкрайиздате и сотрудничал в «Сибирских Огнях». Произведения я его не помню, но слышал, что в изданной им книге «Водополье» (за правильность названия не ручаюсь) в Сибкрайиздате в 1923 году воспевал прежнюю привольную жизнь киргизов (казахов) и вольную степь. Где в настоящее время находится Георгий Вяткин и Кондратий Урманов я не знаю.

Антон Семенович Сорокин — был плодовитым сибирским писателем. Сын омского купца. Считал себя областником, но был подвержен различным литературным влияниям. Подражал Л. Андрееву, Морису Метерлинку, увлекался индивидуализмом Генрика Ибсена. Отличался особой беспринципностью и любовью к рекламе. Умер в 1927 г. в Москве.

Александр Павлович Оленич-Гнененко — в 1917 году считал себя областником, затем, не знаю в каком году, вступил в ВКП(б) и по приезде в Новосибирск, я застал его в должности редактора сельско-хозяйственной газеты «Сельская Правда». Несмотря на большой поэтический литературный талант в это время А.П.Оленич-Гнененко литературную деятельность прекратил и как поэт он не выступал.

Сергей Николаевич Кубочкин родился 5 января 1956 г. Окончил факультет технической кибернетики Тюменского индустриального института. Печатался в «Ежегоднике Тюменского областного краеведческого музея», газетах «Тюменские известия», «Сибирский посад». Интересы — история г. Тюмени в фотографиях. Постоянный автор журнала «Луки».

«Улицу... наименовать Голицынской»

Улица Первомайская. Улица встречающая и провожающая. Улица, связавшая сегодняшний центр города с железнодорожным вокзалом; прежде она называлась Голицынской, еще раньше — просто: улица к вокзалу.

По ней в разное время по пути в Тобольск проезжали, делая остановку в Тюмени, тобольские губернаторы, по дороге в Покровку — Григорий Распутин, уходили на вторую Отечественную войну¹ тюменцы, в июле 1918 года прошли части чехословацкого корпуса. Именно по Голицынской везли на вокзал заложников из самых богатых граждан Тюмени революционные матросы из отряда Запкуса, по этой улице уходили на фронт солдаты Великой Отечественной, по ней же вернулись с Победой.

Небольшая по протяженности, эта улица по значимости

не уступала в конце XIX века главным городским магистральям —

Царской и Спасской, так как связывала вокзал с Базарной площадью, вела к пароходным пристаням. И в обратном направлении — к городским складам на железнодорожной станции по Голицынской улице тянулись многочисленные обозы с зерном, маслом, рыбой, пушниной и другими сибирскими товарами, предназначенными к отправке в Центральную Россию, в Западную Европу.

С перенесением торговли на Базарную площадь² в 60-х гг. XIX века улица стала застраиваться торговым сословием, но особенно активное строитель-

¹ В советской терминологии — империалистическая война 1914 года.

² Площадь имела и другие названия: Хлебная, Мучная, Ярмарочная.

ство началось в 80–90-е годы. На Голицынской находились дома купцов-миллионеров братьев Колмаковых, одного из самых известных в Тобольской губернии частного поверенного Н.И. Беседных, купца Нарбутовских, торговца готовым платьем Рабиновича.

В 1904 году началось строительство каменных корпусов торговых лавок³: «5 мая в 3 часа дня была совершена на Ярмарочной площади, против дома бр. Колмаковых закладка каменного здания новых рядов. Молебствие совершал настоятель Знаменской церкви о. П.Н. Ребрин при участии хора певчих»⁴.

В 1893 году Голицынская стала первой улицей в Тюмени с каменной мостовой, а предшествовала этому, без всякого преувеличения, неординарному событию многолетняя эпопея с поиском источника финансирования мощения улиц.

Благоустройство в Тюмени на протяжении всей истории нашего города было притчей во языцех. В грязи на городских улицах тонули лошади, обозы и даже люди. Отцы города по мере своих сил и по наличию денежных средств в городской казне вели борьбу с грязью. Чаше всего средств на благоустройство не хватало, и когда на состояние тюменских улиц об-

ращало внимание вышестоящее начальство, приходилось изыскивать средства.

В 1826 году окружной начальник Гаженов писал: «При продолжающихся в ненастные времена дождях и при увеличении чрезмерной грязи во многих улицах бывают места не проходимыми, каковая необходимость нередко заставляет одно и то же место в употреблении фашинника⁵ засыпать несколько раз или землю или самым мелким песком по имению вблизи города крупного, также и щебня. Но сие оказывается всегда бесполезным, ибо таковая насыпь во время дождей смешивается с сырою землею, соделывает ничто иное, как подобную прежней грязи».

Окружной начальник отдал распоряжение городской Думе: «я необходимым счел внутри города вымостить плахами хотя две главные улицы, называемые спаскою и благовещенскою, равно таковую же за речкой Тюменкой никольскую прямо к монастырю, по которой так же бывает чрезмерная грязь, а по прочим улицам, дабы не отяготить жителей, в числе коих есть много недостаточных, сделать по сторонам для пешеходцев одни только тротуары»⁶.

Деревянных мостовых хватало ненадолго, и опять воздуж

³ Ныне здесь размещается типография.

⁴ Сибирская торговая газета от 8 мая 1904 г.

⁵ Фашинник — хворост.

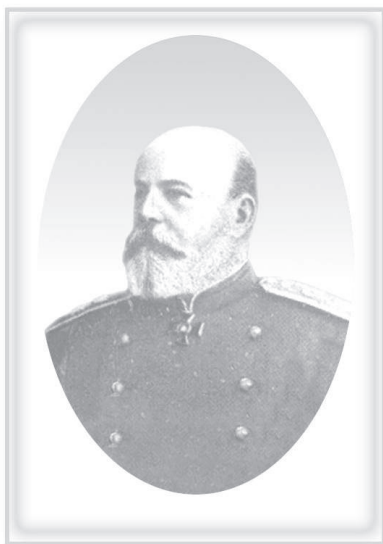
⁶ ГАТО, И-2, Оп. 1, Д.1096. Л.1.

тюменских улиц оглашало ржание завязших в грязи лошадей, ругань ломовых извозчиков.

Прошло полвека, положение с благоустройством не изменилось. В городской Думе периодически обсуждалось, но чаще просто констатировалось существующее положение: «В Тюмени вовсе нет мостовых, улицы находятся положительно в первобытном виде, грязь по этому во всей Тюмени весной и осенью невылазная, так что движение на лошадях бывает почти невозможно. Крайняя настоятельная необходимость привести хотя в некоторый порядок все улицы города»⁷.

Или: «большинство г. гласных обратило внимание на состояние немощеных улиц в Тюмени, в дождливое время, в особенности весной и осенью, во время усиленного передвижения здесь грузов, когда иначе, как в высоких болотных сапогах нельзя перейти через улицу, для чего часто приходится нанимать ради нескольких сажен извозчика»⁸.

Наконец, Тюменской Думой было найдено решение, которое, в случае его одобрения со стороны правительства, позволяло благоустроить городские улицы. Дело в том, что в 1885 году в результате проведения железной дороги из Екатеринбурга Тюмень стала конечной и самой восточной станцией на кар-

Князь Г.С. Голицын

те Российской империи. С другой стороны, именно с Тюмени начиналось судоходство по рекам Западной Сибири.

При строительстве железной дороги к Тюмени на берегу реки была построена станция Тура. Эти две станции соединила железнодорожная ветка длиной 2–3 версты. Такой короткий отрезок железной дороги имел громадный грузооборот. Почти все товары для Сибири довозились до ст. Тура и перегружались на пароходы. Грузы из Сибири для Европейской России по реке доставлялись в Тюмень, где с пароходов грузились в вагоны и по

⁷ ГАТО, И-2, Оп. 1, Д.503. Л.133.

⁸ ГАТО, И-2, Оп. 1, Д.522. Л.251.

этой ветке от ст. Тура через ст. Тюмень шли на запад. На этом и решили сыграть тюменцы.

Было возбуждено ходатайство о полукопеечном сборе с каждого пуда товаров, провозимых по железнодорожной ветке от станции Тюмень до станции Тура и обратно в пользу города. Но с первого раза ничего не вышло — то ли было неудачно выбрано время, то ли не нашлось могущественного покровителя в правительственных инстанциях — прошение в Петербурге было отклонено.

Прошло четыре года. Вновь избранный в 1889 году городским головой Анатолий Алексеевич Мальцев решил возобновить вопрос о попутном сборе в пользу города. Тем более что им была получена поддержка от представителей местной торговли и промышленности — купцов и торговцев с одной стороны, от пароходовладельцев — с другой и содержателей ломового извоза — с третьей, вышедших в Думу с единодушными просьбами о замошении улиц, составляющих подъездные пути от железнодорожной станции и городских складов к тюменским пристаням.

В ходатайствах указывалось, что «при настоящем состоянии этих улиц, грузовладельцам приходится платить за провоз товаров по городу (на расстояние 2-3 версты) 2-3 копейки с пуда, тогда как Уральская железная дорога за провоз одного из главнейших грузов — хлеба в зерне —

берет от Тюмени до Екатеринбурга (308 верст) около 5 коп. с пуда, возикам же приходится мучить лошадей, ломать возы и нести убытки даже при той несоразмерной плате, которую они вынуждены назначать за провоз».

Городской управой были проведены расчеты стоимости мощения двух главнейших, служащих подъездными путями, улиц. Громадная и непосильная сумма для тогдашнего городского бюджета — свыше 350 тысяч рублей.

На стол тобольскому губернатору В.А. Тройницкому легло ходатайство Тюменской городской Думы за № 322 от 8 ноября 1889 г. об установлении $\frac{1}{2}$ коп. сбора «на устройство мостовой только по двум наиболее проезжим улицам от железнодорожного моста и Затюменского караван-сарая по направлению к пристаням, по составленной смете, требуется сделать до 50400 кв. сажен мостовых, что обойдется, при существующих ценах на камень, считая перевозку камня по железной дороге от Екатеринбурга не менее 7 рублей за кв. сажень. Следовательно, мощение самых необходимых подъездных к железной дороге улиц должно обойтись в 352800 руб.»

К сентябрю 1890 года по предложению тобольского губернатора дело было доложено товарищу министра внутренних дел сенатору Плеве. Ранее министр финансов и министр путей сообщения выразили свое согла-

сие «на разрешение ходатайства об установлении в пользу города Тюмени сбора с товаров, проходящих по железнодорожной ветви от станции «Тюмень» к пароходным пристаням и обратно в размере $\frac{1}{2}$ копейки с пуда на устройство подъездных в городе Тюмени путей»⁹.

Долог и тернист был путь тюменского прошения по столичным кабинетам.

Лишь по прошествии двух с половиной лет, на заседании городской Думы 9 июня 1892 г., городской голова А.А. Мальцев довел до сведения гласных, что «договор, утвержденный министерством путей сообщения по соглашению с господами министрами финансов и внутренних дел о взимании полукопеечного сбора в пользу города Тюмени, по распоряжению Временного Управления казенных железных дорог вводится в действие с 1 числа июня сего года» на 10 лет.

Это была победа. Настроение, которое охватило тогда Общественное городское собрание, можно почувствовать и сейчас, читая журнал заседаний городской Думы. Городской голова

Купец Н.К. Нарбутовских с женой Александрой Дмитриевной, урожденной Машаровой
Фото конца XIX в.

выразил «благодарность городского общества за настоящий счастливый успех в разрешении ходатайства его, главнейшим образом Его Сиятельству князю Григорию Сергеевичу Голицыну¹⁰, принявшему горячее участие к скорейшему и успеш-

⁹ ГАТО, И-2, Оп. 1, Д.516. Л.318 об.

¹⁰ Голицын, Григорий Сергеевич (1838–1907), князь, генерал от инфантерии, генерал-адъютант; образование получил в пажеском корпусе и Николаевской академии Генерального штаба; служил на Кавказе, участвовал во многих боевых действиях против горцев; в 1876 г. назначен военным

ному окончанию этого дела и именно благодаря влиянию и содействию Его Сиятельства городское общество может считать себя накануне осуществления давнишнего заветного своего желания: замощения улиц, проезд по которым ныне к пристаням и вокзалу железной дороги, особенно в осеннее и весеннее время далеко не представляет отрадного явления, а также устройства прочных и удобных мостов, через пересекающие город овраги и речки, что без настоящего счастливого события может быть еще на несколько лет составляло бы только сладкую надежду будущего».

В своем докладе А.А. Мальцевым была выражена благодарность тобольскому губернатору Владимиру Александровичу Тройницкому, «горячо и сочувственно» отнесшемуся к прошению тюменцев. В результате его представлений и личного ходатайства у высокопоставленных лиц настоящий вопрос еще в 1890 году в принципе был решен.

Городской голова выразил признательность гласному Тюменской городской Думы Ивану Ивановичу Игнатову, который для личного поддержания ходатайства по настоящему делу в высших правительственных учреждениях был уполномочен

от городской Думы особой доверенностью.

И.И. Игнатов, известный пароходовладелец, который во время своих поездок в С.-Петербург действительно хлопотал по этому вопросу в правительственных учреждениях, скромно заметил, что «не приписывает своим трудам какого-либо влияния на ход дела, а напротив всецело относит настоящий счастливый успех участия в деле, которое принял Его Сиятельство князь Григорий Сергеевич Голицын со стороны городского общества в данном деле если заслуживает еще кто-либо признательности, то именно г. Городской голова за его энергию, которая дала ему смелость обратиться за помощью к Его Сиятельству князю Григорию Сергеевичу Голицыну».

На этом же заседании городская Дума единогласно постановила: «через особо избранную депутацию принести от Тюменского городского общества благодарность Его Сиятельству князю Григорию Сергеевичу Голицыну, за горячее сочувствие к городским нуждам и за помощь и содействие в скорейшем осуществлении сбора с товаров, проходящих по ветви «Тура» на сооружение городских подъездных путей»¹¹.

губернатором Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска. В 1885 г. — назначен сенатором и почетным опекуном, а в 1893 г. — членом Государственного Совета. С 1897-го по 1904 годы состоял главнокомандующим на Кавказе.

¹¹ ГАТО, И-2, Оп. 1. Д. 519. Л. 79.

В члены делегации от города для принесения благодарности сенатору Г.С. Голицыну избраны: городской голова А.А. Мальцев, И.И. Игнатов, П.И. Подаруев, Н.И. Давыдовский, И.Е. Решетников 2-й, Ф.С. Колмогоров, Д.Г. Решетников, И.И. Клериков, М.А. Вяткин, А.И. Опрокиднев, А.Ф. Колмогоров и И.П. Колокольников.

Прошло полгода. Для рассмотрения вопросов по организации работ по устройству подъездных путей к станциям железной дороги и пристаням городской Думой была учреждена Подготовительная комиссия.

На заседании городской Думы 21 января 1893 г. был зачитан доклад Подготовительной комиссии, в котором было рекомендовано «в 1893 году начать мощение от гостиного двора (от собора) и вести до Мучной площади, затем к подъездному мосту. Далее кусок к проектируемому земляному мосту на Городище и, наконец, от Мучной площади к пристаням. Мостовую делать каменную самого обыкновенного общепринятого и самого распространенного типа, а именно, из колотого твердого камня на слое песку не тоньше пяти вершков, мощение делать во всю ширину улицы».

На устройство мостовых в комиссию было подано два заявления от потенциальных подрядчиков — одно от екатеринбургского мещанина П.Ф. Блинова, другое — от британского подданного Фр. Егор. Ятеса. На основании этих заявлений стоимость обыкновенной мостовой комиссией была определена около 8 рублей за квадратную сажень.

Затем по желанию некоторых гласных были зачитаны подробные проекты о способах

**Дом Нарбутовских на Голицынской улице. Не сохранился.
Фото 70-х годов XX в.**

мощения городских улиц, рассмотренные Подготовительной комиссией.

Было представлено два проекта мощения, первый из которых предлагался инженером путей сообщения А.Ф. Колмогоровым, второй — исполняющим должность городского архитектора А.А. Юшинским.

Во втором проекте предпочтение отдавалось торцевым мостовым из соснового дерева, «по особому принятому за границей способу, причем каменными должны быть только бока улиц, с канавами для спуска воды».

Как один из вариантов мощения в проекте Юшинского допускалось устройство каменных мостовых, но при условии, что они будут двойные, т. е. поверх уложенного на слое песка камня выкладывать второй каменный слой. Обыкновенный же тип каменной мостовой, по мнению Юшинского, «не пригоден для грунта тюменских улиц, и хотя устройство одинарной каменной мостовой и дешевле первых двух способов, но принимая во внимание необходимый частовременный ремонт таковой, она в конце концов должна обойтись значительно дороже торцевой или двойной каменной».

Юшинскому возразил автор другого проекта А.Ф. Колмогоров, который, признавая торцевые мостовые более удобными, посчитал невозможным устройство таковых в Тюмени. Во-

первых, по их дороговизне и, во-вторых, по неимению в России таких специалистов.

По его мнению, «если в Париже или других больших городах за границей и устраиваются в исключительных случаях торцевые мостовые, то надо иметь в виду, что там совершенно иные условия. Начать с того, что там большей частью лес для торцев употребляется из пород, легко поддающихся пропитыванию, предварительное хорошо высушенный и пропитанный противогнильными веществами на специально устроенных для того заводах, причем пропитывающий материал в виде креазота очень дешев, так как он получается отбросом при производстве газа для освещения городских улиц. Точно так же там дешев и гидравлический цемент».

А.Ф. Колмогоров обратил внимание гласных на то, что в России «не существует подобных заводов, а простое обмазывание торцев смолой не устранит пропуски влаги чрез волокна дерева ... следовательно, одно из существенных преимуществ, по словам г. Юшинского, торцевой мостовой — относительная дешевизна ее и редкий ремонт окажется недостижимым».

Справедливостью последнего вывода подтверждались опытами, делавшимися на Тюменской железной дороге в различных местах, в том числе и в самой Тюмени, около вокзала и подъездного моста. Торцевой способ мо-

щения, оказавшийся непрактичным, был совершенно оставлен на железной дороге.

Что касается двойной каменной мостовой, то она, по словам А.Ф. Колмогорова, несомненно была бы прочнее обыкновенной, но на ее постройку почти вдвое увеличились бы затраты средств.

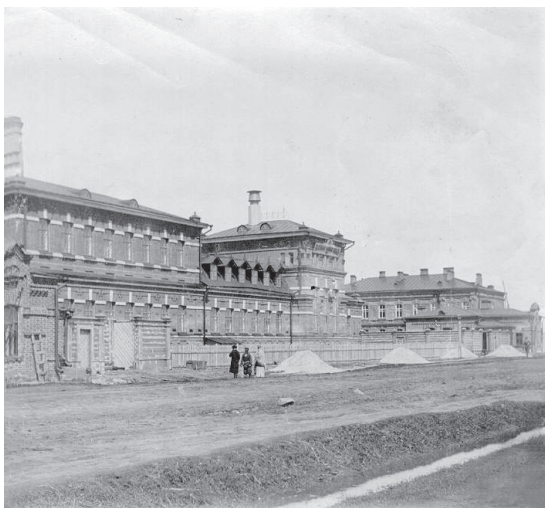
«Будучи в Петербурге и многих городах Европейской России, где устроены мостовые, а также за границей, в Париже и других больших центрах и, как инженер путей сообщения, всегда интересуясь мостовыми везде, главным образом, встречал обыкновенного типа каменные мостовые и повсюду при рациональной постройке — главнейшие условия которой, известный размер и качество камня и правильный спуск воды, — несмотря на самый разнообразный грунт, такие мостовые прекрасно служили своему назначению».

Как на самый ближайший пример, Колмогоров указал на мостовые в Перми, Екатеринбурге и, наконец, в Тюмени, от вокзала железной дороги к подъездному мосту.

«Непроездная грязь екатеринбург-

ских улиц, до устройства мостовых, вероятно также небезызвестна многим из тамошних жителей и однако обыкновенная мостовая прекрасно служит там. Если указывают, что в Екатеринбурге мостовые переделывают, то это потому, что первоначально там был принят тип мостовой из плит и булыжника; вот такие то мостовые и оказались непригодными.

Поэтому вряд ли есть основание убивать сравнительно громадные средства, с риском остаться без таковых на необходимые работы, из-за неосновательной боязни, что обыкновенные мостовые, повсюду принятые и оправдавшие себя, непригодны для Тюмени».

**Здание казенного винного склада,
ныне — завод пластмасс.
Снимок начала XX в.**

В заключение г. А.Ф. Колмогоров сказал, что хотя он и согласился с мнением большинства членов Подготовительной комиссии начать постройку мостовых от Собора, но все же не отказался от своего первоначального мнения, изложенного в проекте.

Целесообразнее, по его мнению, было бы начинать мостовую от вокзального моста по той причине, «что если зимой не успеют заготовить и развезти весь материал для мостовой на Царскую улицу, что ввиду незначительного времени, оставшегося до весны, почти несомненно, то постройка мостовой встретит серьезные затруднения и во всяком случае возведение мостовой при летней доставке камня по немощеным улицам должна возвысить стоимость таковой, тогда как все эти неудобства устраняются начатием работ от вокзального моста».

Справедливость мнения г. А.Ф. Колмогорова подтвердил приглашенный в качестве сведущего лица один из желающих взять подряд по мощению улиц Ф.Е. Ятес, а также поддержали гласные П.И. Подаруев, И.П. Колокольников, И.И. Клериков, Ф.Е. Низовец и многие другие.

Аргументы Колмогорова убедили гласных, от торцевой деревянной мостовой решили отказаться, придя к выводу о большей целесообразности устройства в Тюмени каменной

мостовой. Однако гласные разошлись во мнениях относительно того, предпочесть ли тип обыкновенной мостовой по докладу Подготовительной комиссии и проекту Колмогорова, или же делать двойные по проекту г. Ющинского.

Но наиболее ожесточенные споры вызвал вопрос о месте первоначальных работ по мощению улиц. После продолжительных дебатов эти вопросы решены были закрытым голосованием, причем за обыкновенный тип мостовой было подано 24 голоса, за двойную — 15 из 39 присутствовавших гласных. За начало работ мощения от подъездного моста железной дороги — 26 и за утверждение предположения комиссии начать работы от собора — 13 голосов¹².

Выбор был сделан: обыкновенная каменная мостовая с началом работ от моста железной дороги к Базарной площади.

Если тип мощения был выбран окончательно и больше не обсуждался, то место начала работ обсуждалось еще несколько раз. Слух об этом дошел до тобольского губернатора, на которого были возложены обязанности следить за правильностью использования средств, полученных от полукопеечного сбора.

На имя городского головы от тобольского губернатора поступило письмо, которое было зачитано в городской Думе. Гу-

¹² ГАТО, И-2, Оп. 1, Д.522. Л.6 об.

бернатор поставил точку в споре между гласными: «Так как расход по устройству мостовой относится на специальные средства, поступающие путем взъясания $1\frac{1}{2}$ коп. сбора с пуда товаров и что этот сбор разрешен правительством на 10 лет, исключительно с целью приведения в лучшее состояние подъездных путей, то и не остается по-видимому места недоразумениям и разноречивым мнениям, возникающим в среде гласных Думы... иначе говоря, не подлежит сомнению, что работы должны вестись по направлению к парходным пристаням».

К этому времени в Думу поступили заявления о желании взять подряд на мощение улиц в городе, поданных екатеринбургским мещанином П.Ф. Блиновым, британским подданным инженером-механиком Ф.Е. Ятсом и крестьянином Смоленской губернии И.И. Скирдовым. Подрядчиками была названа стоимость работ: за обыкновенного типа каменную мостовую, в зависимости от сорта камня, от 6 руб. 50 коп. до 10 руб. с квадратной сажени, с тем условием, что планировка земли лежала на обязанности подрядчика, но песок под мостовую должен быть доставлен за счет города.

Подряд на мощение улиц выиграл екатеринбургский мещанин Павел Филиппович Блинов, запросив первоначально 6 руб. 50 коп. за квадратную

**Частный поверенный
Н.И. Беседных.
Фото конца XIXв.**

сажень, затем, однако, цена была повышена до 7 руб. 50 коп.

Повышение цены за работы было обусловлено тем, что исполнительная комиссия на своем заседании 24 января, рассмотрев различные образцы камня, признала лучшим камень из Шарташских каменоломен, доставка которого к железнодорожной станции обошлась бы подрядчику значительно дороже камня, добываемого возле станций Исеть или Баженово. Обязав подрядчика мостить улицы именно этим гранитом, комиссия возложила на подрядчика же устройство боковых лотков, за-

сыпку старых канав и отвозку излишней земли на расстояние до 120 сажен от места работы.

Таким образом, принимая во внимание значительно лучшие качества шарташского камня, в сравнении с добываемым на станциях Исеть или Баженово, а следовательно, и большую прочность мостовой, и перечисленных дополнительных работ, Дума одобрила действия комиссии, полагая, что «комиссия не только не переплатила, но значительно выгорвала из первоначально выпрошенной г. Блиновым цены»¹³.

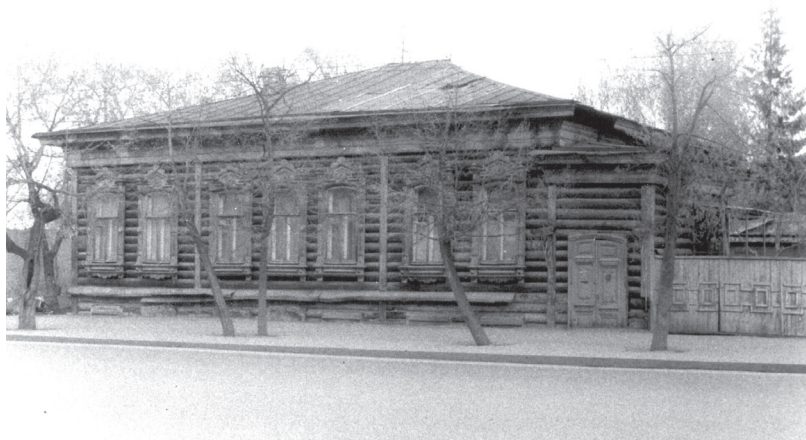
22 апреля 1893 года состоялось заседание городской Думы, на котором городской голова доложил, что с мая месяца решено приступить к мощению улиц.

¹³ ГАТО, И-2, Оп. 1, Д.522. Л.71об.

¹⁴ ГАТО, И-2, Оп. 1, Д.522. Л.115.

Им были отмечены заслуги князя Голицына, в деле ускоренного разрешения вопроса о полукопеечном сборе на устройство подъездных путей в городе. А.А. Мальцев предложил «первую, предназначенную к мощению улицу — от железнодорожного моста до Хлебной площади — назвать «Голицынской».

Городская Дума, разделяя мнение городского головы, постановила: «чтобы увековечить и между потомством незабвенное и дорогое для граждан города имя, улицу, идущую от железнодорожного моста до Хлебной площади, в честь и воспоминание Его Сиятельства князя Григория Сергеевича Голицына наименовать Голицынской»¹⁴.

Дом Н.И. Беседных на Голицынской ул. Не сохранился.
Фото 1999 г.

В течение сезона 1893 года вновь названная Голицынская улица была замощена каменной мостовой от железнодорожного моста до дома братьев Колмаковых¹⁵.

Неожиданно осе-

нию у городских властей возникли проблемы с полукопеечным сбором. Но не потому, что он уменьшился и его не стало хватать на мощение улиц. Как раз наоборот, сбор в 1893 году был таким большим, что на это обратило внимание Министерство финансов. Не просто обратило внимание, но возбудило вопрос об уменьшении полукопеечного городского сбора с грузов, провозимых по ветке Тюмень — Тура.

Первоначально, возбуждая ходатайство, Тюменская городская Дума рассчитывала, что ежегодное поступление денег должно составлять около 12 1/2 тыс. рублей. Этот расчет и послужил тогда основанием к тому, что Министерство финансов, дав согласие на взимание, поставило непременным условием, чтобы срок взимания был

Каменные торговые ряды на Базарной площади со стороны Голицынской улицы.

Фото начала XX в.

ограничен 10 годами. Предполагалось, что сумма в 125 тыс. рублей представляла бы достаточную помощь городу для устройства подъездных путей.

Когда же сумма 1/2-копеечного сбора в одном только 1893 г. превысила 83 тыс. руб., что превышало доходы города по всем остальным видам обложения, в Министерстве финансов забили тревогу. Для примера, городские доходы составляли: в 1887 г. — 67 тыс. руб., в 1888 г. — 73 тыс. руб., в 1889 г. — 77 тыс. рублей.

Министерство финансов, как бы спохватившись, погрозило пальчиком в сторону Тюмени: «к установлению сборов в пользу городов с перевозимых по железным дорогам товаров, должно относиться с крайней осторожностью, и таковые могут быть допускаемы лишь в слу-

¹⁵ Сейчас в этом здании помещается поликлиника №3.

чаях исключительных, при неотложной необходимости улучшения дорожных сооружений и при полной невозможности производства этих расходов на счет городских средств, таковое мнение Министерства финансов высказывало главным образом потому, что сборы эти ложатся тяжелыми накладными расходами на торговлю...».

Министерство финансов, приняв во внимание, что действительное поступление попутного сбора в пользу города Тюмени превысило более чем в 6 раз, то поступление, которое ожидалось городским управлением, нашло, что «дальнейшее взимание оно в размере первоначально запланированном, не может быть допущено и что означенный сбор ныне же должен быть понижен по крайней мере до $\frac{1}{4}$ коп. с пуда...».

Тюменцам пришлось защищать право на «золотой дождь», пролившийся на город, который позволил только за один год сбора замостить целую улицу и вчерне закончить земляную дамбу через городищенский овраг.

Пришлось объяснять, что, во-первых, с момента установления этого сбора с 1 июня 1892 года по 1 июня 1893 года в городскую кассу поступило всего 56772 рубля 10 копеек.

Во-вторых, «такое сравнительно значительное поступле-

ние обусловлено совершенно необыкновенным по своим размерам движением хлебных грузов во второй половине лета и осенью 1892 г.».

В-третьих, в течение всего этого года «не было решительно ни одного заявления на стеснительность его для торговли или промышленности».

В-четвертых, «первоначально предполагалось мостить улицы более дешевым материалом, а ныне в видах большей прочности мощения, по личному одобрению Его Превосходительства начальника губернии, найдено необходимым построить мостовые из лучшего гранита, почему стоимость мощения и возросла до 450000 рублей».

Удалось убедить. Позже будут сделаны каменные мостовые на Царской и Спасской, но первой улицей с каменной мостовой в истории Тюмени все равно останется Голицынская. Улица имени князя Григория Сергеевича Голицына.

Не пройдет и тридцати лет, как городу иметь улицу с княжеским именем станет неприлично — другие времена, другие песни. В 1917 году переименовали Царскую, дошла очередь и до Голицынской. Так на карте нашего города появилась улица Первомайская — улица праздника нового времени.

*Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь**

3. Принадлежности домашней обстановки

Несмотря на сравнительно разнообразные условия жизни, которая бывает жизнью то кочевника, то оседлого, то оленевода, то охотника, инородец Северо-Западной Сибири имеет принадлежности домашней обстановки везде почти совершенно одинаковые; все различие заключается только в большем или меньшем богатстве, в малом или значительном числе вещей, не составляющих предмет первой необходимости. Большинство предметов инородцы делают себе сами, особенно те, материалом для которых служит дерево, береста, кость и кожа, и только вещи металлические приобретаются у русских или у зырян, которые теперь с каждым годом все более и более водворяются в тундре и начинают понемногу делаться ее полновластными хозяевами; да и металлические изделия почти всегда переделываются по-своему, и вернее сказать поэтому, что только покупается один металл, в большинстве случаев в виде ножей, из которых они выделывают разные предме-

ты; собственного железа для литья у них нет, и если они занимаются отливкой, то единственно свинцовых, главным образом, и оловянных отчасти украшений, идущих на одежду и на ее различные части. Судя по некоторым данным — по остаткам и по рассказам стариков, инородцы прежде обладали более подробными сведениями о литье и о хорошей ковке железных вещей, но потом, когда стало легко приобретать эти вещи у русских, у зырян, тогда они бросили этим заниматься и только редко у какого-нибудь остяка или маньзя встретится небольшая наковальня, на которой он поправляет сломанные вещи и совершает преобразование ножа в стрелу, пилу и т.д.

И мужчины, и женщины одинаково занимаются приготовлением предметов, необходимых для их жизни, только берестяные и кожаные вещи делаются, главным образом, женщинами, а деревянные, костяные и металлические — мужчинами.

---

* Окончание. Начало в №4.

Что касается до жилища, то уже раньше было сказано, что оно меняется по временам года и по занятиям хозяина: то оно является в виде небольшого деревянного сруба с немного покатою крышей, то в виде шалаша — чума, сделанного летом из бересты, зимой из оленьих шкур. В местах более южных, как по р. Оби в среднем течении, так и по ее притокам, зимние помещения — деревянные большей частью, располагаются группами по нескольку, 3—20 рядом около реки, озера преимущественно в лесистых местностях, помещения же летние делаются в виде берестяных же навесов, открытых с боков и спереди и защищенных от непогоды только сзади и сверху. Зимний дом представляет из себя четырехугольное, обыкновенно квадратное, помещение, сделанное из нетолстых бревен, вершка 3—4 в поперечнике, или даже из плохо обделанных досок, вырубаемых обыкновенно из одного дерева, которое только в случае большей толщины разрубается посредством клиньев на две части; между бревнами и досками кладется мох. Дом ставится без фундамента и во многих случаях имеет земляной пол, покрытый часто берестой; если же пол деревянный, то он состоит из очень толстых досок, положенных на низенькие столбики, крыша устраивается таким образом, что предварительно к двум треугольникам, высотой до $1\frac{1}{2}$ аршин, поставленным на срубе,

спереди и сзади прикрепляется по продольному направлению 6—7 тонких бревен, к которым привязываются, посредством кедровых корней, тонкие драмки, затем в несколько слоев накладывается береста, предварительно вываренная и сшитая часто в несколько полос, и сверху все закладывается рядом тонких бревен или даже досок; потолка обыкновенно не существует, и вместо него тянутся внутри несколько шестов для развешивания предметов домашнего быта и одежды. Снаружи к той стене дома, где дверь, т.е. большей частью к южной — присоединяется небольшая пристройка, напоминающая наши сени, которая зимой закрывается досками со всех сторон, причем оставляется только небольшое место для прохода, а летом разбирается; в ней обыкновенно хранятся дрова и разные громоздкие вещи; дверь, ведущая в дом, очень низка, а порог довольно высок. Направо от входа, в углу, помещается всегда печка — чувал, напоминающая наши каминны и сделанная в виде дупла, с выемкой спереди, из сучьев, обмазанных глиной; чувал продолжается выше крыши и оканчивается трубой, которая в сильные холода закрывается особым приспособлением, сделанным из дерева и сверху покрытым слоем глины; в чувале сверху свешивается крюк, на который подвешивается чайник и котел; в правой от входа стене, обращенной на во-

сток, делается небольшое окно, в которое в настоящее время вставляется часто стекло, а прежде или олений пузырь, или рыба кожа, иногда и в противоположной стене делается такое же окно, но это бывает довольно редко; вдоль остальных двух стен устраиваются нары, приподнятые на $\frac{1}{2}$ аршина от полу и покрытые обыкновенно оленьими шкурами; нары эти разделяются на отделения перегородками аршина в два вышиной, недоходящими все-таки до крыши, и напоминают собой стойла; число отделений зависит от числа взрослых членов семьи, так как обыкновенно у каждого из них имеется свое помещение, причем то, которое находится в переднем углу, служит помещением для главы дома и для хранения шкатулки с дорогими вещами, а главное — с изображением богов. В перегородках иногда делаются небольшие окошки; у передней стены, налево от входа, нередко устраивается как бы этажерка с несколькими полками для разных припасов и принадлежностей.

Около дома находится один или два небольших сарайчика на высоких (до сажени) ножках, в которых хранятся все запасы и все богатство инородца; высокие ножки делаются с целью спасения своих богатств от весенних затоплений и от мышей, которые там, как и здесь, довольно падки до чужого добра; иногда на эти ножки набиваются кружки, или,

напротив, в них делаются выемки, чтобы затруднить движение всякого зверя, стремящегося в амбар; подобного же рода сарайчики устраиваются и в местах обитания какого-нибудь бога, где у него хранятся все припасенные вещи; в таких сарайчиках нередко бывают против двери настожены луки и ружья, так что всякому, кто отворяет дверь без принятия должных мер предосторожностей, грозит смерть, что иногда и бывает; замки на этих сараях, равно как и на домах, обыкновенно отсутствуют, и от этого никаких зол не происходит, только в последнее время, когда по рекам стали разъезжать с мукой, солью и другими припасами зыряне, стали случаться кражи тем более легкие, что летом инородец переезжает на рыбную ловлю и оставляет свой дом на несколько месяцев совершенно пустым.

Берестяной чум представляет из себя палатку, сделанную из продольных полос вываренной бересты и прикрепленной к шестам, которые сходятся наверху, где и образуется отверстие для прохода дыма от костра, горящего целый день, а иногда и ночь, посередине чума; дверью служит или оленья шкура, или берестяная покрывка, прикрепленная при помощи кедровых корней; пол иногда покрыт весь берестой, а большей частью только его крайние части заняты оленьими шкурами — постелями; на высоте $1\frac{1}{2}$ –2 аршин висят пал-

ки с нанизанной на них рыбой, повешенной для вяления и копчения, поэтому даже и летом огонь горит весь день.

В сильные холода отверстие сверху закрывается оленьей шкурой, но, несмотря на это, внутренняя температура редко бывает выше внешней градусов на 10.

Кроме подобного чума, летом нередко строят себе просто навес: вбивают два толстых кола, вышиной до 2 аршин, с развилкой наверху и на таком расстоянии друг от друга, какой длины хотят сделать жильё; затем, отступя от этих кольев аршина на $1\frac{1}{2}$ —2, начинают вбивать ряд шестов, на 5—7 вершков друг от друга, и на высоте $1-1\frac{1}{2}$ аршина их перегибают и связывают с перекладной, положенной на развилки; помещение готово, правда, неприхотливое, и нельзя сказать, чтобы особенно удобное. Во время рыбной ловли около таких построек всегда существуют приспособления, напоминающие собой беседки для развешивания рыболовных снастей; иногда они заменяются столбами с рядом перекладин. Среди построек, находящихся около дома, необходимо упомянуть баню, которая встречается, правда, очень и очень редко, и преимущественно по Оби в среднем ее течении. Делается она в виде обыкновенного зимнего помещения, только без пола, чужала и окна, которое заменяется небольшими проре-

зами в стенах; вместо чужала посередине или в углу навале-на гряда камней, имеющих вид печки, под них кладется трава, дрова, и благодаря этому камни нагреваются и при обливаниями их водой получается пар.

В местах более северных — в тундре зимние помещения имеют вид летних чумов, сделанных только из оленьих шкур; внутри них раскладывается огонь, сверху свешивается крюк для котла; внизу находятся оленьи шкуры — вот и вся обстановка. Около такого чума всегда находится несколько саней — нарт, нагруженных разными запасами и имуществом инородца, который их перевозит с места на место до встречи с каким-либо торговцем, покупающим и променивающим свои товары на продукты его оленеводства, рыболовства и охоты.

Лишь только наступают заморозки и движение на лодках делается затруднительным, инородец начинает готовить себе сани-нарты, которые бывают не одной формы, а нескольких. Осенью, когда еще снегу мало и болота плохо промерзли, да и олени не пришли еще с гор и из более северных мест, куда их загоняют на лето от комаров и мушкар, тогда движение совершается при помощи собак, запрягаемых в небольшие нарты, напоминающие наши детские санки, на которых катаются с гор; нарты эти на низких копыльях и длиной не более $1\frac{1}{2}$ аршин, а

шириной до 12 верш.; в них запрягается различное число собак — от двух до двадцати, что зависит от тяжести груза и от длины и трудности пути; обыкновенно полагается, что хорошая собака может везти тяжесть в два пуда со скоростью пяти верст в час и в продолжение трех-четырёх часов с небольшими передышками; вообще же собаки могут делать переезды не более 30—35 верст в сутки, и то если снег не особенно жесткий, иначе они обивают себе ноги и тогда решительно останавливаются. Вся собачья упряжь состоит из ремennого или какого-либо другого более мягкого пояса, обхватывающего сзади туловище, и от которого между ногами идет ремень, прикрепленный к нартам; возжей нет, а останавливают, погоняют и поворачивают при помощи длинного шеста с округленным концом; обыкновенно запрягают парами гуськом, причем впереди идет одна собака, ученая, которая направляет движение остальных, понимает приказания ездока и смотрит за порядком, так как иногда, если прочие собаки везут плохо, она оборачивается и дает им трепку; такая передовая собака ценится дорого — до двух оленей, между тем как простые 50 к. — 1 р.; иногда запрягают не парами, а четверками в ряд, если езда совершается гуськом, то передние собаки прикрепляются или посредством длинного ремня прямо к нартам, или посредством корот-

кого к поясу, обхватывающему переднюю часть туловища следующих за ними собак. Зимой обыкновенно при помощи собак возят воду, дрова, рыбу из язей, охотник свои припасы в лесу и т.д., при этом человек уже не садится на нарты, а идет рядом, если же едет, то обыкновенно один, причем требуется немалая ловкость: нарта низка, ноги приходится держать на весу, много встречается оврагов, спусков в реки, надо уметь держаться, а тут еще иногда из-за куста выскочит заяц или лисица, и тогда собака поминай как звали. Неопытный ездок при моментальном повороте вываливается, собаки убегают, и приходится идти пешком, вот почему и берут с собой лыжи. Собаки возвращаются домой только через день, через два, и то вынужденные чаще голодом, и инородец, хотя и поучит их, но все-таки покормит или рыбой, или заварит им мучную похлебку; такая кормежка совершается обыкновенно раз в день, и только уже при полном отсутствии всяких запасов собаки предоставляются самим себе; даже отправляясь на охоту, инородец обязательно берет запас из рыбы не только для себя, но и для собак.

При езде на оленях пользуются постоянно санями, даже летом, так как передвижение по тундре и по горам, где обыкновенно олени проводят это время, гораздо легче совершается при помощи полозьев, чем колес.

Оленьи нарты делаются, понятно, гораздо больше, чем собачьи, и обыкновенно на очень высоких копыльях — до $1\frac{1}{2}$ аршина вышиной во избежание провалов; причем одни нарты приспособлены для перевозки товаров, другие — для передвижения людей; последние гораздо меньше и легче. В нарту запрягают от одного до четырех оленей и всегда в ряд, причем как быков, так и коров, что зависит от требований езды: быки бегут тише, но зато они выносливее и сделать для них в сутки до полутора верст при легкойклади — дело обыденное; обыкновенно же на нарту, запряженную парой оленей, накладывают грузу не более десяти пудов, и они везут ее со скоростью 8–10 верст в час, и так в продолжение 10–12 часов, причем олени очень часто, минут через пятнадцать, останавливаются на одну–две минуты, забирают «дух», как говорят, и едут опять. Часа через два надо давать более продолжительные отдыхи. Эти минутные остановки, между которыми проезжают $2-2\frac{1}{2}$ версты, дали основание вести по ним счет расстояниям; так говорят: от этой речки до той — 20 духов, и т.д.

Упряжь оленя не сложна, она состоит из узкого кожаного или какого-либо другого ремня, обхватывающего шею оленя, затем более широкий и обязательно кожаный ремень, соединяющийся внизу с шейным, окружает тело оленя, ближе к передним ногам и от него

идет между задними ногами ремень, который прикрепляется посредством костяшки с двумя отверстиями к передку нарты; голова оленя около рогов обхватывается целым рядом костяшек, связанных между собой ремешками, которые соединяются, в свою очередь, с шейным ремнем; к рогу крайнего слева оленя привязывается одна вожжа, благодаря которой и совершается управление всей парой, тройкой или четверкой: когда приходится повернуть оленей налево, то вожжа натягивается, и левый олень, обученный, подобно тому, как передовая собака в собачьих нартах, тянет за собой остальных; когда необходимо повернуть направо, тогда той же вожжой ударяют оленя по спине и длинный шест (аршина 4–5 длины с округленным концом наверху и железным копьём внизу, употребляемый вместо кнута и тормоза) держат вдоль оленьего тела и слегка к нему прижимают; останавливают натягиванием вожжи, втыканием шеста в землю или снег и криком э-ээ-охо-хо-хо-о-о-о, погоняют ударом вожжи, тыканьем тупым концом шеста и криком эхэ-хэ-хэ-хэ-э-э-э-э.

Благодаря тому, что костяшки, привязывающие оленей к нарте, прикреплены подвижно, более ленивый олень или вообще менее везущий всегда ближе к передку, который обивает ему ноги и заставляет бежать наряду

с другими; обыкновенно крайний слева олень бежит рысью, между тем как остальные галопируют, и самой лучшей ездой считается та, при которой этот олень никогда не сбивается и постоянно рысит. При небольших задержках достаточно воткнуть шест рядом с оленями и самое большое намотать на него вожжу, чтобы быть уверенным, что они не разбегутся; при продолжительных же остановках, например, при ночевках, когда оленей распрягают, их уводят куда-нибудь поблизости, где растет олений мох, и оставляют так до утра, только на одного надевают колоколец, чтобы знать приблизительно, где они ходят, на оленей же более буйных надевают на шею деревянный обруч, с подвязанной к нему рогулкой такой величины, чтобы она моталась между ног, то же самое делают иногда и с собаками.

К езде оленей обыкновенно приучают на 2–3 году, для чего предварительно их ловят, привязывают на длинной веревке к дереву или чуму, затем эту веревку все более и более укорачивают; потом, дня через два, привязывают сзади к запряженной нарте и сперва едут тихо, затем все быстрее; поездивши немного таким образом, на оленя начинают надевать сбрую, припрягают к нарте, и обучение кончается; бывают олени, которые сразу понимают всю эту премудрость, и на другой-третий день ездят не хуже старых, но есть

и такие, которых не могут приучить в две–три недели и от которых приходится отказываться, тем более, что упрямство свойственно и им. Когда приходится куда-нибудь ехать, тогда начинают ловить езженных быков и коров, в чем деятельное участие принимают собаки, гоня обыкновенно на хозяина нужных ему оленей. Ловля производится посредством длинного (до 10–15 сажень), сплетенного из оленьих ремней аркана, который на конце имеет подвижную петлю; достаточно, чтобы аркан слегка задел оленя или упал на концы его рогов, чтобы он остановился и стал бы ждать хозяина; иногда в больших стадах, чтобы не терять напрасно много времени на поимку оленей, их приучают по известному зову — о-о-о-о! прибегать, и особенно это легко достигается с теми, которые прикормлены хлебом, что у оленеводов иногда практикуется.

Домашних оленей существует две породы: одна большая, другая малая, причем замечается, что приплод всегда бывает таков, какова мать: мать мала — теленок невелик, мать большая — большой и теленок; это различие в величине можно отчасти объяснить тем, что домашние олени очень часто сходятся с дикими, которые вообще гораздо больше их, особенно быки, хозяева стараются всегда бродить со своими стадами там, где есть дикие, чтобы увеличить и вообще улучшить свою породу. Сред-

ним числом на 25 коров полагаются один бык, причем коровы, как и быки, обыкновенно начинают сходиться на втором году жизни от рождения; иногда бывают, впрочем, случаи, что корова, рожденная весной, осенью покрывается быком и следующей весной приносит уже теленка, но это вообще большая редкость. Оленеводы на это смотрят как на хорошее предзнаменование и вполне уверены, что стадо, в котором произошел такой случай, будет отлично размножаться и не будет страдать от болезней. В половине сентября, иногда даже в октябре, происходит покрытие коров, причем старые быки пользуются всеми преимуществами, и молодой только украдкой удается иногда воспользоваться запрещенным плодом. Впрочем, здесь право на стороне сильного, иногда между молодыми попадают настолько крепкие, что они делаются полными хозяевами стада; если быков очень много, то оплодотворение совершается довольно плохо — они постоянно дерутся, иногда даже насмерть, сшибают друг друга, и даже пастухи ходят в это время обыкновенно с палками; во избежание несчастных случаев самцам отпиливают рога; даже те, на которых ездят и которые более привыкли к человеку, и то нередко нападают на своих хозяев; олени выложенные в это время также не спокойны и ищут самок. Выкладывание обыкновенно происхо-

дит на втором-третьем году от рождения и производится тремя способами: раздавливанием яичек зубами, разбиванием их палкой и подрезыванием кожи с вылушением; последний способ практикуется довольно редко благодаря тому, что олень, вследствие отсутствия перевязки теряет много крови и ослабевает, при совершении операции оленя валят на землю, привязывают задние ноги к шее и приступают к делу; каким бы способом операция не производилась, дня через три всегда начинается воспалительный процесс и мошонка отпадает. Выкладывают обыкновенно в августе до наступления яра, редко во время яра и почти никогда весной, так как тогда олени дольше не поправляются сравнительно с осенью и даже иногда умирают. С 23 апреля (Юрьева дня) до начала июня рождаются телята; мать сама отделяет пуповину, причем иногда, засасывая ее, прорывает, выходят внутренности, и новорожденный умирает; если только что родившегося теленка взять голыми руками и положить перед матерью, то она не будет его облизывать, необходимо брать рукавицами; чтобы поправить свою ошибку, надо помазать теленка жидкостью, выходящей из vulv'ы, и опять положить перед матерью, которая начинает тотчас же его лизать; облизанный теленок сейчас же подымается на ноги и начинает бегать, если мать не дает себя

сосать, то ей связывают передние ноги, и она остается на одном месте, но при таком способе кормления теленок, чувствуя, что мать его не облизывает, что она обыкновенно делает всегда в первое время по рождении, отстают и больше не сосет; во избежание этого его в это время гладят куском кожи, и он, думая, что его лижет мать, остается спокойным. Если вскоре после его рождения стадо переносит на другое место, олени перемешиваются и телята теряют своих матерей, то они возвращаются назад, бегают кругом иногда 2–3 дня, до тех пор, одним словом, пока мать, отыскивая его, не прибежит к нему сама и не уведет его с собой. Бывают случаи, что сразу появляются двойни, но это довольно редко, и тогда обыкновенно одного из телят подпускают к другой матери, у которой свой теленок погиб, что, надо заметить, бывает нередко, особенно если холодные весны и сильные ветра; гораздо чаще, впрочем, случается другое, когда корова совсем бывает неплодной или же в продолжение многих лет не дает телят; пол приплода, по наблюдениям инородцев, меняется по годам — год бычок, год коровка, хотя иногда такая последовательность и нарушается; производить искусственно тот или другой пол они не умеют, и то же самое можно сказать относительно цвета теленка, который часто совершенно не подходит под цвет родителей: у совершен-

но белых отца с матерью иногда рождается темный теленок. Сосут обыкновенно телята своих матерей до Покрова (1-го октября), после чего отстают. В конце июня (около Петрова дня — 29 июня) и в начале июля олени начинают менять шерсть, причем быки раньше, чтобы к яру совсем вылинять; рога самцы сбрасывают преимущественно весной, хотя это случается и в другое время года и даже иногда зимой, но в последнем случае они до марта — апреля ходят без рогов; если легчат осенью, то дней через 10–12 после совершения операции рога спадают, если только раньше были признаки скорой их смены, например, постоянное чесание о деревья; если же подобных признаков не было, то рога остаются до весны, когда они их теряют все-таки раньше других; если самка сбрасывает рога раньше теленка, то это служит верным признаком, что она не будет телиться, так как обыкновенно рога у нее спадают только через 7–10 дней после разрешения от бремени. Если корова была покрыта быком, то на ней ездят только до весны, а с марта до октября или ноября ее оставляют в покое и тогда ездят только на неплодных и на быках.

Среди болезней, которые часто свирепствуют между оленями, необходимо указать на копытную и головную, как на такие, которые чаще всего бывают причиной их смерти. Копытная

преимущественно происходит летом (зимой редко) и заключается в том, что между копытами появляется вначале ранка без отделения материи, затем является опухоль, которая становится все больше и больше, и олень через несколько времени умирает; если ранка обнаруживается на маленьких копытцах, то их отрезают, и олени большей частью выздоравливают; если же между большими копытами, то продевают сквозь них ремень, крепко связывают, и нередко бывают случаи выздоровления. Самое же опасное, когда ранка появляется наверху копыт; опасность увеличивается еще оттого, что олени лжут в таких случаях ноги, отчего у них распухают губы, язык и десны; болезнь заразна, и если она появилась, то нередко 20–30% погибает из всего стада, причем заболевает обыкновенно половина, но остальные 30–20% выздоравливают; несмотря на такой заразительный характер болезни, мясо павших оленей едят, но только не сырое, а хорошо проваренное, причиной болезни считается излишняя сырость; средствами от нее служит частая перегонка оленей через воду и пересыпка ран пережженным железным купоросом и смазывание их затем коровьим маслом (понятно, последний способ может практиковаться только оленеводами, имеющими сношения с русскими и зырянами), холод в это время в высшей степени полезен.

Головная болезнь заключается в опухоли головы и происходит обыкновенно осенью при наступлении дождливого времени, когда шерсть и рога постоянно смачиваются и нередко начинают преть, поэтому олени с обломанными рогами, к числу которых больше принадлежат невыложенные самцы, поэтому чаще всего и страдают; болезнь незаразительна, но действует очень быстро — дней через 5 после обнаружения олени погибают, тогда как при копытной они иногда страдают до 2–3 месяцев; средств против этой болезни не принимается, выздоравливают очень редко, и обыкновенно из всего стада страдает от 10 до 20%; как на средство предохранительное указывают на замазывание или на обжигание обломанных и отпиленных рогов (отпиливают часто не только во избежание несчастных случаев от раздраженных самцов, но также и потому, что существует мнение, что олени без рогов гораздо лучше и скорее откармливаются, чем с рогами), мясо оленей, павших от этой болезни, в пищу употребляется. Кроме этих болезней, еще встречаются и другие: так называемая чума, при которой олени быстро пухнут и через день-два умирают, причем иногда шкура лопается, и под ней обнаруживается как бы белая пена. Болезнь в высшей степени заразительна и она переходит на людей, поэтому мясо таких оленей не едят и шкуру не снимают. Средств против нее

не знают и только стараются отогнать здоровых оленей от больных, чтобы предохранить их от заражения, но это не всегда удается, и нередко бывает, что стадо в две—три сотни голов погибает в 1—2 недели, и бедные оленеводы не знают, как добраться до следующего чума, и бывают случаи, к счастью редкие, когда такие обедневшие инородцы погибают с голоду в тундре вследствие потери сил и неимения возможности добраться до какого-нибудь жилища, отстоявшего часто верст на 100—200. Замечают, что эта болезнь встречается более или менее постоянно на одних и тех же местах, которые поэтому всеми силами избегаются, и только голод, отсутствие корма в других местах да русское «авось», которое развито и там, заставляя часто забывать прошлое горе, чтобы испытать новое. Нередко олени страдают и от болезни легких, причем эта болезнь, видимо, зависит от разных причин: олени весной и летом, особенно во время жары, начинают кашлять, хиреть и осенью большей частью умирают. Если и переживают зиму, то для того только, чтобы следующей весной обязательно погибнуть, так как случаи выздоровления бывают весьма редки. При вскрытии обнаруживается гнилостное состояние легких и иногда их прирастание к соседним органам, болезнь эта незаразительна и случается редко, так как шкура и мясо идут в дело, то инородцы и

не особенно заботятся о лечении больных оленей, хотя, если есть, то дают им в пищу медвежье сало, которое, по их мнению, отлично помогает. Кроме этой болезни, олени начинают хиреть, заметно худеют, слабеют, перестают есть и тихо умирают: ни внешних, ни внутренних признаков болезнь эта не имеет и зависит, как говорят оленеводы, от слабости легких. Обыкновенно подобных оленей убивают раньше, чем болезнь разовьется до крайних пределов, мясо едят, шкуру употребляют на одежду или на что-нибудь другое, и поэтому болезнь эта, особенно при ее незаразительности, существенного вреда не приносит, мер против нее не принимается. Иногда олень, совершенно здоровый по внешности, вдруг падает и ментально умирает; при вскрытии обнаруживается, что в сердце, печени находятся белые червяки, которые иногда заполняют собой все эти органы и служат причиной смерти. Если подобная болезнь появилась в стаде, то она захватывает немало голов скота, но средств против нее инородцы не знают и только стараются тогда избегать сырых мест и почаще перегонять оленей с места на место. Мясо и шкура не бросаются, а идут в дело. Болезнь встречается в продолжение всего года, но особенно весной и осенью, и в этом отношении сходна с болезнью глаз, которая точно так же бывает в течение всего года; при этой болезни олени слепнут, а иногда глаза вполне вытягивают-

ся и лопаются. В первом случае больные иногда живут по нескольку лет и на них инородцы даже ездят, а во втором их убивают и убьётка большого при этом не получают, так как и мясо, и шкура идут в употребление, средств против этой болезни не знают, за исключением частого, по мере возможности, окачивания головы холодной водой. Если олень в дороге от быстрой езды захромает, то ему из ног пускают кровь, если натрет сбруей, то мажут медвежьим салом или рыбьим жиром с солью. Олень лижет соль и зализывает раны.

Кроме упомянутых болезней, причиной повальной гибели оленьих стад служат иногда холодные весны, сильные вьюги, глубокие снега, крепкий наст, т.е. причины, которые затрудняют доставание питательного материала и против которых оленевод решительно поделаться ничего не может, разве только что перегнать стада поближе к Ледовитому морю и подальше на восток, где вообще снега гораздо меньше.

Новорожденный олень до месяца носит название пыжика — *пазых*, до году пешки, причем шкурка пешки до начала августа называется *но́плу*, сначала августа до сентября — маличным неплюем, с октября — постельным неплюем; от года до двух — *сурди хар* (бык) и *сурди* (корова или, как говорят, важенка), старше двух лет бык называется *хонт*, если он вы-

ложен, и если нет, то просто *хар*, важенка — *нэ сали*, бык выезженный зовется — *суннын'э сали*, а выезженная важенка — *суннын'э нэ сали*.

Ввиду того, что олени стада иногда вследствие каких-либо причин поручаются постороннему человеку, которому они сдаются на счет и от которого таким же образом принимаются, существует довольно остроумный способ взаимной проверки доверителя и получателя: на гладкой длинной узкой дощечке отмечаются поперечными полосками, крестами, кружками число оленей различного пола и возраста, и потом эта дощечка разрезается вдоль на две равные части так, чтобы каждая из них имела одинаковые знаки; при проверке эти части складываются и подлога тут быть не может; если знаки сходятся, то верно, если нет, то это указывает на то, что чья-нибудь половина сделана впоследствии. Таким образом поступают и при долгах, причем если немного уплачивается, то обе половинки дощечки складываются и соответствующая уплате часть отрезается. Главная причина поручения оленей постороннему человеку заключается в том, что хозяин их по каким-нибудь причинам не может идти со своим стадом на горы или к морю — по болезни ли, или по чему-либо другому. Часто также имеющие мало оленей находят выгоднее для себя поручать их какому-нибудь истому оленеводу,

а самим заниматься ловлей и звериной охотой. Условия, на которых происходит эта временная передача оленей, бывают различны, но обыкновенно взявший их на себя имеет право воспользоваться половиной приплода и мясом убитых, но последнее только в том случае, если ему было поручено хозяином привезти и шкуры, а не пригнать живьем. Иногда расценка идет на деньги, и тогда за каждого оленя платят 20–30 копеек, но этот способ практикуется реже.

При ходьбе на дальнее расстояние, а также при отправлении на охоту инородцы, особенно маньзи, подвешивают себе на спину, подобно ранцу, особый берестяной щит — *ныт*, длиной до аршина, к которому посредством ремней и веревок прикрепляют необходимые в дороге припасы и разные принадлежности; при таком способе переноски тяжестей руки остаются свободными и не так быстро чувствуется усталость — при ноше весом до трех пудов инородец в сутки свободно проходит до 35–40 верст при плохой неровной дороге.

Материалом для ремней и веревок, употребляемых в домашнем быту, служат не только шкуры оленей и их жилы, но также и шкуры моржей, морских зайцев, кора различных деревьев, преимущественно тальника, и т.д. Вещи из этого материала готовятся самими инородцами, равно как и другие предметы из домашнего быта, только, как уже

было сказано, железные произведения: топоры, ножи, пилы, долота, всевозможные скребки, котлы, чайники — покупаются ими у русских и зырян и или переделываются по-своему, или входят в употребление без изменения. Берестяные вещи: чашки, ведра, коробки низкие и высокие, ковшики, табакерки, воронки, спичечницы, люльки и т.д., вещи деревянные: блюда, ложки — все делается самостоятельно и нередко поражает тем разнообразием рисунков, которое часто замечается на изделиях. Трудно найти какую-нибудь берестяную вещь, чтобы она не была покрыта узором, состоящим почти всегда из прямых линий, пересекающихся в различном направлении друг с другом. Линии округленные встречаются очень редко, узоры эти обыкновенно делаются при помощи простого ножа: вещь, которую хотят покрыть узорами, мочат предварительно водой, затем без всяких чертежей прямо приступают к соскабливанию, и при этом рисунки выходят совершенно правильными, места соскобленные более светлые, чем остальные, иногда красятся нэрпом и таким образом еще более выдаются. Кроме того, прежде, теперь редко, узоры на бересте не вычищались, а выбивались при посредстве костей с вырезанными на них рисунками, преимущественно круглой формы, с помещенными внутри их крестами и другими фигурами, образованными из прямых линий.

На деревянных изделиях и на косяных узоры встречаются редко, что зависит, конечно, от большей трудности их производства, чаще всего на них встречаются знаки собственности — *тамги* и иногда рельефные фигурки, изображающие только птиц, как, по крайней мере, приходилось видеть мне. Корни кедра, ветви черемухи и тальника служат, помимо приготовления рыболовных снастей, также и для делания особых корзинок, в высшей степени прочных, и для плетения ковров, которыми иногда покрываются разные припасы и которые чаще всего заменяют наши салфетки и столики, особенно зимой при еде мерзлой рыбы и оленины. Эти же коврики служат иногда и местом для ползания детей, которых инородцы в высшей степени любят и которых стараются окружать со дня рождения всеми возможными в их положении удобствами, что особенно рельефно выдается в устройстве их люлек. Эти люльки довольно разнообразны по внешности, но они все имеют своей задачей доставить наибольшие удобства ребенку. Материалом для них обыкновенно служит береста или тонкие деревянные дощечки, которые сшиваются друг с другом или оленьими жилами, раз это береста, или кедровыми корнями, раз это дерево. Люльки бывают дневные и ночные. Первые делаются таким образом, чтобы ребенок находился в сидячем положении, почему люлька пред-

ставляет из себя ящик с прямой спинкой, к которой он и прислоняется. Такое устройство имеет то удобство, что при ходьбе, при путешествиях вообще пешком, люльку подобного рода легко можно привязать к спине, и ребенок остается спокойным, мало того, легкое покачивание, производимое всегда при ходьбе, усыпляет его, и он, не стесняя матери, чувствует себя прекрасно и бывает большей частью совершенно доволен. Колыбель ночная делается в виде ящика, ровного по всей своей длине, и в которой единственно возможное положение — лежачее. Такой ящик ставится на ночь обыкновенно около матери, которая при малейшем крике ребенка кормит его и успокаивает.

Кроме этих берестяных люлек, употребляются иногда, но гораздо реже, люльки деревянные, которые по своей форме очень напоминают наши зыбки и заимствованы от зырян: одна из них — чумовая — овальной формы, носит название самоедской, а другая более встречается у оседлых инородцев — четырехугольная с двумя обручами сверху для подвешивания занавески в защиту от комаров и мушкарки и называется зырянской. Внутри всякой люльки находится прежде всего небольшой берестяной ящик — *няурам хуйнэ сан*, в который кладется гнилое дерево *няурам хуйнэ сан*, олений волос, преимущественно с шеи животного, где он наиболее длин-

ный, *няурам хуйнэ тулах* или *сали тоуль нун*, одеяло — теплое зимой и холодное летом — *няурам хуйнэ лэн'гв*, подушка — *осма хурых*, затем сверху все покрывается чем-то вроде второго одеяла, подшитого обыкновенно шкурой *пазых* или *нөплю*, и все затягивается снаружи ремнями, которые протягиваются через петли *няурам хас-нэ куалых*, расположенные по обе стороны люльки, снизу прикрепляется еще ремень, *аба новитан куалых*, за который качают. Если ребенок — мальчик, то на *penis* накладывается небольшая берестяная пластинка — *сас нетмиль сас* во избежание сырости, так как благодаря ей влага стекает к концу люльки, где гнилое дерево быстро ее впитывает. Второе отличие люльки мальчика от люльки девочки заключается в том, что в спинке денной колыбели делается или из ремней, или выскабливается на бересте крест, раз это мальчик, и поперечная полоса, если это девочка. Люлька часто подвешивается посредством веревки — *нон х та хытен куалых* к дереву, к потолку и т.д.

Еще ребенок в люльке, а уж его стараются занять разными игрушками, которые сперва делаются матерью или даже отцом, который этого не стесняется и который вообще нянчится с ребенком не меньше женщины, а потом он сам начинает себе делать то, что ему наиболее нравится. Игрушки явля-

ются полным подражанием или самим инородцам, или их обстановке: мужчины, женщины, девушки в полном костюме, дети в люльках, отдельные части одежды, лодки, сани, блюда, ложки и т.д. — все можно найти среди игрушек, приготовляемых из шкурок, глины, черного хлеба и дерева. По мере того, как дети растут — меняются и игрушки: у мальчиков заводится лук со стрелами, у девочек — игла с ниткой, и от детских забав постепенно переходят к тем занятиям, которые дают средства к жизни взрослым и которых лишены обыкновенно престарелые.

В привезенной коллекции имеются следующие предметы, относящиеся к принадлежности домашней обстановки:

1. Модель зимнего помещения инородцев неоленовдов.

2. Модель самоедской нарты — *өрн сун**, употребляемой для собственных поездок, тогда как

3. *Курам сун* имеет главной задачей перевозку товаров; от *өрн сун* отличается большой величиной, отсутствием возвышенного задка и передка, менее загнутыми полозьями и несколько иным устройством копыльев, которых обыкновенно здесь бывает только три пары, тогда как у самоедской — четыре, расположенных весьма близко друг от друга; кроме того, к передней паре прикрепляется ободок,

* Полозья — *сун патта*, копылья — *сун льяль*, шатины (бруски, идущие сверху параллельно полозьям) *сун саит*.

изогнутый дугой, который их делает гораздо устойчивее.

4. Упряжь на тройку оленей. Все принадлежности сделаны из оленьих костей и ремней*.

5. Вожжа — *нёл куалых* со своими двумя косточками — одной несколько изогнутой, другой прямой, благодаря которой она прикрепляется к корню рогов. Кости эти покрыты резными узорами.

6. Деревянное кольцо с рогулкой — *сали сьп ив*, надевается на шею буйного оленя, чтобы он далеко не отбежал от места ночевки, самое кольцо называется — *сьп ив ляк*.

7. Аркан — *тынзян*, употребляется для ловли оленей, как диких, так и домашних. Хороший ценится не дешевле пяти рублей, потому что даже не всякий оленевод сумеет его хорошо сплести; делается из ремней, вырезанных из оленьей шкуры.

8. Железный наконечник на шест, употребляемый при езде на оленях.

9. Пила — *сартнэ кэр* для пилки рогов, покупается у зырян за 80 коп.— 1р., ручка делается самими инородцами.

10. Топор — *сахран*, оттачивается с одной стороны, топориче — *из хал ив*, делается очень длинно и обыкновенно из березы. Топор составляет обыкновенную принадлежность и мужчины, и женщины, раз они отправляются в дорогу; употребляется для рубки дров, что всегда, между прочим, делается женщинами, для приготовления досок, для построек и т.д. Покупается за 1—3 рубля.

11. Долото — *толат* для прорубания дырьев при разных постройках, покупается за 80 к.—1р.

12. Сверло толстое — *озын пазх лап*, главным образом, употребляется при делании нарт; железная часть его покупается за 40—60 копеек.

13. Коса — *нум са хрын кэр*, встречается у инородцев, живущих в местах более южных, где существует изредка рогатый скот. Железная часть приобретает за 1р.—1р. 50 коп., а ручка — *налэ* делается самими. Подобной косой инородцы делают на зиму запасы сена, причем сено собирают вполне сухое и помещают на особых деревянных переплетах на некотором расстоянии от земли во

* Крайний олень справа называется *оуль сали*, средний — *котль сали*, крайний слева — *сар сали*, ремень, надеваемый на шею — *вахлап*, на грудь — *соль куалых*, ремень с мелкими принадлежностями, надеваемый на голову крайнего оленя справа — *оуль сали пал куалых*, среднего — *котль сали пал куалых* и крайнего слева — *сар сали пал куалых*, вожжа — *нёл куалых*, пряжка, через которую проходит вода — *халь салив*, изогнутая и прямая кость, которая находится на вожже — *сар сали сянва*, ремни, идущие от оленей к нарте — *ляк куалых*, поперечный ремень у передка нарт — *хурум лонгх сали*, костяные пряжки на нем — *лонгх сали*, ремешки, которыми — *ляк куалых* привязываются к *хурум лонгх сали* — *лонгх сали куалых*.

избежание подмочки. На этих деревянных приспособлениях сено окончательно проветривается и бывает большей частью довольно хорошо, такой способ сохранения сена встречается и у сибирских татар, а также и у русских, живущих в болотистых местах.

14. Зырянская вилка для вынимания мяса. Употребляется теперь и инородцами, ценность ее доходит до 30–50 копеек.

15. Чайник — *сай нут*, покупается за 1–2 р., составляет в настоящее время почти необходимую принадлежность каждого инородца, которые вообще до того привыкли к чаю, что с трудом обходятся без него.

16–17. Два берестяных ведра для воды — *вит вит*, покрыты узорами и имеют ручки, сделанные из оленьего рога, причем одна из них украшена сверху резной фигурой какой-то птицы.

18. Ковш для воды — *сас умти*, из бересты с деревянной ручкой. Покрыт как снаружи, так и внутри разнообразными узорами.

19–20. Два высоких берестяных коробка с крышкой, прикрепленной на ремнях — *алан 'э ханзан 'э сан*, покрыты узорами, употребляются преимущественно для хранения жидких веществ — водки, рыбьего жира и т.д.

21–22. Два низких разукрашенных узорами берестяных коробка с крылышками — *алан 'э хазан 'э сан*, употребляются, главным образом, для хранения сыпучих веществ.

23. Два низких берестяных с узорами коробки без крылышек — *ханзан 'э сан*, употребляются для временного хранения разных жидких и сыпучих веществ и для постоянных предметов, не подверженных порче.

25. Мыльница из бересты с крышкой и с узорами — *ханзан 'э мойдак сан* для сохранения мыла, которое в последнее время стало входить в большое употребление между инородцами, но оно служит, главным образом, не для умывания и мытья, а при разных болезнях, преимущественно глазных, при которых им натирают больные части; результаты этого лечения не всегда бывают утешительны, так как грязное мыло самого плохого качества, продаваемое по 50–60 коп. за фунт, иногда только еще хуже раздражает глаза и ведет к большему воспалительному состоянию.

26. Берестяная воронка — *сас воронка*, сшитая корнями и палочками, стала употребляться в последнее время, когда появились в обращении стеклянные бутылки.

27–32. Четыре берестяные табакерки, одна деревянная и одна костяная, сделанная из оленьего рога — *сар ан сун*; все табакерки имеют разную форму — круглую, овальную, высокую, низкую и покрыты узорами, причем на берестяных узоры выскоблены, а на деревянной и костяной вырезаны; одна из берестяных имеет красную подкладку под узорами, а другая со-

стоит из целого ряда набитых на ободок берестяных полосок, вырезанных зубцами, отчего имеет рельефные украшения. Табак очень распространен между инородцами, как среди мужчин, так и женщин, причем гораздо чаще встречаются нюхающие, чем курящие; кроме того, большинство мужчин и женщин из маньзов, особенно под старость, кладут себе за нижнюю губу щепотки нюхательного табаку, закрывают его сверху воллепом и так ходят в продолжение всего дня, за исключением времени еды, когда его выплевывают, от этого происходит обильное выделение слюны, сильная краснота нижней губы, ее отвислость и общий неприятный вид. Инородцы низовые, особенно самоеды, предпочитают курить, причем делают себе небольшие трубки из моржового клыка. Инородцы верховые, когда курят, то пользуются трубками глиняными, получаемыми от русских и зырян за 12–25 копеек штука. Фунт табаку доходит до 50–80 копеек. Нюхательный табак инородцы делают сами, растирая листовой и потом просеивая через какую-нибудь холстинку или нарочно покупаемую волосяную сетку.

33. Сеялка для нюхательного табаку — *сар элак*, ободок сделан из бересты, а сетка из волоса.

34. Кисет для табаку — *сар хурых*, сделан из выделанной лосиной и налимьей кожи и сверху затянут веревкой из оленьих жил.

35–37. Отрезки костей с вырезанными на них узорами для выбивания их по бересте — *туис хан'снэ аньт*, в настоящее время употребляется довольно редко, но прежде были очень распространены. Встречаются иногда при раскопках древних могил.

38–39. Два деревянных блюда — *ани*. Употребляются при еде рыбы и мяса, причем обыкновенно и то, и другое кладется по бокам, а в середине наливается или уха, или мясной навар, блюда делаются преимущественно из сосны и ели.

40–43. Деревянные ложки — *тай*, различной величины, причем одна имеет наверху резное изображение какой-то птицы. Большие ложки служат для растирания теста, для размешивания в котле, а маленькие для еды, причем надо заметить, что все не жидкое употребляется в пищу при помощи рук.

44. Ложка из лосиного рога — *нялы*, подобные ложки делаются реже деревянных и представляют известного рода щегольство, так как вырезка из рога тонкой вещи — дело в высшей степени затруднительное, и не все рискуют за это браться.

45. Зырянская ложка — *саран тай*, вполне подобная нашей русской, покрытой олифой; очень любимы инородцами и теперь в большом употреблении.

46–47. Два инструмента — *сöурп*, употребляемые при делании блюд и ложек. Приготавливаются обыкновенно сами-

ми инородцами из старых испорченных ножей.

48. Спичечница — *маньзи сержан хузат*, готовится преимущественно из оленьих и лосиных рогов, редко из бересты, покрыта резными узорами.

49. Низкая чашка вроде блюда, сплетенная из кедровых корней — *тар ани*, употребляется иногда как форма для лепешек, а главным образом — как блюдо при угощении почетных гостей.

50. Корзина с крышкой, сплетенная из кедровых корней — *тар сан*, употребляется для хранения разных домашних принадлежностей, особенно подверженных порче.

51. Наструганное дерево — *вотлеп* — *тып ив оссы*, делается, преимущественно летом — из тальника, зимой — из сосны, редко из березы, так как в холода тальник крошится. Составляет необходимую принадлежность каждого хозяйства и имеет самое разнообразное приложение — употребляется женщинами в период менструации, охотниками — в качестве пыжа, при еде вместо салфеток, кладется за губу вместе с нюхательным табаком и т.д. Вообще он сопровождает всегда и везде инородца, как мужчину, так и женщину, готовится часто с осени на всю зиму. Обыкновенно сук не очень старого дерева, очищенный предварительно от коры, начинают скоблить острым ножом, поставленным совершенно перпендикулярно к дереву, подре-

зуют стружки не вполне, и они остаются поэтому с одного конца прикрепленными.

52—53. Два мешка для хранения муки — *сыг соу хуры х*, один большой, другой малый, сделаны из рыбьей кожи, предварительно очищенной от чешуи и выкрашенной нэрпом; бока из кожи налима, а дно из кожи тальменя; прежде рыбья кожа была в большем распространении сравнительно с настоящим, но и теперь мешки, предназначенные, главным образом, для хранения разных припасов, делаются преимущественно из выделанной кожи рыб, причем обыкновенно берется кожа налима, тальменя и шуки, последняя реже; выделка заключается в том, что кожу очищают от чешуи, мнут ее с мукой и жиром, затем проवेशивают и большей частью окрашивают в красный цвет. Мешки, сделанные таким образом, в высшей степени прочны и даже переходят по наследству.

54. Кожа тальменя — *алын соу*, содранная, но не выделанная, прежде употреблялась также наряду с кожей налима и шуки вместо стекол, но теперь это оставляется ввиду сравнительной легкости получения стекла и большего удобства; не смотря на это, во всяком почти хозяйстве всегда найдется одна-две подобные кожи, припасенные на всякий случай.

55. Ковер — *санта*, сплетенный из болотной травы. Инородцы делают эти ковры с различ-

ным назначением и употребляют их то при еде вместо салфеток, то при спанье вместо постелей. Обыкновенно ковры плетутся таким образом, чтобы трава была двуцветная и чтобы из этого сочетания цветов выходили разные узоры; темный цвет траве придают, выдерживая ее некоторое время в воде, от чего она только темнеет, но не портится.

56. Болотная трава — *сапта пум*, которую инородцы употребляют для плетения вышеуказанных ковров.

57. Ремень из шкуры моржа, употребляется преимущественно на оленью упряжь, хотя иногда идет на другую какую-нибудь потребность, где необходима вообще крепость. Шкура от старого моржа бывает так толста, что ее некоторые разрезают по толщине на две части, но это делают редко, так как ремень, отрезанный с нижней поверхности шкуры, очень непрочен, скоро рвется, а качество верхнего от этого ухудшается. Продается на Обдорской ярмарке по 30–50 копеек за сажень.

58. Ремень из шкуры морского зайца; употребление такое же, как и ремня из шкуры моржа; прежде на Обдорскую ярмарку привозился только зырянами и продавался по 70 коп. — 1р. за сажень, теперь привозят и низовые самоеды, которые спустили цену до 30–50 копеек.

59. Веревка из оленьих жил; идет на разные потребности в

хозяйстве. Ценится до 30 копеек за сажень.

60. Веревка из мочалы, довольно часто употребляется в хозяйстве, особенно при рыбной ловле.

61. Веревка из тальниковой коры — *маньзи куалых* или *маньзи салт ив*. Делается преимущественно маньзами и употребляется весьма часто в хозяйстве, особенно при рыбной ловле. Новая — беловатая, но затем от воды темнеет, даже нередко делается совершенно черной.

62. Счетоводная дощечка — бирки — *сõрхилын ив*, в настоящее время и русские торговцы в своих сношениях с инородцами стали прибегать к помощи этих бирок.

63. *Сõрхилын ив* с сосчитанными в одном стаде оленями живыми и павшими, десятки отмечены крестами.

64. Берестяной щит — *нып*, употребляемый преимущественно маньзами при переноске тяжестей на большие расстояния.

65. Деревянный флюгер — *водуй*, заимствованный у зырян и употребляемый иногда инородцами, живущими по среднему течению Оби и по ее притокам, для определения направления ветра перед уходом на рыбную или птичью ловлю.

66. Денная колыбель для мальчика — *пырысь хотал аба*, из бересты. В нее кладется небольшой берестяной же ящик с гнилым деревом, волосом и дру-

гими принадлежностями, про которые говорилось раньше.

67. Ночная колыбель из бересты — *эти аба* со всеми раньше описанными принадлежностями.

68. Самоедская деревянная люлька — *ярак потан*; употребляется преимущественно самоедами и зырянами; в ней так-же находится небольшой берестяной ящик — *доз* (названия здесь зырянские) с гнилым деревом — *посова* и с оленьим волосом — *лимбика*, сверху колыбель покрывается одеялом — *потан дыра* или теплым — зимой, или холодным — летом, с боков прикрепляются ремни — одни для завязывания ребенка, а другие для подвешивания люльки. Сверху нередко в летнее время находится один или два обруча, на которые накидывается покрывало для защиты ребенка от комаров и мушкар. Такое же внутреннее устройство имеет и

69. Зырянская деревянная люлька — *рос потан* (по-зырян-

ски), употребляемая исключительно в домах и иногда, но редко, встречаемая у соседних инородцев.

70—85. Куклы — *агань*, изображающие инородцев в различных костюмах и разные домашние принадлежности; сделаны из шкурок и украшены бисером и бусами.

86—115. Куклы, заимствованные от зырян — *сарань агань*, изображают людей и разные домашние принадлежности, сделаны из глины, дерева и черного хлеба. Куклы эти вообще приготавливаются довольно искусно и верно передают многие черты из жизни и обстановки инородцев. К сожалению, их приобретение иногда соединено с затруднениями ввиду того, что дети очень неохотно с ними расстаются, и родители нередко отказываются от сравнительно выгодной мены, не желая отнятием игрушек причинять горе своим маленьким любимцам.

4. Пища, лекарства и краски

Инородцы Северо-Западной Сибири заслуживают свое название всеядных и сыроядцев, потому что действительно трудно указать что-нибудь такое, что не употребляется ими в пищу, и притом, в большинстве случаев, в сыром виде. Только животные, имеющие религиозное значение, и животные нечистые гарантированы от истребления с целью

еды; к первым принадлежит *люли* — род небольшой гагары и змея, а ко вторым — лягушка, ящерица и паук. *Люли* почитается потому, что она принимала участие при творении земли: когда еще суши не было и когда вода покрывала все существующее, тогда Бог велел ей нырнуть и захватить со дна щепотку земли, она это сделала, и вынутая ею земля

послужила началом твердого пространства. Змею бить и есть нельзя потому, что в нее иногда входит Бог; отчасти по такой же причине нельзя есть и нечистых животных — лягушку, ящерицу и паука — в них часто тоже входит, но только не Бог, а дьявол — *мэнкв*, который через них может взойти и в человека, когда дьявол оставляет ящерицу, тогда у нее отваливается хвост, вот почему увидать опадение этой части тела нехорошо, и оно всегда предзнаменует смерть кого-нибудь из ближних, единственное средство освободиться от исполнения предзнаменования — убить поскорее эту ящерицу, тем более что это, к тому же, и богоугодное дело. Ящерица часто смотрит на солнце с раскрытым ртом, желая его проглотить; желание, внушаемое ей дьяволом и которое всякий должен уничтожать, так как солнце служит местопребыванием Бога. Если, при варке пищи, в котел попадает какое-нибудь из вышеуказанных нечистых животных, то содержимое его выливается и вываливается, а сам он тщательно моется и иногда даже окуривается. Также почти не едят мясо соболя, горностая и собаки. Падаль в пищу употребляют. Мясо рыбы, птицы, зверя, как домашнего — оленя, так и дикого — песца, лисицы, росомахи, даже волка, все идет в пищу и все удовлетворяет громадный аппетит инородца, на отсутствие которого, кста-

ти сказать, пожаловаться он не может. До двадцати фунтов рыбы и мяса может он съесть в день и все-таки будет чувствовать себя не отягощенным. Правда, приходится испытывать ему иногда и обратное — есть долгое время впроголодь, но он и на это обращает не особенно большое внимание и только потуже затягивает пояс да изредка глотает маленькие глиняные шарики. Поймает ли он рыбу, убьет ли оленя, прежде всего он начинает есть сырое мясо, а потом уж приступает к истреблению вареного, которое готовит ему жена, сестра или мать во время его предварительной трапезы. Зимой дело нередко ограничивается только сырьядением, и это имеет свою причину — горячая пища согревает и особенно полезна тогда, когда человек находится в теплом помещении или только временно в холодном, но если он в продолжение двух—трех месяцев сидит постоянно в двух шубах при температуре нередко ниже двадцати градусов мороза, тогда горячая пища, согревающая вначале, влечет за собой простуду и расстройство желудка. У рыбы большой, употребляемой в пищу в сыром виде, самым вкусным местом считается брюшко — черевко, затем печень, сердце и жир, покрывающий внутренности. У оленя и у всякого другого млекопитающего наиболее почитаются печень, сердце, мозг и костяной жир,

ради которого они раздробляют очень искусно длинные кости. Сырое мясо едят длинными полосами, вырезанными в виде ремней, причем замечательно ловко отрезают у себя под носом куски от забранной в рот полосы. При еде мяса существенную роль играет кровь, в которую они обмакивают куски и которую часто пьют целыми ковшами. Любовь к крови заставляет сохранять ее, и поэтому, при убивании оленей, всегда стараются, чтобы ни одна ее капля не пролилась и затем чтобы она не испортилась. С этой целью оленей большей частью убивают ударом обуха топора по голове позади рогов и затем бьют ножом в сердце так, чтобы вся кровь стекла вовнутрь. Во время же жертвоприношений и похорон оленей даже давят, затем для немедленного употребления кровь собирают в берестяные ведра и деревянные блюда, а впрок сохраняют в вымытых оленьих же желудках, крепко завязанных, причем в таком виде кровь может сохраняться до 10–14 дней. Пища преимущественно готовится женщинами, а мужчинами только тогда, когда они принуждены силой обстоятельств приняться за это женское дело, например, на охоте, в дороге, причем нельзя сказать, чтобы пища, ими сделанная, была бы хуже приготовленной женщинами, уж очень просто ее приготовление: непотрошеную рыбу, если она мелкая, и потро-

шеную, если она крупная, но в большинстве случаев все-таки нечищеную, по крайней мере шуку, окуня, часто даже сырка и нельму, кладут, плохо промывши, в котел, наливают водой, прибавляют, если есть, соли, муки, летом и осенью некоторые даже брусники, и варят до тех пор, пока все вполне не уварится, что бывает обыкновенно тогда, когда вода почти вся выкипит и только тонким слоем покрывает рыбу. Так же поступают и при варке мяса, затем выкладывают большими деревянными ложками на такие же блюда (мясо иногда едят зырянскими вилками) и приступают к еде, помакивая куски в бульон, а если есть, то в рыбий жир или в растопленное оленье сало. Мужчины едят раньше, затем женщины и после всех собаки. Только тогда, когда никого нет посторонних, когда все более или менее равны по возрасту и по положению, когда семья не очень большая, тогда едят все одновременно, хотя большей частью все-таки мужчины из одного блюда, а женщины из другого. Дети также располагаются по полам — мальчики с отцом, девочки с матерью. Тот же самый порядок наблюдается и при еде сыря. Обглоданные кости, как рыбы, так и олени, или отдаются собакам, или сохраняются на будущее время отчасти для них же, отчасти для себя: когда припасы убавляются, когда новых продуктов не получается, тогда на сце-

ну появляются эти кости и варятся вторично, если олени, и сохраняются на третий раз, если лосиные, причем подсыпается мука; получается похлебка, известная под названием *лувын колас*. Если муки много, то тогда из нее готовится нечто вроде киселя, в который все-таки прибавляют мяса и особенно часто брусники. Жарить почти не умеют, да и посуды, необходимой для этого, нет — на все идет котел да чайник, причем даже последний нередко заменяется первым. Чай быстро распространяется между инородцами, исключительно кирпичный, причем его кладут в чайник или котел тогда, когда вода уже закипит, и, несмотря на это, еще заставляют его париться минут 10–20. Иногда, если чай заваривают в котле, то в него прибавляют муки и ягод, даже, что мне несколько раз приходилось видеть, крови и соли. По Оби, в местах более обруселых, стали встречаться самовары, иметь который считается верхом блаженства. Когда свежего мяса нет, тогда нередко варят вяленое, как рыбу, так и оленину с лосиной, особенно часто последнюю, которую приходится варить часа три–четыре, до того она крепка, и даже после такой продолжительной варки непривычному человеку не удастся съесть ни одного куса, иначе придется поплатиться зубами. Зелени, за исключением ягод, орехов, в пищу не употребляют, только гриб-мухомор, да еще

одна трава — *тысма* собираются, но, как мы увидим после, со специальной целью. Со времени ознакомления с русскими среди местных припасов стала играть значительную роль мука — в настоящее время инородец редко приступает к еде без того, чтобы в ее состав не входила мука. Он подсыпает ее в уху, в похлебку, в чай, делает саламату, приготавливает, наконец, из нее всевозможные лепешки и хлеб, для чего пользуется чувалом и костром. Хлеб печется в виде длинных и широких полос на деревянных досках, причем для скорейшего приготовления в нем делаются слюнявыми пальцами небольшие углубления, или же он просто засыпается в горячую золу, но и при том, и при другом способе приготовления хлеб в середине большей частью бывает сырой, а сверху с золой, к тому же и мука, доставляемая русскими и зырянками, не может похвалиться хорошими свойствами — в ней всегда есть немалая примесь песку. Лепешки нередко варятся или жарятся в топленом оленье или другом сале, но это уже представляет известного рода роскошь. Тесто обыкновенно замешивается на воде, и хлеб, испеченный из такого теста на доске, называется *колас нянь*. Такой же хлеб, но только замешанный вместо воды на крови, носит название *келтын нянь*. Кроме того, делается еще *пут паттат келтын нянь* — кровавый хлеб, в виде

лепешек, поджаренный в котле на рыбьем или оленьем жиру. *Пут паттат колас нянь* — обыкновенный хлеб в виде лепешек, поджаренный подобно предыдущему. *Порын нянь* — икряной хлеб, в тесто которого прибавляют большое количество икры щуки, язя, сырка и других рыб и который пекут обыкновенно на доске. К этому надо еще присоединить лепешки, делаемые из пшеничной муки, к которой часто прибавляются мелко истолченные кедровые орехи, брусника, черемуха, причем из последней нередко делают еще специальные лепешки, употребляемые как лакомство. Полная зависимость от результатов охоты и рыбной ловли причила инородца делать запас на будущее время, причем эти запасы делаются из мяса оленя, лося, но преимущественно из рыбы во всех ее видах. Мясо оленье и лосиное, главным образом, вялится и коптится и лишь очень редко солится; то же самое можно сказать и про рыбу, которая в соленом виде местными инородцами почти не употребляется, а если и солится, то только на продажу. Впрок идет преимущественно рыба мелкая, так как крупная почти вся продается, при этом рыбу режут не одинаково, а различными способами, смотря по тому, какова она. При приготовлении *нялк õхол* из сельги и *палин ʒ õхол* из чебака рыбу режут со спины вдоль хребта, как и

вялят внутренности, не чистя снаружи, надевают рядами на палку и начинают вялить, иногда коптят, иногда нет, когда велик улов и не хватает ни времени, ни места (в последнем случае она немного горчит); под конец слегка на тех же палках поджаривают над разложенным костром и затем, как и всякую другую рыбу, приготовленную в запас, складывают в большие берестяные ведра и плотно сверху закрывают или завязывают. Всякое подобное приготовление рыбы продолжается иногда, особенно в дождливую погоду, не менее месяца. Когда делают сорт — *õхол*, т.е. из щуки, то ее, не чистя, разрезают почти совсем вдоль от головы до хвоста, разгибают на две половины, делают внутри поперечные надрезы и только сушат, но не коптят. *Хор*, по-местному *позõм*, если из муксуна, и юрюк или юрок, если из сырка и язя (из других рыб редко) представляет из себя ленты, срезанные у рыбы с боков и слегка подрезанные с внутренней стороны, при его приготовлении кости подрезают, но не вполне, и только тогда, когда рыба немного подсушится, их вынимают и сберегают отдельно вместе с головой. Из них, как и из оленьих костей, делают особую похлебку — *лувын колас*, куда их кладут в размельченном виде и затем засыпают мукой. *Хор* не коптят, а только поджаривают. Для продажи, а иногда и для собственного употребления еще вя-

лят язей, причем им отрезают головы, разрезают особым образом сперва с брюха, а после со спины, соединяют по два хвостами и таким образом пускают в продажу под названием *парва хол*, у чебаков голов обыкновенно не отрезают, во всем же остальном их приготовление совершенно такое же, как и язей, и полученная из чебаков рыба называется *самын ʼ охол*. Как все северные жители, и местные инородцы любят жирные вещества и стараются, по мере возможности, приготовить их побольше в запас, чтобы потом ими полакомиться. Сырой жир с кишок зверя — *какыр вуой*, с кишок рыбы — *сах вуой*, сырой жир с мяса зверей — *унъяс*, наконец, жир топленый из рыбы и зверя — *вуой*, все идет в пищу и служит, в свою очередь, материалом для приготовления еще других питательных веществ, из которых некоторые готовятся следующим образом: берут тонкие полоски, вырезанные со спины и брюшка нельмы, сырка и всякой другой жирной рыбы, немного подвяливают и затем спускают в горячий рыбий жир, полученный посредством варки из рыбьих кишок. Это кушанье носит название *сяк вуой*; затем другое — *сорт вуой* делается из щучьих внутренностей, из которых вываливается предварительно весь сор, потом они режутся, варятся, смешиваются с небольшим количеством жира и употребляются в пищу. *Хор сяк* полу-

чается тогда, когда в кипящий рыбий жир опускают *хор*, приготовленный преимущественно из сырка; но самым любимым, самым лучшим блюдом считается *тозам вуой* — варка, приготовляемая следующим образом: рыбы кишки варят на самом медленном огне, причем как можно чаще мешают, через несколько времени сверху всплывает жир, который собирают, вливают в другой котел и смешивают с мелко изрезанной сваренной щукой, сельгой или другой какой-либо рыбой. Насколько это кушанье хорошо, можно судить из того, что, желая про кого-нибудь сказать, что он живет отлично, инородец говорит: он постоянно ест *тозам вуой*; желая почтить своего гостя, хозяин всегда угощает его этим блюдом, и у всякой мало-мальски порядочной хозяйки всегда найдется некоторое количество этого кушанья, приготовленного в запас и хранимого где-нибудь в укромном месте.

В числе запасов, приготовляемых на зиму, необходимо указать на черемуху, бруснику, сохраняемые или в сухом виде, или в виде лепешек, и на кедровые орехи. Прежде кедровых орехов получалось в описываемой местности гораздо больше, но с летними пожарами стали исчезать когда-то славные кедровники, и теперь те тысячи пудов орехов, которые прежде отсюда вывозились, отходят в область преданий; вместе с тем сильно под-

нялась и их ценность — лет 20—30 тому назад пуд орехов стоил 70—80 копеек, теперь 3р. — 3р. 50 коп. Когда шишки начинают поспевать, а на это лучше указывает птица — кедровник — ронжа, истребляющая их в массе и преимущественно самые лучшие, тогда их начинают собирать, для чего влезают на дерево или по прислоненному какому-нибудь стволу, или по закинутой на ветви веревке; чтобы лучше карабкаться, иногда к ногам прикрепляют железные когти. В некоторых местах, особенно там, где влияние поселенцев значительно, практикуется и другой способ собирания орехов, более простой и легкий — срубают под корень дерево и все собирают. Способ этот безусловно воспрещен законом, так как рубить кедры нельзя, но тем не менее во многих местах он пользуется большой распространенностью. Собранные шишки (с одного дерева иногда собирают до 5—8 пудов орехов) кладут в нарочно вырытые ямы, где они мякнут, затем недели через три—четыре их вынимают, начинают разбивать особыми деревянными колотушками, очищают от чешуи, поджаривают слегка в котлах, вновь очищают — и орехи готовы на продажу. Их сохраняют, как и рыбу, в берестяных ведрах, а также в мешках из рыбьей кожи, причем стараются предохранить их от мышей, бурундуков и других зверьков, которые не прочь попользоваться чужими

запасами; впрочем, в этом отношении человек дает сам плохой пример — он часто ищет гнезда белок и кедровников, чтобы взять оттуда все их запасы, состоящие, главным образом, из орехов, а до чего инородцы любят орехи, можно видеть из того, что одним из лучших блюд считается желудок зимней белки, когда она питается орехами; если ее пищу составляли исключительно орехи, то желудок у нее в это время совершенно белый, если же вместе с орехами ела и грибы, то черный, но и в том, и в другом случае он напоминает колбасу, особенно, если его слегка поджарить, что обыкновенно и делается.

До сладкого инородцы большие охотники — они могут сразу легко съесть до пяти фунтов сахара, причем гораздо чаще едят его отдельно, чем с чаем. При всякой удачной продаже шкурок или рыбы они всегда покупают его для себя и для своей семьи, чтобы полакомиться лишним раз. Кроме сахара, который любят преимущественно мягкий, они употребляют в пищу еще сладкие корни одного растения — *тысма*, растущего на возвышенностях рек; свежие они более сладки, чем лежалые, тем не менее их собирают в запас, и они часто заменяют собой сахар, а прежде были единственным сладким лакомством, какое только инородцы знали. Еще более сладкого любят они горькое, раз оно обладает какими-нибудь наркотически-

ми свойствами: теперь водка для них служит лучшей услугой в жизни, божественным напитком, ради которого они готовы пожертвовать всем, что только у них есть. Устоять против этой страсти у них нет сил, и этим пользуются торговцы, которые страшно эксплуатируют такую слабость.

Продукты охоты, рыбной ловли, оленеводства — все идет на удовлетворение этой страсти, которая является одной из главных причин того плохого экономического состояния инородцев, в котором они теперь находятся. Всякое выходящее из ряда обыкновенного событие — праздник, свадьба, смерть, рождение, жертвоприношение, удачная или неудачная охота, падеж скота, большое увеличение стада, одним словом, все, что с той или другой стороны нарушает мирное течение жизни инородца, дает ему повод напиться и превратиться в послушную куклу в руках человека, снабжающего его этим вредным напитком. Бродит инородец со своим стадом по дальним тундрам, не видит он из людей никого, кроме своей семьи, уже в продолжение долгого времени, идет его жизнь мирно и тихо изо дня в день, и лишь изредка нарушается только охотой за зверем да перекочевкой с места на место, вдруг страшный лай собак дает ему знать о чем-то новом, неожиданном. Оказывается, что приехал торговец — знакомый, друг, *рума*, как говорят маньзи. Убивается тотчас же

олень, появляется котел, заваривается чай, идут расспросы о том, что слышно о царе, что капитан (т.е. исправник), что комиссар (заседатель), каковы цены на разные товары и т.д. все в том же роде со стороны оленевода, а приезжий справляется — удачна ли была охота, много ли шкурок, каков приплод у оленей; затем достается с нарты заветный бочонок, и торговец выпивает сам, дает стаканчик хозяину, иногда его жене, потом еще по стаканчику; задрожит даже инородец, увидя драгоценный напиток, и тянет его, как нектар какой. Попало ему в голову, зашумело, хочется еще, а торговец уже опять увязывает бочонок и плотно закрывает его оленьими шкурами. «Рума, дай еще». — «Нельзя, путь далек, а вина мало». Видя, что просьбы не действуют, начинает приносить он разные шкуры, сперва похуже, потом получше, и начинается торговля. Иной купец совестливый — отказывается продавать водку, говоря, что это запрещено, но зато с большой охотой соглашается приступить к мене, которая вначале идет более или менее порядочно, но затем уже совершается вполне по воле торговца. Результаты оказываются скоро: на другой день совершаются проводы: в бочонке убыло бутылки на три —четыре водки, зато прибавилось на нарте немало шкурок дорогих зверей и оленей, а иногда даже вместо тройки, на которой приехал торговец, он уводит за собой деся-

ток-другой хороших оленей. Казенная, так сказать, цена водки в тундре — это четверть — олень, но затем начинаются изменения, главным образом, в зависимости от степени удаления от населенных пунктов и от большего или меньшего опьянения: за оленя начинают давать только бутылку водки, затем эта бутылка уменьшается — вместо обыкновенной появляется бутылка от зельтерской воды, наконец, вместо водки цельной, которая предлагается вначале, дается уже разбавленная наполовину водой. С инородцем, охотником и рыбаком, повторяется та же самая история, только разница в том, что гораздо чаще, благодаря более частым посещениям добрых людей. Мужчины, женщины, дети, даже грудные младенцы — все пьют. Мне приходилось не раз видеть, как мать, кормящая ребенка грудью, дает ему несколько капель дорогого для нее напитка даже прежде, чем сама до него дотронется. У ребенка дыхания захватывает, но затем он опять тянется, и таким образом сладкое молоко чередуется с горькой водкой. Иногда водку делают сладкой, поджаривая сахар и прибавляя его или же настаивая на тысма. В последнее время водку стали продавать не только одни русские и зыряне, но даже инородцы, наиболее стойкие из своих родичей, хотя с ними иногда случается, что они прорываются и водку, приобретенную для продажи, выпивают всю сами со своей семьей. Для

того, чтобы легче было везти, обыкновенно в тундру отправляют спирт, который затем, слегка подогрев, разбавляют кипяченой водой, которая не дает мути. Для большей крепости в водку иногда добавляют нюхательного табака, от примеси которого затем сильно разбалывается голова и нередко делается тошнота. Точно так же подбавляют иногда кусочки или порошки, сделанные из мухомора, который имеет громадное влияние на состояние умственных способностей и памяти: от частого его употребления человек тупеет и делается беспамятным. Во время же самого опьянения оно делает потребителя впечатлительным, легко раздражающимся, вспыльчивым. При малейших, часто мнимых, обидах опьяненные схватываются за свои ножи, отчего нередко бывают драки, оканчивающиеся смертными случаями. Прежде, как можно судить о том по рассказам стариков и по их песням и сказкам, единственным одуряющим напитком был настой из мухоморов — *пан'х*, употребляемый изредка и теперь, для чего мухоморы приобретаются в тех местах, где они не растут, по 1 рублю за штуку. В дороге, где настоей делать неудобно, мухоморы едят в сухом виде, причем указывают, как на героев, на людей, которые съедают по 3–4 гриба в день. Действие этого таково, что человек совершенно забывает окружающую его обстановку — идет

в реку, озеро; бросается без оружия на медведя (который, кстати сказать, также любит иногда полакомиться мухоморами и также от них дурет) и вообще делает целый ряд безрассудных поступков, за которые ему иногда приходится сильно платиться.

По поводу еды существует несколько примет, которые соблюдают вообще довольно строго: женщины, употребляющие в пищу все то, что едят обыкновенно и мужчины, не могут, однако, есть сердца, головы и груди медведя, так как недостаточно чисты для этого. На реке Сыгве женщины не едят мерзлой щуки и мерзлого налима по той же самой причине, т.к. некоторые боги принимают иногда форму этих рыб. Во время беременности не едят сырков из своих язв, между тем как из чужих отлично употребляют в пищу. Причину этого различия и вообще взгляда узнать я не мог, несмотря на все старания, и мне кажется, что эта причина забыта, остался только один обычай, как это нередко бывает; если в дороге готовят себе пищу, то при уходе всегда сваливают ту палку, на которой висел котел, иначе у варившего будет болеть голова, будут лезть волосы и в будущей жизни его будут сильно мучить. Точно так же; никогда не сжигают в дороге всех принесенных для варки пищи дров, а оставляют хоть одно полено, иначе нечем будет погреться тени умершего, когда она идет в подземное царство.

В настоящее время, когда существует медицинская помощь, хотя и слабая, в виде докторов и фельдшеров, инородцы, вообще большие любители лечиться, берут у них всевозможные лекарства, особенно касторовое масло, хину, железный купорос (для присыпки ран), свинцовую примочку (при болезни глаз) и т.д., но помимо таких средств у них существуют и свои. Болезни, наиболее распространенные в этом крае — это: сифилис, оспа, тиф во всевозможных формах, ревматизм, болезни глаз и кожные, происходящие большей частью от грязи и нечистоплотности. При всех болезнях прежде всего обращаются к жрецам, шаманам с просьбой узнать у богов, отчего то или другое лицо заболело, так как, по мнению инородцев, всякая болезнь насылается богами и есть признак их недовольства тем человеком, который заболел; как совершается обряд шаманства, об этом будет речь впереди, здесь скажу только, что шаманы обыкновенно заставляют больного или его семью принести жертву тому или другому богу, состоящую из оленей, одежды и шкурок, но этим дело не ограничивается. Обыкновенно тот же шаман приступает и к другому способу лечения — дает пить нашептанную воду, водку, кровь, мажет рыбьим жиром и оленьим или чаще медвежьим салом; окуривает бобровой струей или березовой и лиственничной накипью; трет медвежьим зубом и т.д. Одни и те же средства

употребляются большей частью при разных болезнях; только когда болит живот, тогда все принимают вовнутрь с водой или водкой порошок, наскобленный с медвежьего клыка или настой из лиственничной накипи, употребляемый также и при страданиях грыжей. При сифилисе пьют настой, сделанный из одной травы — *мосьхум сахы*, растущей в верховьях горных речек; при болях спины и зубов натирают больные места медвежьим клыком и иногда посыпают порошком, с него наскобленным. Других каких-нибудь еще определенных средств более не имеется — всякий лечится по собственному усмотрению. Для свежести рта, чистоты зубов жуют как мужчины, так и женщины особую смолу. Отношение к больным вообще довольно спокойное — ни особого ухода, ни особого презрения не замечается; делается все то, что считается нужным, но вместе с тем не прекращается и обыденный порядок занятий — идут на охоту, на рыбную ловлю, перекочевывают и т.д. Боязни заразиться не существует: сифилитики, тифозные, оспенные находятся в том же самом помещении, где и остальные члены семьи. Умерших от этих болезней хоронят так же, как и других, не принимая каких-либо мер предосторожностей.

Несмотря в большинстве случаев на скверные гигиенические условия, несмотря на существующие болезни, инородцы, как мужчины, так и

женщины, доживают нередко до глубокой старости, и их лета, по некоторым данным, приходится считать девятью, десятю десятками. Под старость и при простудных болезнях нередко пускают себе кровь посредством обыкновенных ножей; особенно часто это делается весной; при страданиях в сочленениях делают в них частые наколы, расположенные обыкновенно в известном порядке, и втирают туда или растертый порошок, или сажу с котлов и чайников.

Из красок, употребляемых инородцами, большинство получается из коры различных деревьев — березы, ольхи, лиственницы и только одна — *нэри* имеет минеральное происхождение. Эти краски употребляются для крашения деревянных вещей, берестяных, кож и сетей. Главным образом, они все имеют красноватый оттенок, наиболее любимый инородцами. К числу любимых цветов относится также зеленый, получать который они сами не могут и поэтому приобретают от русских или зырян. Для укрепления красок употребляют иногда клей, приготовленный из оленьих рогов или из язовой чешуи, который идет также и на другие потребности.

В привезенной коллекции имеются следующие предметы, относящиеся к пищевым веществам, лекарствам и краскам:

1. Хлеб, замешанный на оленьей крови — *келтын нянь*; доска, на которой подобный

хлеб печется, называется *нянь тослям парт*.

2. Хлеб, замешанный на воде, но испеченный вместе с язовой икрой — *порын нянь*.

3—4. Лепешки, замешанные на оленьей крови и поджаренные в сале — *пут паттат келпын нянь*.

5. Похлебка, приготовленная из раздробленных оленьих костей и замешанная мукой — *лувын колас*.

6. Вяленая сельга — *нялк өхол*.

7. Вяленый чебак — *палинг өхол*.

8. Вяленая щука — *сорт өхол*.

9. Вяленые язи, по два соединенные — *парва өхол*.

10. Вяленые чебаки, по два соединенные — *самынг өхол*.

11. Юрок — *сорах хор*, сделан из сырка, поэтому носит название — *сорах*.

12. Варка — *тозам вуой*, приготовлена с сельгой.

13. Сельга — *нялк*, в спирту. Самая обыденная рыба в реках Северной Сосьве и Сыгве с их притоками; употребляется во всех видах, замечательно вкусна.

14. Кирпичный чай — *русь сяй*, продается кирпичами по 1р. 50 коп. — 2 р. за фунт.

15. Остяцкий чай — *маньзи сяй*, растет по песчаным берегам рек, собирается маньзами в августе и сентябре, сушится на солнце и затем, в случае потребности, заваривается так же, как и обыкновенный чай, со-

бирается только для собственного употребления.

16. Зырянский чай — *саран сяй*, растет по берегам рек, преимущественно возвышенным, собирается в августе и сентябре, сушится на солнце, заваривается подобно обыкновенному чаю и идет не только на собственное потребление, но и на продажу по 50—75 копеек за фунт.

17. *Тысма* — сладкий корень, употребляемый вместо сахара; растение встречается в возвышенных местах и по верховьям горных речек.

18. Кедровые шишки — *ульба пакв*, для собственного потребления орехи иногда оставляют в шишках, отчего они лучше сохраняют свою сочность.

19. Кедровые орехи поджаренные — *няр пакв сам*.

20. Кедровые орехи поджаренные и вполне готовые на продажу — *тослим пакв сам*.

21. *Мосьхум сахы*. Растет на возвышенных местах и по верховьям горных речек. Растение выющеется, его корень употребляется как лекарство при лечении сифилиса, для чего готовят настой на воде или водке и держат в тепле; пьют приблизительно по три рюмки в день, если настоей такой крепости, что на стакан при приготовлении клали кусок стебля или корня вершка в три длины; если растение сушили в жилище, то его и потом необходимо держать там же, если же на воздухе, то в комнату не вносят,

или он, по мнению инородцев, потеряет свою целебную силу; на одном и том же растении настой можно делать только раз, потом он теряет свою силу; такой же настой, только крепче, дают и лошадям, страдающим ломотой и нарывами, оленям подобного лекарства никогда не дают.

22. Чертов палец — *нóлы суп*, употребляется в виде порошка для засыпки ран. Смотрят на него, как на громовую стрелу.

23. Лиственничная накипь — *нанк сеных*; идет на приготовление лекарства, употребляемого при болезни живота и грыжи. Накипь кладут в воду или водку, настаивают около часа и затем пьют не только настой, но едят и саму накипь. Подобный же настой, только более крепкий, дают оленям, когда у них обнаруживается грыжа, и лошадям с коровами при шатуне, а также при трудных родах. Употребляется также в качестве фимиама при жертвоприношениях и вообще при торжественных случаях и при окурировании нечистых, т.е. женщин после родов и менструаций, мужчин, которые имели сношение с ними в это время или которые прошли как-нибудь нечаянно под какой-нибудь принадлежностью женского костюма, что также, по мнению инородцев, оскверняет.

24. Смола маньзов — *маньзи онх*, *сас онх*, *паутнэ онх*, которую они постоянно жуют для освежения рта и для очистки зу-

бов; готовят ее следующим образом: небольшой котелок обкладывают горячим пеплом, под ним в земле делают небольшую ямку, где раскладывают медленный огонь, наливают самого чистого рыбьего жира, кладут в него тонкие продольные полоски молодой березовой коры и начинают варить; продолжается это обыкновенно целый день, причем необходимо постоянно мешать; когда в котле образуется густая смесь, тогда подбавляют немного для вкуса соли — и смола готова. Не все умеют ее делать. У иных, несмотря на все старания, ничего не выходит. Такой же результат бывает в том случае, если при приготовлении присутствует кто-нибудь посторонний, особенно мужчина. Необходимо, чтобы была только та женщина, которая занимается этим делом. Во все время приготовления необходимо быть как можно серьезнее и стараться отгонять от себя разные скверные мысли: делается это потому, что такую же смолу постоянно жуют боги, которые и приказали людям быть как можно осторожнее при ее заготовке.

25. Березовая накипь — чага — *сос*, употребляется в качестве фимиама при тех же самых обстоятельствах, как и лиственничная накипь. Кроме того, идет как примесь к чаю, а иногда даже просто вместо чая, причем заваривается подобно настоящему; в пережженном виде прибавляется к нюхательному табаку.

26. Березовая губа — *халь сеных*, в пережженном виде употребляется как примесь к нюхательному табаку, кроме того, дается также для возбуждения, особенно людям пожилым.

27. Лиственничная кора — *нанк сам*, употребляется в виде краски, главным образом, для дерева и отчасти для сетей, причем обыкновенно варят вещь, которую желают окрасить, вместе с корой часа два-три, и она приобретает после этого красноватый оттенок.

28. Березовая кора — *халь сул*, собирается как со старых, так и с молодых деревьев. Употребляется, главным образом, для окраски сетей, которые приобретают от этого красно-коричневый цвет, делается это для того, чтобы сети были прочнее — не так подвержены действию воды и затем не так были заметны для рыбы. Для достижения последней цели сетям придают тот же оттенок, который имеет в известном месте вода. Окраску производят следующим образом: мелко нарезанную сырую кору заливают водой и нагревают в котле до тех пор, пока навар не приобретет красно-коричневый цвет. Затем его студят и уже в холодный погружают сети, которые и держат в нем до тех пор, пока они не приобретут желаемого оттенка.

29. Ольховая кора — *хорахт ив*, собирается преимущественно с молодых деревьев, употребляется для окраски всевозможных шкур — рыбьих и звериных, раз-

они выделаны; при этом поступают так: мелко нарезанную кору сушат на солнце, затем толкут и полученный порошок опускают в кипящую воду, в которую бросают также несколько раскаленных докрасна камней, плотно закрывают и дают остыть, иногда кипятят еще, но не более одного раза; когда жидкость остынет, тогда в нее погружают кожу и держат так около суток, в продолжение которых она приобретает ярко-красный цвет. Приготовлять эту краску в запас нельзя, так как она скоро портится.

30–31. *Нэри* — минеральная краска, красный железняк в куске и порошке, встречается в верховьях левых притоков среднего и нижнего течения Оби, особенно на Северной Сосьве и Сыгве. Употребляется для окраски деревянных изделий — крупных и мелких: нарт, лодок, весел, блюд, тарелок и т.д., а также для окраски выделанных шкур, для чего краску растирают и распускают в холодной воде и полученным раствором мажут, затем через несколько времени обыкновенно смазывают для прочности рыбьим жиром.

32. Зырянский олениный клей — *саран сали элим*, употребляется для склейки разных деревянных вещей, обладает большой крепостью; его готовят следующим образом: берут рога самцов и самок, рубят их на самые мелкие кусочки, засыпают в котел с водой и начинают ва-

рять: если варят на открытом воздухе, то клей поспекает в день, но зато приходится несколько раз подливать воду. Если же в доме — в печке, то клей раньше двух дней готов не будет. В последнем случае, вечером первого дня вынимают котел из печки, утром доливают его водой и ставят опять в печь, но не на сильный огонь. К вечеру клей будет готов, его надо только немного посушить, причем предварительно необходимо разрезать на куски. Сушить на солнце нельзя — весь распустится, надо где-нибудь в прохладном месте и в тени, всего лучше на ветру. Толстые куски после сушки принимают светло-коричневый цвет, а тонкие — почти совершенно черный. Подобный цвет клей принимает и от очень продолжительной варки. Когда является потребность что-нибудь склеить, клей разбавляют водой и затем нагревают на сильном жару, на медленном нельзя — теряет свою клейкость. Сохранять этот клей необходимо в холодном и сухом месте, иначе он закисает. Подобный клей иногда приобретает инородцами неоленеводами по 50 коп. за фунт.

33. Олений клей маньзов и других инородцев — оленеводов — *маньзи сали элим*; при-

готавливается подобно предыдущему, только почти всегда на открытом воздухе.

34. Клей из язевой чешуи — *хулим хул сам элим*, употребляется для склейки кож и мелких деревянных вещей. Приготавливают его следующим образом: берут язевую чешую, наливают водой и начинают кипятить в продолжение часов 8–10, затем остатки чешуи выбрасывают, а сама жидкость через несколько времени застывает и дает клей. При распускании его смачивают слегка водой, мелко режут и насыпают в берестяную коробку, которую держат около огня, клей быстро делается жидким и годным к употреблению. Если этот клей заготавливается летом, то он сам очень скоро твердеет, особенно в прохладном тенистом месте и распускается единственно при помощи огня. Если же зимой, то он получается гораздо слабее: достаточно небольшого повышения температуры, чтобы он распустился, и притом он уже не обладает такими клейкими свойствами, как заготовленный летом, почему в большинстве случаев его приготавливают летом и осенью, зимний держат всегда на морозе и в случае необходимости прямо мерзлый бросают в сильно нагретую воду.

5. Предметы, имеющие отношение к религии

В настоящее время инородцы Северо-Западной Сибири, за небольшим количеством низо-

вых остяков и самоедов, все крещены и все считаются христианами, но в большинстве случаев

только по имени, потому что по-прежнему почти без исключения так же верят в своих богов, так же приносят им жертвы, так же почитают своих шаманов, как это они делали до принятия христианства. Вся разница только в том, что теперь они стараются исполнять все свои обряды потихоньку, скрываясь, главным образом, от духовенства и от начальства, опасаясь как бы оно не взыскало и не наложило за это какой-нибудь пени, чего местные жители боятся больше всего. И здесь, как и в других местах, женщины, несмотря на свое несколько приниженное положение, являются гораздо консервативнее и фанатичнее мужчин и оказывают влияние на последних в религиозном отношении: гораздо чаще обряды язычества нарушаются мужчинами, чем женщинами. Гораздо скорее можно узнать тайны верований от мужчин, чем от женщин, и это, конечно, зависит не от большей их словоохотливости, которая составляет здесь, как и везде впрочем, скорее принадлежность слабой половины человечества. Я не буду говорить здесь подробно о религиозных взглядах и обрядах инородцев — это составит предмет особой статьи, скажу только, что они не представляют из себя сбора всевозможных рассказов без видимой связи; напротив, последняя чувствуется везде, и если она для некоторых не довольно еще ясно видна, то причину этого надо ис-

кать в недостаточной еще разработке вопроса, поспешить чем вообще следует, потому что сибирские инородцы или вымирают, или русеют, забывают свой язык, свои предания и обычаи, и, конечно, недалеко уже то время, когда их изучение возможно будет только по описаниям, оставленным путешествуящим людом, да по музейским коллекциям, которые, кстати сказать, в некоторых отношениях за границей лучше, чем в России.

При существующем многобожии, при разделении богов на добрых и злых, причем представителем первых является *яных торум* — великий бог, а представителем вторых *куль* — дьявол, у инородцев незаметно, по крайней мере теперь, того страха и трепета, который является основным началом в религиях некоторых народностей. У них скорее видна какая-то предупредительность по отношению к богам и смягчение их гнева и часто даже просто подкуп в ожидании будущих благ различными дарами, приносимыми при всех мало-мальски выдающихся случаях жизни: родится, женится, умирает человек — приносится жертва с просьбой: то сделать жизнь счастливой новорожденному, то дать побольше детей новообращенным, то приготовить место получше в будущей жизни; идет инородец на охоту, на рыбную ловлю — он делает с богами договор: «если убью три соболя, то одного тебе, если шесть, то двух;

если тоня будет удачная, то самую большую рыбу дам тебе; если ничего не поймаю, то ничего не получишь» и т.д. в том же роде. Правда, *яных торум* и один из его сыновей — *мир суснэ хум*, заведующий людьми, могут сделать с ними все, что пожелают, но они добры и справедливы, а куля можно почти всегда подкупить; этим отчасти объясняется и то обстоятельство, что изображения богов, делаемые из металлов или из дерева и составляющие необходимую принадлежность каждой семьи и хранящиеся в особом ящике, иногда выкидываются или заменяются новыми, если они плохо работали и мало помогали своему хозяину. Подобные изображения делаются или самими инородцами, причем часто одеваются в разные одежды, но преимущественно завертываются в платки, или приобретаются у русских и зырян, причем характер их довольно разнообразен: то они не что иное, как простые детские игрушки, то нарочно по заказу приготовленные или купленные на Ирбитской ярмарке изображения животных, в которых боги, в случае необходимости, могут превращаться; особенно почитается изображение коня, так как на нем *мир суснэ хум* каждую ночь объезжает всю землю и смотрит, все ли в порядке. Кроме богов главных: *корс торум* — родоначальника всех богов и *яных торум* или *нуми торум* (иначе еще *воикан торум*) с его сыновьями, причем каждый из них имеет осо-

бенное назначение, существует еще целая плеяда второстепенных, из которых некоторые являются богами личными, другие семейными и родовыми; поэтому около всякого отдельного жилья и особенно около селений всегда бывают особые места, посвященные чествованию того или другого бога, где приносятся жертвы и где хранятся его богатства. Что же касается до места обитания главных богов, то оно у них находится в определенных местах, куда съезжаются за несколько сот верст инородцы, чтобы поклониться и сделать приношения, но этим обыкновенно дело не кончается, так как существуют особые сборщики даяний, которые с открытием навигации снаряжают лодки и едут по Оби и ее притокам собирать шкурки и разные предметы в пользу того бога, богатствами которого они заведуют; в прежнее время, когда инородцы не были так испорчены, как теперь, тогда действительно все жертвуемое хранилось в сараях, принадлежавших тому или другому богу, где шкурки и другие подобные вещи истлевали, а серебро и медь оставались целыми в течение столетий; теперь же большая часть попадает в руки русских и зырянских торговцев, которые всегда не прочь купить по дешевой цене старое серебро и новые шкурки. Обман жертвователей тем более легок, что местонахождение хранилищ жертвуемых вещей скрывается от всех, и только одни сборщики да

очень небольшое количество посторонних знают, где оно находится; в последнее время вследствие указанной причины, вследствие общего обеднения инородцев и вследствие тайного ограбления зырянами и русскими, запасы подобных хранилищ стали очень малы, но было время, и не далее, как в шестидесятых годах, когда в некоторых из них находили по сотням разных шкур и по десяткам пудов старого серебра; подобные запасы имели большое значение в жизни инородцев в несчастных случаях как отдельных лиц, так и целых родов, так как из них можно было брать взаймы какое угодно количество вещей с тем, чтобы потом, понятно, при улучшении условий, все возвращалось обратно с известным увеличением; они, таким образом, играли роль ссудных учреждений, освящаемых только религиозными взглядами; говорить о пользе этого, конечно, излишне, и вот почему многие бедствия — падеж скота, плохая охота, отсутствие рыбы, болезнь и т.д. прежде не имели такого значения, как это нередко бывает теперь.

Несмотря на известную простоту отношений между богами и инородцами, выражающихся, главным образом, в жертвоприношениях, между теми и другими существуют посредники в виде жрецов — шаманов, звание которых обыкновенно переходит по наследству не только по мужской, но и по женской ли-

нии. Эти шаманы представляют из себя людей наиболее угодных богам, чем остальные, и просьбы которых поэтому могут быть скорее удовлетворены. Обыкновенно шаманы еще с малолетства выказывают некоторые отличительные черты сравнительно с другими детьми, что преимущественно выражается в большей восприимчивости, в большей впечатлительности и вообще большей нервности; иногда они страдают припадками падучей болезни, приступы которой объясняются общением с богами; прежде и даже теперь иногда между шаманами встречаются люди, искренно убежденные и верующие во все то, что они проделывают во время припадков или в другие моменты своей жизни и смотрящие на это, как на проявление божественной силы, но с каждым годом число таких лиц уменьшается, и они заменяются известными шарлатанами, которые, пользуясь доверчивостью инородцев, обманывают их, обирают и живут вследствие этого гораздо лучше остальных людей своей народности, что, главным образом, выражается в большем количестве выпиваемой водки. Обязанности шаманов заключаются в приношении жертв, в лечении больных, в гадании и узнавании будущего и воли богов. При всех жертвоприношениях, если только присутствует шаман, а они нередко бывают и без него, он играет первенствующую роль: он убивает животное, режет его на

части, собирает кровь, кормит изображение богов, т.е. мажет им губы кровью и ставит перед ними на некоторое время берестяные или деревянные чашки с мясом, которое затем съедает сам же, и вообще он начинает и кончает торжество. Здесь же происходит часто и гадание о разных вопросах, имеющих значение в жизни инородца, о количестве зверя, птицы, рыбы, об охоте, лесных пожарах и т.д.

Жертвоприношения бывают случайные и постоянные: первые находятся в зависимости от каких-либо случайных причин и от большего или меньшего усердия инородца, между тем как вторые являются обязательными и совершаются обыкновенно весной, перед началом рыбной ловли, ранней осенью, после ее окончания, поздней осенью перед отправкой на зимнюю охоту и затем по возвращении с нее, и в других тому подобных случаях; при жертвоприношениях обыкновенно присутствуют только одни мужчины, а женщины нарочно удаляются подальше от священного места, где совершается обряд. Жертвы состоят из оленей, а если есть какая-нибудь возможность достать лошадь, часто даже за очень большие деньги, то из нее, последняя жертва считается наиболее приятной богу и самому инородцу, так как при всех жертвоприношениях богам собственно достается только запах да пар от дымящейся крови и сочного мяса, а все осталь-

ное съедается самими жертвователями, для которых лошадиное мясо представляет лакомый кусочек, тем более приятный и дорогой, что он бывает очень редок: лошадей приходится приводить или из-за Урала, или со среднего течения Оби, что, понятно, соединено с большими хлопотами и затратами. Жертвенное животное или душится, или режется, или убивается просто ударом дубины по лбу, причем нередко бывает, особенно с лошаадьми, что их еще живых колят слегка ножами, собирают вытекающую кровь, пьют ее и это продолжают делать до тех пор, пока животное в страшных мучениях не умирает. При призывании богов шаманы не надевают особого костюма, а только имеют на голове небольшую шапочку в виде колпака, сшитую из кусочков разноцветного сукна, да в руках бубен, по которому ударяют особой палкой, обтянутой шкуркой какого-нибудь зверька; этот бубен делается преимущественно из лосиной кожи, иногда из оленьей и даже собачьей, натянутой в сыром виде на обруч, шириной в два-три вершка и в диаметре до аршина и более. Сырая кожа при высыхании плотно обхватывает обруч, затем слегка ее пришивают к ободку, к которому прикрепляют еще кольца, цепочки, бубенцы и вообще предметы, издающие звук. С внутренней стороны вставляется накрест две палки, при помощи которых бу-

бен и держится. При сильных движениях, производимых шаманами во время призывания богов, все погремушки гремят, сам бубен, при ударе в него, издает отчетливый резкий звук, особенно если предварительно его держали несколько времени над огнем, и вот эти-то все звуки приятны богам и на них-то они идут сообщить свою волю катающемуся часто под конец плясок в судорогах шаману, который произносит в это время несвязные звуки, с благоговением ловимые окружающими и дающие им лишний повод изошрять свою изобретательность на их истолкование и на прославление своих богов. Всего чаще призывается *мир суснэ хум*, как бог, который заведует всеми людьми и который стоит к ним ближе всех; поэтому нередко пользуются для его призывания ночами, когда он совершает свой объезд; для этого в жилье, где происходит гадание, тушат огонь; шаман ударяет несколько раз в бубен, и затем все смолкает и наступает гробовая тишина, среди которой будто бы явно слышится конский топот и затем раздается треск, признак входа бога в жилье, после которого вскоре все прекращается, и шаман, распросертый часто на полу, начинает сообщать то, что ему говорил бог, очень часто перед жильем ставится предварительно несколько серебряных или вообще металлических тарелочек для

того, чтобы божий конь мог стоять не на голой земле или снегу.

Звание шаманов довольно выгодно, поэтому не мудрено, что есть немало охотников, которые не прочь бы ими сделаться, но, как я уже сказал, звание это более или менее наследственно, а затем оно соединено с некоторыми затруднениями, которые, главным образом, заключаются в умении проделывать разные фокусы и в нервности натуры; между шаманами встречаются такие, которые славятся на несколько сот верст в округности и которых выпиывают в случае необходимости богатые инородцы.

Врачебная деятельность шаманов сводится опять-таки к призыванию богов, к нашептыванию и даванию тех средств, про которые уже было упомянуто.

Шаманы являются, понятно, главными сторонниками и защитниками язычества, которое, наряду с пьянством, в настоящее время служит одной из главных причин обеднения инородцев, так как всякое призывание бога, всякое гадание соединено с большими затратами на устройство жертвоприношений, тем более что шаман нередко предъявляет большие требования, говорит, что бог требует, например, пятку соболиных шкурок, кусок красного сукна, пять фунтов медных украшений и тому подобных вещей, т.е. более или менее ценных, или что он желает получить в жертву оле-

ня или лошадь с каким-нибудь пятном на голове, спине или ноге, и инородец до тех пор не успокоится, пока не исполнит приказанного: пойдет в работу, продаст все, что у него есть, но добьется своего, и воля бога или, вернее сказать, воля шамана будет исполнена.

Язычество при настоящих условиях для инородца более доступно и привлекательно, чем христианство, которого он не понимает: при жертвоприношениях, при гадании он сознает, что делается. Он сроднился с этим и вместе с тем является действующим лицом почти таким же, как и шаман, что для него опять-таки служит завлекающим мотивом, при всех языческих обрядах он наестся, напьется, напляшется и напоется, так как при них всегда бывает и пляска, и пение, таким образом, эти обряды являются для него не только средством общения с богами, но и местом развлечения и наслаждения, чем, конечно, никогда не может быть христианство.

Со смертью, по верованиям инородцев, жизнь не кончается вполне, так как начинается другая в подземном царстве, обставленная известными условиями. Инородцы верят, что у каждого человека, кроме тела, есть еще тень — *ис* или душа — *лили хелмхолас*, последняя, по смерти человека, переходит в тело новорожденного ребенка, принадлежащего к тому же роду,

членом которого был умерший, если же род весь вымер, то она переходит в детей других родов, наконец, других народностей, но никогда не переходит в тело животных, что же касается до тени, то она отправляется в подземное царство, расположенное в Ледовитом океане за устьем реки Оби и находящееся в распоряжении подземного бога — *куль одыр*; здесь она живет столько же времени, сколько жил человек на земле, причем занимается тем же самым делом, т.е. если человек на земле был оленеводом, то и под землей он будет им, если он исключительно бил зверя и ловил рыбу, то и тут он будет тоже охотиться, и т.д. Затем тень начинает понемногу уменьшаться, доходить до величины одного жучка — *кэр хомлах* (по словам других, превращается в него) и, наконец, вполне исчезает. Люди, много грешившие на земле, обижавшие и не почитавшие богов, будут нести за это наказание в будущей жизни, которое, главным образом, будет выражаться в том, что они будут постоянно работать, но работа у них не пойдет хорошо и их труд мало будет вознаграждаться. Царством теней, освещаемым лишь лунным светом, как я уже сказал, заведует *куль одыр*, про которого, как толкуют маньзи, умный человек и говорить не станет; тем не менее мне удалось все-таки узнать следующее: *куль одыр* родился под зем-

лей, от кого — узнать не мог; он владеет целым городом и живет со своей семьей в большом золотом доме, где ему прислуживает масса слуг, вполне похожих на людей, только меньшего роста. Пока он не выходил из-под земли, богатыри и люди не умирали, но раз ему захотелось посмотреть, как живет небесный бог — *нуми торум*, полюбоваться его домом, а если возможно, то и отнять. Приходит, видит дворец, пленил он его, хочется отнять, но *нуми торум* догадался и крепко заперь все двери. *Куль одыр* этим не смутился и стал подкапываться под дом, вполне уверенный, что при падении он попадет прямо в его царство; заметив это и зная, с какой целью это делается, *нуми торум* перенес свой дом на другое место, подложив предварительно под него железную доску; вместе с тем он приказал семи слугам залезть в старые березы, от которых осталась одна береста и которых сердцевина была вся уже съедена, и караулить *куль одыр*. Когда последний пришел — его немедленно схватили и засадили в железную бочку, от сидения в которой он высох, как щепка. Отец *нуми торума корс торум* по своей доброте приказал освободить его и, не желая, чтобы он оставался без дела, поручил ему заведование подземным царством и приказал ежедневно являться к *нуми торуму* и брать у него записи, кому следует умирать, а

также на кого следует насыпать болезни («иначе слишком много людей будет» — думал *корс торум*); с тех пор *куль одыр* стал приходить к *нуми*, который в свой дом его все-таки не пускает, а заставляет сидеть у порога. Вернувшись в свое царство, *куль одыр* стал охотиться за зверем, птицей и рыбой, многих убивал, но еще большее количество портил: всякое животное, какое только он начинал есть, делалось черным и теряло способность насыщать людей. Люди, которым грозила при видимом изобилии съестных припасов голодная смерть, обратились за помощью к *нуми*, который быстро спустился на землю, убил рябчика, не давшемуся все *куль одыру* и отличавшегося в то время своей величиной и особенно голосом, гремевшим подобно грому, разрезал его на кусочки и раздал их различным животным, у которых от этого или все тело побелело, или только его часть, последний же кусок опять превратил в рябчика, но уже маленького и такого, которого мог добывать всякий охотник; после этого люди успокоились, так как пища их стала насыщать. Получив записи от *нуми*, *куль одыр* берет тени записанных и гонит их большой дубиной через тундру в свое царство, причем через воду перевозит на огненной лодке; если по ошибке он возьмет тень раньше времени, то, по приказанию *нуми*, он возвращает ее назад, и

этим объясняются, по мнению инородцев, продолжительные обмороки, в которые иногда падают люди.

По рассказам некоторых инородцев, теням в подземном царстве придется карабкаться на высокие горы и переходить огненные потоки, поэтому-то инородцы никогда не бросают сломанных или остриженных ногтей и волос, которые до поры до времени хранятся где-нибудь в укромном месте, чтобы потом первой по смерти весной, когда прилетят чирки, вырвать у них два хвостовых пера и вместе сжечь. Тогда эти волосы и перья дадут тени возможность перейти через огненные потоки и вскарабкаться на высокие скалы.

Вследствие таких взглядов на будущую жизнь, инородцы, когда хоронят своих покойников, наделяют их всем, что только составляло их собственность в этой жизни, и затем потом иногда пополняют этот запас, особенно съестными припасами, для чего в могиле оставляют нечто вроде окошка. Умершего стараются похоронить в тот же день, когда он умер, причем тело выносят не через дверь, а через окно или, если покойник в чуме, то нарочно прорезают отверстие. До кладбища, расположенного у маньзов и верховых остяков обыкновенно где-нибудь в лесу, тело, вполне одетое, несут на руках или везут на оленях, причем эти олени обязательно должны быть убиты на

свежей могиле и преимущественно посредством удавления — на шею накидывают петлю, привязывают за другой конец к дереву и затем ударами заставляют оленя бежать в ту или другую сторону, так что он душит самого себя. Могилы у маньзов и верховых остяков вырывается не глубже 12 вершков или 1 аршина и имеет бока, выложенные деревом или берестой; в такую яму опускают лодку, обыкновенно однодеревку, большей частью с отпиленной кормой и носом и с уплощенным дном, и сверху закрывают берестой или досками. Поверх этой ямы на высоте одного—двух вершков от земли делается крышка, уплощенная и только слегка покатая на обе стороны; крышка эта состоит из ряда тонких бревен, расположенных продольно и покрытых очень искусно сверху и внизу слоями бересты, и, наконец, вершков 6—8 от земли возвышается еще крыша, устроенная совершенно подобно предыдущему; вещи кладутся, особенно мелкие, во внутреннюю часть и только более крупные — лыжи и т.п. находятся на крыше; сверху же могилы обыкновенно лежат опрокинутые нарты, весло, оленья шерсть, иногда лодка. Интересен тот факт, что над инородцем, умершим вдали от своей родины, например, на Оби во время рыбной ловли, всегда на родине совершают обряд погребения, причем так же вырывает

ют могилу, так же кладут разные вещи и даже так же совершают иногда вроде поминок, как это бывает, одним словом, и с обыкновенными умершими. У самоедов и низовых остяков обыкновенно могил не роют, а кладут прямо на материк, причем сверху покрывают опрокинутыми нартами; у них же существует обычай, чтобы жены после смерти мужей делали из бересты, дерева и шкурок куклы, должествующие олицетворять покойника, и в продолжение шести месяцев класть ее с собой спать, угощать едой и т.д. Если этого не делать, то тень умершего будет мстить. Внешними признаками траура считаются у некоторых инородцев — распускание волос: у мужчин в продолжение пяти дней, у женщин — четырех. Ношение кос спереди, а не сзади (у мужчин в продолжение пяти месяцев, у женщин — четырех, причем головные платки последними носятся наизнанку). Плача при погребении обыкновенно не бывает, но это зависит, по всей вероятности, от того, что инородцы Северо-Западной Сибири вообще не охотники плакать и если иногда этим и занимаются, то исключительно, как мне по крайней мере приходилось видеть, в пьяном состоянии.

В привезенной коллекции находятся следующие вещи, имеющие отношение к религии:

1. Шаманский бубен с палкой, обтянутой шкурой.

Ввиду того, что шаманы очень дорожат своими бубнами, приобретение бубна, имеющегося в коллекции, было соединено с большими затруднениями, причем приходилось прибегать ко всевозможным хитростям, чтобы только им завладеть.

2. Небольшой узкий коврик, употребляемый шаманами при богослужении. Сшит из разноцветных лоскутков.

3. Медная чашка, употребляемая при жертвоприношениях; означенная чашка вырыта из старой шаманской могилы, теперь приобретает преимущественно у зырян по 1 рублю за штуку.

4. Лебедь-домбра, музыкальный инструмент, получивший свое название от лебеда, с которым у него действительно есть кое-какое сходство; представляет ящик, длинный и узкий, к которому прикреплена высокая ручка, изогнутая в виде лебединой шеи. Струн девять, причем в последнее время они стали делаться из медной проволоки, между тем как прежде, да и теперь в глухих сравнительно местах, они по-прежнему из оленьих жил. При игре лебеда ставят на колени и струны перебирают сразу с двух сторон. Звук получается довольно мелодичный; употребляется преимущественно на Оби при жертвоприношениях, при плясках в честь медведя и при других торжественных случаях. Инструмент исключительно мужской, делается обыкновенно самим музы-

кантом. Под аккомпанемент своего инструмента музыкант начинает петь обыкновенно какую-нибудь импровизацию, причем, если она нравится, то повторяет ее несколько раз; пение довольно монотонное. Сюжетом для импровизации может служить решительно все — мертвое и живое, люди и звери, птицы и рыбы, предпочитают, однако, людей, как дающих лучший материал. На Оби и ее притоках везде распевают песни про местных торговцев, которые в них задеваются обыкновенно довольно едко.

5. *Сангулда** — музыкальный инструмент, имеет вид длинного и узкого ящика, снабжен пятью струнами; употребляется, главным образом, на притоках среднего течения Оби, струны почти всегда делаются из оленьих жил, которые предпочитают сравнительно с металлическими; при игре инструмент кладут на колени и начинают играть сразу двумя руками, звук получается в высшей степени мягкий и мелодичный. Сангулда очень распространен и всегда употребляется при жертвоприношениях и при других торжественных случаях, делается преимущественно из ели.

6. *Эва тумран* — женский музыкальный инструмент, делаемый из берцовой кости оленя или лося и имеющий вид пластинки длиной до 4 вершков и

шириной до $\frac{3}{4}$ вершка, сильно напоминает отдельный лад в гармонии или отдельный клавиш в рояле; в середине его по продольному направлению вырезана узкая пластинка, прикрепленная только одним концом к остальной части инструмента, тут же прикреплена и оленья жила; инструмент при игре берут в рот, прикладывают язык к средней пластинке и начинают производить быстрые подергивания жилой, тогда появляется звук очень слабый, но затем, по мере того, как слух напрягается, он становится все сильнее и сильнее; звук довольно мелодичный, инструмент этот составляет исключительную принадлежность женщин и преимущественно тех из них, которые принадлежат к маньзам.

7—9. Три берестяные маски — *сас уильт*, употребляются при плясках и представлениях в честь медведя и делаются из вываренной бересты, причем брови, усы и борода окрашиваются или нэрпом, или котельной сажей, иногда привязываются к носу или подбородку какие-нибудь кружочки, треугольники и т.д., носы большей частью делаются безобразными. Назначение масок — скрывать лица пляшущих и играющих от медведя и от зрителей, так как медведь, хотя и любит увеселения, но не любит нахальства, и поэтому плясать и в то же вре-

* Струна — *тан*. Перекладина для струн — *нак*. Палочки, с помощью которых струны натягивают, тоже *нак*.

мя смотреть ему в глаза нельзя; что же касается до такого отношения к зрителям, то, быть может, это вызвано тем обстоятельством, что играющие часто позволяют себе высказывать своему начальству, особенно родовому, довольно едкую правду, и сердиться на это по обычаю нельзя.

10. Модель могилы маньзя, сделанная согласно описанию, помещенному раньше; если не имеется подходящей (более или менее старой) лодки, то делают ящик, все-таки похожий на лодку, причем не надо упускать из виду, что могила землей не засыпается, и, несмотря на это, несмотря на неглубокое погребение, запаха обыкновенно на кладбищах не замечается, что, конечно, зависит от плотного закупоривания могилы берестой в несколько слоев и от местных климатических условий, которые не позволяют сильно оттаивать земле, так что даже на глубине аршина нередко можно найти уже мерзлый слой, лишь в редкие года подверженный оттаиванию.

11–13. Маленькие деревянные лопаточки, которые обыкновенно кладутся в могилу и в момент погребения, и во время поминок вместо ложек; такие же лопаточки употребляются и при жертвоприношениях, так как, по мнению инородцев, боги едят пищу ими, а не ложками, поэтому у всякого идола, как в его казнохранилище,

так и в месте приношения жертв, всегда находится немало таких лопаточек, приносимых вместе с пищей верующими своим богам.

14. Кукла, делаемая самоедками и низовыми остячками по смерти мужа и сохраняемая обыкновенно в продолжение полугода. Она помещается всегда в почетном месте, которое при жизни составляло принадлежность хозяина; это время считается временем траура, и редко какая-нибудь из вдов решится вновь выйти замуж ранее истечения положенного срока; одежда и украшения делаются подобными настоящим, иногда даже какая-нибудь старательная вдова делает предварительную куклу из дерева, причем лицо или раскрашивает, или вырезает, но это бывает довольно редко, по всей вероятности, потому, что эти инородцы не могут похвастаться умением хорошо резать по дереву.

Что касается собственно до изображений идолов, то, как было уже сказано, они делаются из дерева, из металла и очень редко из кости. Идолы общественные преимущественно вырезаются в деревьях, еще продолжающих расти. Идолы же домовые и частные представляют из себя часто просто совершенно не обделанные палочки, обернутые шкурками или платками; в последнее время инородцы стали приобретать у русских и зырян простые детские деревянные игрушки и призна-

вать их за изображения своих богов в настоящем их виде или в том, какой у них был в то время, когда они боролись между собой с разными богатырями и великанами; при таком превращении русских игрушек в изображения инородческих богов не происходит какой-нибудь церемонии, а просто вещь кладется в ту шкатулку, где обыкновенно хранятся священные предметы, и этого вполне достаточно для признания их священными и для поклонения им. При раскопках старых могил приходилось находить маленькие литые изображения фигур — человеческих, птичьих и каких-то звериных, подобных тем, которые известны под названием чудских и которые в большом количестве находятся также в Приуральском крае, особенно в северной его части; по рассказам стариков, эти изображения не делались на месте, а откуда-то привозились и почитались вместо идолов.

Для лучшего ознакомления с характером погребения самая выгодная находка — это шаманская могила, так как в ней все-

гда можно найти, помимо обычных вещей, и изображения богов, и разные талисманы в виде просверленных зубов разных животных, их челюстей, разные мелкие кости и в том числе черепа, имеющие то или другое таинственное значение. Среди полутора сот раскопанных мной древних могил мне удалось напасть на две шаманские, из которых я извлек те изображения идолов и те талисманы, которые имеются в коллекции.

К предметам, перечисленным в этом кратком предварительном очерке, необходимо прибавить еще до семидесяти фотографических снимков, сделанных мной как представителем местного населения, так и с различных принадлежностей их быта, что дает возможность дополнить отсутствующие модели некоторых построек, так что, одним словом, жизнь местного края с его природой и населением может быть представлена более или менее полно, что и было руководящей идеей при составлении привезенной коллекции.

Мокин

В прошлом году в «Лукиче» (Ч. 6) были опубликованы отрывки из повести Фомы Баннова «По нехоженым тропам», посвящённые крестьянскому восстанию 1921 года. Один из героев повести — Феодосий Агеевич Мокин, красный командир, принимавший участие в подавлении восстания и убитый в 1927 году одним из усмирённых им крестьян. Просматривая в ГАТО тюменские газеты 1920-х годов, я обнаружил целый ряд публикаций, посвящённых последнему событию. Примечательно, что в них называются совершенно другие имена убийц Мокина: не изучив архивные материалы, трудно сказать, что тому виной — судебные ошибки или же автора повести просто подвела память. В любом случае эти заметки, написанные по горячим следам, интересны как ещё одно свидетельство своего времени.

Население требует расстрела бандитов — убийц тов. Мокина

Граждане д. Ильиной Шатровского района на собрании в присутствии 672 человек, заслушав сообщение об убийстве бывшего командира отряда по

ликвидации банды в 1921-22 гг. тов. Мокина, сердечно сожалеют о преждевременной кончине заслуженного красного командира, пользовавшегося всеобщим уважением, и просят органы советского правосудия к убийцам т. Мокина применить высшую меру наказания — расстрел — или во всяком случае не возвращать их в пределы Уральской области.

Граждане выражают надежду, что суд учтёт их просьбу при определении меры социальной защиты к обвиняемым, которые были и есть противники трудового советского строя и совершили уже не первое преступление перед трудящимися.

[подписались жители д. Ильиной Шатровского района]

*Красное знамя. 16 сентября
1927. С. 2.*

Некролог: тов. Мокин

С болью в сердце вспоминаю также Мокина Федосея Агеевича, крестьянина из дер. Ильиной Шатровского района. В империалистическую бойню — солдат-фронтвик. Активный участник октябрьского переворота в Ленинграде, где получил первое

ранение в ногу. Он действовал в тылу Колчака, организовав отряд в 70 чел. Заводо-Успенская дача с её падами и сплошными лесами на протяжении 100 вёрст были их убежищем. Только лишь линия фронта прошла д. Ильиной, тов. Мокин вступил добровольцем в Путиловский полк, где сражался до окончательного уничтожения банд Колчака.

Сотоварищи Мокина, оставшиеся на местах, также не дремали. Лишь только линия фронта отошла не больше 10 вёрст под звуки ружейной стрельбы, грохот пушек они организовали в селе Спасском, Шатровского р. с.-х. коммуны «Луч Солнца». Прогнат Колчак, Мокин принимает активное участие в строительстве соввласти — становится в ряды красной милиции.

Накатившаяся волна бандитизма магически воздействовала на красного партизана. Мокин отчаянно дрался с бандитами.

Его отряд из 40 бойцов с 1 мая по 4 ноября не покидали сёдел. Эти 40 героев освободили, выбили из кольца банды 2 взвода красноармейцев, которые, будучи в кольце, уже прекратили стрельбу. Эти 40 героев приняли бой с бандитами в селе Камышевском численность коих была более 1500 человек вооружённых пулемётами и винтовками. И эти же 40 героев ходили за реку Тобол в Суерский и Емуртлинский районы для окончательной ликвидации бандитского движения.

Успокоившись за благополучие молодой республики, тов.-Мокин как и все полагал отдохнуть на вольном труде. Но вот в ночь с 8 на 9 августа нынешнего года коварная рука кулацкого выроodka выстрелом из «крымки» в спину тов. Мокина всадила 46 дробинок, из них 3 в сердце.

Спи, дорогой товарищ, пролетарский суд воздаст должное убийце, из «Лучей Солнца» будет Солнце Социализма.

Стефанович

*Красное знамя. 2 октября
1927. С. 2.*

*Водники требуют расстрела
убийц партизана Мокина
[6 подписей]*

*Красное знамя. 23 октября
1927. С. 2.*

К суду над убийцами тов. Мокина

Организаторами убийства тов. Мокина являются кулаки дер. Ильиной Шатровского района братья Кузьмины — Трифон Степанович и Афанасий Степанович, непримиримые враги существующего советского строя.

Свою контрреволюционную деятельность Кузьмины проявляют с самого начала возникновения на нашей территории советской власти.

В 1919 г. Кузьмины учинили попытку разогнать местный волостной революционный комитет и заменить последний кулацким комитетом. Для этой цели Афанасий Кузьмин организовал вооружённое нападение на по-

мещение ревкома и принимал в нём непосредственное участие.

В 1919 же году Кузьмины принимали активное участие в убийстве, прибывшего в дер. Ильину полит. работника 29 стрелковой дивизии тов. Киселёва.

В кулацко-бандитском восстании 1921 г. Кузьмины являются активными деятелями, занимая ответственное положение и имея военное вооружение.

После ликвидации восстания Кузьмины занялись уголовным бандитизмом. На протяжении 1922 и 1923 гг. они, во главе шайки численностью около 30 чел., неоднократно грабили Шороховскую прод. контору и Кодский подсобный пункт. У целого ряда крестьян воровали из амбаров и квартир хлеб и проч. имущество, резали скот, похищали лошадей и сбывали их с помощью поддельных расписок и избивали первого попадавшегося им под руку. В начале 1927 г. своего однодеревенца Горяева Евстафия совершенно лишили зрения. Исполнителями убийства т. Мокина явились Семён Кузьмин — сын Кузьмина Трифона и Захаров Иван, известные своими бандитскими действиями среди местного населения.

И вот преступные руки этих бандитских выродков, в ночь на 8-ое августа во время возвращения тов. Мокина из сельсовета домой, выстрелами из двух охотничьих дробовых ружей, уложили на смерть преданного революции товарища.

Произведённым расследованием факт виновности Кузьминых и Захарова с достаточной полнотой установлен, и последние в недалёком будущем предстанут перед уральским областным судом, так как дело по своей серьёзности местному окрсуду не подсудно.

Тим.

*Красное знамя. 23 октября
1927. С. 2.*

Месть кулаков

Тюменский окружной суд в судебном заседании под председательством тов. Двойникова приговорил: Кузьмина Трофима и Афанасия по ст. 17—136 УК к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией каждого.

Кузьмин Семён и Захаров Иван осуждены по ст. 136 УК на 10 лет лишения свободы каждый.

Все осуждённые лишены гражданских прав на срок по 5 лет и по отбытию своего наказания подлежат высылке из Уральской области на тот же срок.

Ч.

*Красное знамя. 23 февраля
1928. С. 4.*

Приговор над убийцами Мокина утверждён

Верховным судом республики утверждён приговор над убийцами красного партизана Мокина, братьями Кузьминым и

*Красное знамя. 7 апреля 1928.
С. 4.*

Про НЛО, огненного змея и летающую головешку

Древнейшее сообщение о неопознанном летающем объекте в небе нашего края относится к 1656 году: «Августа 2 дня явилась в Тобольску звезда погонная: стояла на полудни и вскочила с места своего, побежала по небу на запад и стала мала, и поблистая весьма, и опять побежала по небу, и того ее бегу с полудни через запад было шесть раз, и после того потухла. Проявляла непостоянную войну»¹.

Что-то рухнуло под Тобольском в 1701 году, изрядно перепугав горожан: «Месяца июня 8 числа в Тобольску воздушное явление: в седьмом часу дни взошла громовая туча; стоящие люди при берегу реки Иртыша, где рыбой торгуют, и рыбные просолы видели: летел оттуда же долгой и великий змей, весь черной, без крыл, будто великое бревно изгибаясь, и на пролете города великий грянул гром с молниею — звук же аки бы посредствен — и отшибло у змия прежде главу, а потом и хобот пополам расшиблело; и так пал хобот за рекою, пониже города, а голова пала по конец яру, в пяти верстах ниже города находится, а середку его бурюю с ветром пронесло на Кугаевское озеро»².

А в 1706 году в сибирской столице произошло событие, которое вполне можно иденти-

фицировать как высадку инопланетян. «Ноября 20 числа в Тобольску видено было: во исходе 4-го часа нощи, посреди небеси, на воздухе, выпал будто свиток бел, растягиваясь, и вслух людям шустал, и пал посреди двора воеводского, вблизи крыльца: и внезапно явился человек, от него же четыре искры огненные вверх порознь возлетели и совокупились в место, и через малую минуту все исчезло; в то же время нанесло тучу и гром велик скрежета часа с два. И бысть воеводскому дому пожар»².

Наконец, в 1741 году, с точки зрения уфолога, где-то под Тобольском явно стартовал инопланетный космический корабль: «Месяца июля 7 дня, в пятом часу дни, воздушное знамение было в Тобольску: все небо было чисто, и внезапно как гром грянул или из пушки выстрелило. Когда люди смотреть стали, виден был огонь, пологой и наподобие молнии снизу вверх протянувшийся, и сверху как небольшой дымчатый облак стал, и из него так часто стрельбою палило или так гремело через минуту. И по малом времени онаго облака не стало»².

«Инопланетные визиты» продолжались и в XIX веке. Так, нечто загадочное произошло в небе над Березовым осенью 1832 года. «Березовскаго городничаго о про-

¹ Тобольские губернские ведомости. 1892. № 7.

² Там же.

известии случившемся в городе Березове ноября 1-го дня 1832 г. № 547. Его высокородию управляющему губерний господину председателю Тобольской губернии и кавалеру. Рапорт.

Вашему высокородию имею честь донести, что на 1-е число сего ноября по полудни в 12 часов, в городе Березове, примечанию достойное случилось на небе происшествие, в виде явления первоначально ударением молнии и протяжением от полдня и до севера звезд, — а потом вдруг прекратилось и показывалось на небе подобно змею, после сего в роде дыму и до 7-го часа утра следующего дня, ежеминутная происходила молния — в продолжение же сего времени во всех местах падали с неба на землю звезды подобно редкому дождю. Жителям же города Березова во время сего происшествия, равно и скоту никакого вреда не причинило (Подпись не разобрать)³.

В сентябре 1897 года издававшаяся в Тюмени «Сибирская торговая газета» сообщила, что: «20-го сентября, в 9-м часу вечера на северо-восточном небосклоне, довольно высоко, над горизонтом, некоторые из обывателей Томска наблюдали нечто подобное воздушному шару, освещенному настолько сильно, что он производил на них впечатление привешенного к облаку фонаря. По рассказам очевидцев, аэростат этот

казался им размером около $1\frac{1}{2}$ четвертей в диаметре и имел форму — то шара, немного усеченного снизу, то эллипса. Любопытно в особенности то, что аэростат около получаса держался на одном месте, совершая лишь небольшие движения — то вверх, то вниз, то отклоняясь вправо или влево; одно время, по направлению от него полетели вниз один за другим с небольшими промежутками пять «огоньков» (так рассказывали наблюдатели), которые, в недалеком расстоянии от земли, все разсыпались, словно фейерверк, на множество ярких искр; по временам шар как бы повертывался к наблюдателям мало освещенной стороной, и тогда казался им тусклым пятном или узенькой светлой полосой. Наблюдение шара продолжалось около сорока минут, — затем его закрыло облако, а когда облако прошло, то уже шара нигде видно не было»⁴.

В конце сентября описанный выше объект видели в небе под Омском, а 14 октября подобный шар наблюдали над Тюменью⁵. На этом исчерпываются старинные документальные свидетельства об НЛО и энлонавтах в нашем крае. Но есть все основания полагать, что с данным феноменом наши предки были знакомы с древнейших времен. Во всяком случае один из персонажей славянской мифологии по внешнему виду и поведению весьма схож

³ Коргопольцев. Небесное явление в Березове в 1832 г. // Русская старина. 1891. Т. 71. С. 414.

⁴ Сибирская торговая газета. 1897. № 72.

⁵ Там же. № 79.

с современными описаниями НЛО и их пилотов. Речь идет о некоем «огненном змее» славянского фольклора. Вот почему в цитированных выше сообщениях небесные объекты именуются «змеями». Цикл мифов об огненном змее отразился в сербских эпических песнях, а также в древнерусской повести о Петре и Февронии Муромских, в русских былинах и заговорах⁶.

Внешний облик огненного змея разнообразен: это змеевидный демон и демон, принявший человеческий облик, огненный шар или искрящаяся головня, летящие по небу. Огненного змея можно специально вывести из яйца, которое снесено петухом. Такого огненного змея можно научить носить в дом богатство. Но может огненный змей явиться незваным. Происходит это чаще всего в случае, когда молодая женщина сильно тоскует об умершем или пропавшем безвестно муже. В этом случае огненный змей принимает облик мужа, живет с женщиной и может довести ее до смерти, отнимая жизненные силы. В результате подобной связи может родиться существо — демон змеиного вида⁷. Некоторые фольклорные тексты, рассказывающие об огненном

змее, повторяют приведенное выше сообщение начала XVIII века из Тобольска, когда в результате «высадки энлонавта» сгорел дом воеводы⁸.

На протяжении многих лет автор этих строк собирает «сுவверные рассказы» («былички») русского населения Зауралья. Былички — это один из жанров фольклора, именуемого «несказочной прозой». Несказочной эта проза называется потому, что хотя речь в ней идет о сверхъестественных существах: леших, русалках, домовых, кикиморах и подобной нечисти, но повествование проходит в режиме нормального (несказочного) времени и пространства.

Рассказчик передает свои личные впечатления или впечатления родственников, знакомых, односельчан от встреч со сверхъестественным. И по сей день в сельской местности юга Тюменской области престарелые крестьяне могут рассказать немало интересного об огненном змее. Замечательно, что в современных быличках огненного змея часто называют «тарелкой» и наоборот. Ниже вниманию читателей предлагается подборка текстов быличек об огненном змее, собранных автором, его внешнем виде

⁶ *Скрипиль М.О.* «Повесть о Петре и Февронии» и эпические песни южных славян об огненном змее // Научный бюллетень Ленинградского государственного университета. 1946. № 11–12.

⁷ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 283–284.

⁸ *Иванов П.В.* Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 5. Вып. I. Харьков, 1889. С. 59–60; *Шейн П.В.* Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб., 1874. С. 302.

и повадках. Ознакомившись с этими рассказами, читатели сами могут убедиться, насколько представления об этом мифологическом персонаже близки тому, что обычно сообщается об НЛО и поведении инопланетян.

1. «Петушиное яйцо выпаривать под мышкой — появиться змей, который будет все носить. Он огненный. Ел только яичницу».

2. «Змей выпаривается из петушиного яйца. Хозяин становится невидимым. Змей слугит хозяину».

3. «Выходит змей из яйца трехнедельной выпарки под мышкой. Яйцо должно быть длинным и с острым окончанием. Огненный змей вылетал в трубу. Выглядел как орел и от него искры сыпались. Приносил деньги».

4. «Выпаривают под мышкой. Змей двухглавый».

5. «Был раньше огненный змей, как красная стрела летал. Вечером прилетал и попадал в чулан к волшебнице. Она его вывела так: парила за пазухой петушиное яйцо. Змей из него вылетал и таскал ей все, что она хотела».

6. Говорят, через три года петух яйцо несет, вот тогда надо его найти и выпаривать три недели. А потом заговорить его на деньги или на масло, или еще на чего-нибудь. Вот он и таскает. Он как вырастет, невидимый станет и летает, но ночью он как головешка красная. Люди откроют ставни на ночь, он залетит и утащит

что-нибудь. Ежели он осердится, то может ожечь. Ему обязательно нужно гнездо сделать. Кто гнездо делает в подвале, а кто прямо в комнате, на полатах».

7. «Через три года петух сносит яйцо, из него вылетает змей. Змей этот таскал или золото, или масло, вылетал змей из выюшки и таскал, что тебе надо. Питался он яйцами».

8. «Где жили Шумковы, летал огненный змей. Жила хозяйка богато, хотя особенного дохода не было».

9. «Еще я вам хочу сказать, что в моем доме раньше жила хозяйка, так к ней прилетал змей. Утром встаю, а над окошком дыра насквозь, но с улицы ее не видно. Сколько раз я ее ни замазывала, появляются трещины».

10. «Жил у нас Александр Южаков. Он был женат на старой. Они взяли приемную дочь. Когда она подросла, он стал жить с обеими. Так вот, рассказывали, к ним змей летал. Я его видела два раза. Он — как след от спутника, но только на небольшой высоте. Залетал в трубу. Яйцо выпаривали».

11. «В Песказово Бабины жили, так у них змей был. Летал, даже искры сыпались. Когда их раскулачили, дом даже сгорел. Говорили, что делались свиньями, курами. Змей им богатство носил. Дом у них большущий был, стаи хорошие. Говорят, выпаривают змея откуда-то».

12. «Такая женщина была (вдова): в ворону превращалась, в трубу залетала, жила особня-

ком, от всех отдаленная, мало-обширная, в лес одна ходила. Она принимала змея у себя. Много легенд о нем, что якобы в трубу влетает и в красавца превращается».

13. «Про огненного змея слышала, когда жили в Ковырье (по Конде как ехать, недалеко от деревни Туман). Старушка там кулачка жила. Дочь ее приходила к нам и рассказывала (я никогда не забуду): «Летал, — говорит, — к нам змей огненный. Мама к ночи трубу-то откроет, он и влетит, а нас в переднюю не пускала. Мы с сестрой подсмотрели и видим: красивый парень ходит. А в 12 часов улетает». (Мужа матери убили к тому времени). Мы жили потом у них в доме. У них во дворе под бревном яма вырыта была — человек оттуда казался. Так, говорят, там он и жил. Мы туда положили шадла (шучьи челюсти) и перестали видеть этого человека».

14. «Про змея слышала. Я когда большая была, у нас тут одна женщина хворала, лежала и лежала на печи. Говорили, что она змея выпаривала и ничему его не научила. Так он ее сосал и в постель тянул. Змея выпаривали из петушиного яйца, рождался червяком. Я сама змея видела, когда была молодая. Головешка летала, и искры от нее. Змея приучали коров доить, прилетит он с «работы» и в посудину молоко выливает».

15. «Иногда и черт летает или змей — кто как называет. В Безруково одинокая женщина жила, к ней часто черт прилетал или рано утром, или по-

здно вечером. Иду я рано утром, смотрю: к дому ее шар подлетает большой и яркий-яркий. И опустился он к ней во двор. Говорили, что он ей богатство носит, только богатства у ней особого не было».

16. «Это было весной. Мы спали, вдруг воссияла вся стена. В этот момент Клара Пивоварова шла, ну и рассказала: «Я чуть не упала. Прилетела, как искра пала. Искры в разные стороны». А змей-то из яйца. Петух яйцо несет. Женщины выпаривают его. Яйцо не круглое, а как с хвостиком».

17. «Однажды возвращаясь домой ночью, увидел летящий сноп огня. Он летел, упал под ворота. Он был примерно 60 сантиметров. Упал и рассыпался, сноп был красный, огненный. Этот дом был домом колдуна».

18. «В войну это было. Вечером, уже солнце закатилось. Мы катались с горки (где стоят сейчас коттеджи, речка была, скотный и малоканка). Весной или осенью было — не помню. Остался я один. Мать идет за мной сзади, я смотрю — летит. «Мам, смотри, летит». Мать схватила меня и побежала. Низко летело. Маленькие огоньки размером с коробок. Огненный змей, наверняка.

Мужик видел: один раз летела и — на кладбище».

19. «А я в школе еще училась. Пошла зимой с девушкой. Летит продолговатая, как головешка, мы испугались и побежали. Увидели, что искры летели. С виду небольшая. Мы идем, она

летит и все. Куда надо, туда и залетит. Если труба открыта, то туда залетит, а потом из трубы человеком выходит».

20. «Говорят, и раньше тарелка летала: вылетит, бывало, из-за леса шар, ударится о землю, скачет через всю деревню, а за лесом искры полетят и рассыплются (говорят, что колдун летал, а может, и тарелка)».

21. «Видела зимой 1990 года. Где-то в 11 часов вечера вижу, как прожектор осветил в стороне деревни Кельсино. Это совпало с описаниями жителей Болчар, которые в это же время видели. И я видела, как объект удалялся в виде шара со световыми пучками в разные стороны, он медленно поднимался вверх, освещение мутнело, и он исчез.

Где-то в 60-х годах, говорят, тоже видели шар с хвостом, летел над кладбищем. «Черт летает», — так тогда говорили».

22. «Прошлый год видела в окно: летит тарелка, сияет, как зарево, шар большой, сзади огонь. В другой раз пошла к соседке часов в 8 вечера и увидела что-то в форме шара. Было это осенью».

23. «Года три тому назад наблюдала непонятное явление: круглое, продолговатое пятно, от него отходили лучи разного цвета. Пролетело — и все».

24. «Однажды видела. Сижу дома, слышу: внук кричит с улицы, зовет. Я вышла и увидела: на расстоянии 1—1,5 километров от дома что-то круглой формы село на опушке леса, из него

вышел человек и вошел в лес. Я стала ждать, думаю, кругом лес обойдет и все равно выйдет. Так и не дождалась, и оно постепенно исчезло. Было это года четыре назад, летом, днем. Другие в деревне не видели».

25. «Человек 12 около дома видели, что шар летел со стороны леса. На базовской дороге была, ждали, что мужика привезут, который разбился. Около половины двенадцатого ночи. Огненный летит. Летел, летел и угас. Пролетел над нами не очень высоко, медленно. Ушел в сторону леса, лучи разлетались голубоватые, тонкие, очень тонкие. Луч казался в 30 сантиметров как бы с разрезами. Высоковато летел. Лучи мигали. С мигушкой летел. Был как будто свист какой-то и затих. Испугались. Обсуждали через неделю».

26. «В 1992 году осенью, в октябре, видела летающую тарелку. Было темно, легла. Вдруг все воссияло, как будто две лампочки пролетели и исчезли. Я опять легла. Потом стенка воссияла, осветило на одну секунду за берегом. В третий раз легла, но на другую сторону. Вдруг, как днем, светло стало. Шума никакого не было, что-то круглое с лампочками над берегом невысоко летело. Тарелка маленькая с шестью лампочками синего и белого цвета. Пролетела быстро, как молния, с другой стороны осветила и исчезла. Все это за 10 минут. Потом села и опять не спать и не спать. Привидение это или тарелка?»

Коняев: неизвестная Россия*

Что такое «книга-открытие» сегодня? О чем таком неизвестном и поразительном она расскажет русскому читателю? (Слово «русскому» означает «читающему по-русски»). Какие тайны бытия, неведомые массам, открывает автор на своих страницах?

Казалось бы, ответ и прост, и ясен. Депутаты и министры, банкиры и предприниматели, рэкетеры и «челноки», киллеры и проститутки, наркоманы и звезды «попсы», сектанты, геи, лесбиянки Вот она, новая и скороспелая русская реальность, незнакомая и непонятная народу. Вот он, набор персонажей для очередного бестселлера, сенсационно раскрывающего темные покровы, прочтя, нет, проглотив который люди, будут ахать и го-

ворить друг другу: «А ты читал?.. А ты знаешь?..».

Проруха в том, что знают, начитались, хотя и продолжают по инерции глотать. Выше-

Коняев Н.И. Отголоски-отзвуки: Рассказы и документальное повествование/ Предисл. В. Захарченко. — Тюмень: Издательство Ю. Мандрики, 2000. — 288 с. — Книга издана по заказу Комитета по СМИ и полиграфии ХМАО (председатель А.К. Мишурин).

При подготовке книги к печати предисловие попросили написать писателя, автора многотомного романа «Слой» Виктора Строгальщикова. Однако статья от него поступила в издательство слишком поздно: книга уже находилась в печати.

Нынешняя публикация — это переданная Виктором Леонидовичем статья для книги Николая Коняева.

перечисленному «джентльменскому набору» в современном отечественном книгопечатании отведено несметное количество страниц и переплетов. Не будем сетовать о качестве серийной книжной выпечки — здесь, как и прежде, один хрустящий каравай на сто сырых батончиков: просто в «новом мире» поедателей французских сладких булочек уже не осталось настоящих тайн. Людям (именно так, с ударением на втором слоге) давно и крепко все понятно. Ну переспал «похожий на» с двумя, а не тремя, ну выкрал олигарх из царевой казны не миллион, а восемь. Какая разница? Суду все ясно. Мир «новых русских», отраженный в печатном же многословии, оказался удручающе неглубок, а те немногие персонажи — и выдуманные, и реальные, претендующие на некую трехмерность, очень быстро идут на дно — и в книгах, и в жизни. Но книжки-булки все пекутся, ими залваны прилавки.

Нам хватило всего лишь десять лет «полной свободы творчества», чтобы книга о жизни обычной сибирской деревни читалась как откровение.

Тракторист Илюха, водитель Степан, аптекарьша Васюна, сторож Гурий Фадеевич, слесарь Семен, пенсионерка Мария Савельевна Шипицина С ужасом осознаешь, что о них и о сегодняшней их жизни так называемый массовый

читатель и знает, и размышляет куда меньше, чем о персоне господина Березовского. И если есть у нас в стране другая, неизвестная страна, то это ныне та страна, о которой пишет в своей книге наш земляк Николай Коняев.

Он родился в 1954 году в поселке Нялино Ханты-Мансийского автономного округа. Окончил Омский филиал Всесоюзного финансово-экономического института и Литературный институт имени А.М. Горького. Работал экономистом, журналистом, в настоящее время является главным редактором альманахов писателей Югры «Эринтур». Живет в Ханты-Мансийске. Первые его рассказы были напечатаны в журнале «Урал». В 1992 году вышла книга его прозы «Сборщик дани», в 1993-м — повесть «Перековка», год спустя — сборник рассказов «Чужая музыка», в 1996-м — сборник повестей «Околоток Перековка». Таков чисто внешний солидный пунктир писательской биографии. Все остальное — внутри его книг.

Писатель Николай Иванович Коняев, как и Иван Алексеевич Бунин в семнадцатом году, не принял и не простил того, что сделали с его народом. В том давнем октябре хребет стране загнули влево, а в октябре недавнем — вправо. И здесь неважно, что коняевские персонажи душой остались в том советском прошлом, что для ба-

рина Ивана Алексеевича было ненавистным настоящим. Родство в другом: как больно людям на изломе, как трещат у них кости, как стонут сердца. Вот о чем очень хорошая книга очень хорошего нашеньского, не столичного во всех смыслах писателя. И о том, что не все и не всё изломалось и рухнуло, ведь есть же и «на палубе крутой» за что держаться: за веру в добро, за любовь и сострадание к ближнему (далеких любить как-то проще), за память об отце и жалость к сыну, за «песню в чужом городе», за тяжкий крест судьбы и неизбывный смысл в лишенном обывательского смысла.

Кстати, о «песне». Похоже, что Коняев ненавидит город, хотя сам и является давно жителем сугубо городским. Все зло — оттуда, все злые люди — приезжие, в том числе и совращенные городом деревенские родные перевертыши. Городскому читателю будет нелегко с этим смириться, и взгляд писательский как будто однокбок, да и ненавидит-то он город тоже по деревенскому — глухо, открыто, на вопрос отвечая молчанием. (Собаки ведь не объясняют, почему они терпеть не могут кошек). Городские часы, по Коняеву, сошли с катушек и запрыгали вперед, а ходики в писательской деревне давным-давно остановились, время замерло, застыло, и люди там

живут, стареют и умирают в душевной пустоте навязанного городом безвременья. Город захватил власть в деревенской стране. По Коняеву это — трагедия. С ним можно спорить, но даже если наш писатель и не прав, то он не прав талантливо и очень убедительно.

Он не судья своим героям, да это и не требуется, ибо герои Коняева судят себя сами. Истинный самосуд — суд самого себя. Не каждый был этим судом оправдан, не всякий пережил суровый приговор, но все они были наказанные жизнью. Удивительная вещь: книга читается с болью, а помнится книга светло.

Не лишним здесь будет добавить, что Коняев стилист, каких нынче немного. Порасуждать о зоркости взгляда и верности слова, о тихой музыке названий коняевских рассказов: «Бывает», «Все перевернут», «Отпустило», «Не в щетке дело», «Котиньку задрали», о любви писателя к Сибири и сибирякам. Помянувши Бунина, исчислить ряд светил родной словесности, определив среди них орбиту и Коняеву Зачем? Оставим же читателю завидное право самому, по доброй воле, без понуканий и подсказки литературных экскурсоводов раскрыть эту зрелую книгу, прочесть ее, прочувствовать, понять и оценить.

А

Автомат — некультурный водитель
 Автосервис — стакан
 Аплодисменты — открытие школы милиции
 Аскорбинка — незначительная обида

Б

Балда — приглашение на танцевальный вечер
 Балалайка — диплом на конкурсе собак
 Банкомет — дискобол
 Барометр — бармен
 Батискаф — мебель отца
 Бескозырка — проигрыш
 Бестолковый — умный чёрт
 Бесстрашный — уродливый чёрт
 Благодать — любовь к начальнику
 Болтуня — яичница
 Бульдог — Му-Му

В

Вернисаж — долг
 Вертихвостка — щенок
 Верхогляд — космонавт
 Водохлёб — утопленник
 Воробей — преследование преступника
 Выпрямитель — учитель физкультуры
 Выставка — вставная челюсть

Г

Глухомань — глухая соседка
 Головоломка — похмелье

Д

Держиморда — стоячий воротник
 Директория — разборка у начальника
 Доброхот — явка с повинной
 Доцент — полный расчет
 Душегрейка — любовное письмо
 Душегуб — поцелуй

З

Задержушка — занавес
 Заставка — доплата
 Замазка — лицо без грима

И

Икрое́т — халявщик на банкете

К

Камуфляж — продавец воды
 Кардинал — требование наличными
 Карнавал — вороний праздник
 Картограф — шулер
 Катавасия — разборка двух котов
 Киловатт — ватное одеяло
 Коловорот — обещание за оградой
 Компромисс — улика на женщину
 Консерватория — митинг на консервном заводе
 Контроль — дублёр в театре
 Котлета — победитель летнего конкурса кошек
 Крапива — крепкое пиво
 Крахмал — закрытие детсада
 Крестоносец — священник
 Крючоктворство — вязание

Л

Лизоблюд — собака на Севере
 Лобогрейка — кепка
 Лоботряс — соглашатель

М

Междуречье — перерыв на конференции
 Меломан — учитель у доски
 Мелиоратор — лектор в пустой аудитории
 Менталитет — милиционер на Чукотке
 Многолистник — писатель
 Молоток — слабый свет
 Монополия — фермерское хозяйство
 Мотовило — сенометатель
 Мышеловка — кошка

Н

Нахлебник — солонка

О

Окладник — бюджетник
 Окрошка — маленькая женщина
 Операция — рация милиционера
 Орнамент — жалоба на милицию
 Отворот — незваный гость
 Отработка — прогул
 Охрана — ранний подъём

П

Падишах — переворот на Востоке
 Парафин — семья в Скандинавии
 Парашютист — парный конферанс
 Партбилет — шпаргалка
 Перепел — победитель конкурса вокалистов
 Пилорама — портрет жены
 Подушка — советник
 Позолота — упражнение йогов
 Полиглот — обжора
 Политрук — умывальник
 Полишинель — плащ-палатка
 Половина — разбавленное пиво
 Полумера — обвес
 Постамент — пост ГАИ
 Постскриптум — радикулит
 Пострел — киллер
 Примочка — клипсы
 Простолюдin — сельский сход
 Пустомеля — мельница без зерна

Р

Рукоприкладство — аплодисменты

С

Самовар — хозяин харчевни
 Самосад — дача
 Сопромат — пересказ анекдота
 Страхсбор — оперативка
 Стройка — средний балл

Т

Телеграф — граф на телеге
 Телефон — плохой звук телевизора
 Толстосум — почтальон
 Топограф — пеший дворянин
 Топтун — тензор

У

Удавка — очередь
 Универсам — платное обучение
 Ухажёр — любитель ухи

Ф

Фасон — команда Мухтару
 Фигура — неудачная атака

Х

Холстомер — продавец

Ч

Чайхана — нет заварки
 Чистилище — вытрезвитель

Ш

Шелкопряд — ткачиха
 Шаровары — галушки